

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Я РУССКИЙ МИР

**XIV Ассамблея Русского мира
прошла в онлайн-формате**

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ВИСОКОСНЫЕ УРОКИ КОРОНАВИРУСА

УХОДЯЩИЙ ГОД НАМ ЗАПОМНИТСЯ НАДОЛГО. ПРЕЖДЕ всего тем, что лишний раз подтвердил поговорку: «Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Коронавирус спутал все, заставив перестраиваться на ходу и приспосабливаться к новым реалиям. Обычно в таких случаях говорят: «Мир уже не будет прежним». Но это не совсем так.

Во-первых, он никогда не бывает «прежним». Во-вторых, как было сказано, все проходит – и это пройдет.

Конечно, кое-что из тех навыков, к которым нас приучил tre-клятый коронавирус, останется с нами надолго. Изменится то, как мы путешествуем по миру: как с недавних пор нас стали проверять «на терроризм», так теперь будут проверять «на иммунитет». Мы вполне освоили дистанционные формы работы и учебы – и оказалось, что многолюдные офисы не так уж нужны, а многие командировки, семинары и симпозиумы можно вполне заменить онлайн-общением. Вовсе не обязательно теперь всем стремиться в крупные города с их суетой, толпами и платными парковками. Работать можно издалека.

Мы провели в онлайнe XIV Ассамблею Русского мира. Конечно, это не значит, что так будет и впредь, поскольку личное общение все равно не заменишь онлайнeм. Уходящий год научил нас ценить такое общение еще сильнее.

С наступающим вас, дорогие читатели, не болейте! 🍀

РУССКИЙ МИР

06 Русский мир онлайн

ИНТЕРВЬЮ

12 «Мы переходим в мир визуалов»

ИСТОРИЯ

18 Болдинская
осень 1.0

24 Владимир
Мономах
и Крестовые
походы

30 Баловень
судьбы

НАСЛЕДИЕ

38 Непарадный Петергоф

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

50 Труд и доблесть
«бабьего цеха»

СИТУАЦИИ

54 Приключения
памятника

РЕПОРТАЖ

60 «От лепоты изумиться»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

68 Эффект бабочки

ГОРОДА РОССИИ

76 Лихвин
как он есть

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

86 Дом, который
запомнил Вульф

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 «Великая сибирская стена»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Николай АНДРЕЕВ
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Татьяна НАГОРСКИХ
Вячеслав НИКОНОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегио-
нального общественно-
го фонда «Фонд
изучения исторической
перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке, председатель
правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского
государственного
педагогического
университета
им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор
федерального государ-
ственного бюджетного
учреждения культуры
«Государственный
Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник
заместителя
председателя
правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым
поручениям МИД
Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель
попечительского
совета Фонда Андрея
Первозванного
и Центра национальной
славы

РУССКИЙ МИР ОНЛАЙН

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ПАНДЕМИЯ COVID-19 ВНЕСЛА СВОИ КОРРЕКТИВЫ И В РАБОТУ
ФОНДА «РУССКИЙ МИР»: ЕЖЕГОДНУЮ АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА
ПРИШЛОСЬ ПРОВЕСТИ В ОНЛАЙН-РЕЖИМЕ. ДЛЯ УЧАСТИЯ В ДИСКУССИЯХ
И КРУГЛЫХ СТОЛАХ, ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОНДОМ, ЗАРЕГИСТРИРОВАЛОСЬ
БОЛЕЕ 2 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ИЗ 117 СТРАН.

ТЕХНИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ мероприятий взяли на себя сотрудники телерадиокомпаний «Русский мир», трансляции велись на сайте журнала «Русский мир.ru», на портале фонда «Русский мир» и в социальных сетях. Сама Ассамблея традиционно стартовала 3 ноября, однако уже 27 октября началась трансляция предварительных мероприятий.

ПЕРЕД АССАМБЛЕЕЙ

Первым из них стал форум «Молодежь в эпоху цифровых технологий», в рамках которого прошли «Школа молодого журналиста», презентации учебников, учебных пособий и программ, а также встреча «Друзья, прекрасен наш союз: снова вместе!».

Занятия в «Школе молодого журналиста», организовать которую фонду «Русский мир» помог издательский дом «Комсомольская правда», продолжались три дня. Открыли занятия исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин и заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда» Евгений Сазонов, поприветствовавшие участников «Школы». Владимир Кочин пожелал им творческих успехов и единства Русского мира, а Евгений

Сазонов подчеркнул, что в современном мире от журналиста требуется универсальность: способность профессионально не только писать тексты, но и выступать на радио, вести каналы в соцсетях, а при необходимости снять видеорепортаж или даже фильм.

«Как сделать спецпроект и не уметь», «Кризисная журналистика. Антипаника», «Искусство репортажа», «Медiateкст и его автор», «Текст как искусство» – таковы были темы мастер-классов «Школы журналистики». Их провели руководитель редакции сайта tass.ru Маргарита Головина, генеральный директор АНО «Русские репортеры» Дмитрий Михайлин, корреспонденты «Комсомольской правды» Дина Карпицкая и Эдвард Чесноков, член Орфографической комиссии РАН Мария Ровинская, президент ассоциации «Европейский диалог» Вера Медведева, специалист по SMM Илья Лочканов, главный редактор портала «Русское поле» Юрий Еременко.

В рамках Молодежного форума прошла также презентация учебников, учебных пособий и программ для изучения русского языка. Традиционные формы учебных пособий в этом году дополнены видеокурсами, онлайн-кабинетами и школами, работающими в Сети.

Фестиваль студентов, изучающих русский язык, «Друзья, прекрасен наш союз!» традиционно проходит в начале осени в Болгарии. В этом году мероприятие перешло в онлайн-формат. Встречу провели режиссер театра и кино Алексей Свиридов и шеф-редактор ТРК «Русский мир» Евгения Фахуртдинова. В ходе фестиваля были объявлены победители конкурса на лучший видеоролик, в котором студенты рассказали, почему и как они изучают русский язык. На конкурс было прислано более 40 работ из Венгрии, Греции, Казахстана, Монголии, Сербии, США, России, Китая.

Также перед открытием Ассамблеи были подведены итоги IV Международного конкурса молодых журналистов «Со-Творение». На суд жюри было представлено более 400 работ. Конкурс проводится один раз в два года, партнерами фонда «Русский мир» в нем выступают ИД «Комсомольская правда», МИА «Россия сегодня», журнал «Международная жизнь», журнал «Русский репортер».

30 октября онлайн-встречу с читателями провели главный редактор журнала «Русский мир.ru» Георгий Бовт и шеф-редактор журнала Лада Клокова. Главной темой встречи стал ноябрьский номер журнала.

По словам председателя правления фонда «Русский мир», эпидемия Covid-19 – это возможность Русского мира заявить о себе. Так, в Рос-

Вячеслав Никонов также объявил о создании нового конкурса проектов дистанционного преподавания русского языка – «Русский мир онлайн». «Сейчас наступило время для глобального русского образовательного проекта. Весь мир работает и учится дистанционно, и мы должны использовать эту возможность для продвижения русского языка, культуры и наших ценностей – свободы, справедливости, совести,

«Русский мир онлайн» – так называлась тема панельной дискуссии, которую провел глава фонда Вячеслав Никонов. Открывая встречу, он напомнил, что, выступая в июне 2020 года на открытии памятника, посвященного жертвам и героям Ржевской битвы, президент РФ

Владимир Путин заговорил о российской цивилизации, что вызвало живой отклик в обществе. «Сегодня, – отметил Вячеслав Никонов, – российская цивилизация тоже вынуждена уйти в онлайн-измерение. Что все это означает для нас, для Русского мира как глобального феномена? И что это означает для Русского мира как нашего сообщества, для каждого из нас, для тех, кто болеет за судьбу русского языка?»

«Понятие Русского мира – прежде всего культурно-духовное, самоидентификационное, если угодно. Это не армия агентов, но армия адептов России по всему миру, то есть всех тех, кто добровольно и осознанно причастен к уникальному культурно-историческому явлению, коим и является Русский мир», – отметил председатель комитета Совета Федерации РФ по международным делам Константин Косачев. Он подчеркнул, что войны происходят

не там, куда пришел Русский мир, а там, откуда он ушел. Русский мир играл удерживающую роль для многих народов, не давая разгореться застарелым конфликтам.

Советник президента Российской Федерации по вопросам культуры, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) Владимир Толстой напомнил об экзистенциальных вызовах, которые бросает новый мир нашему обществу и каждому человеку в отдельности. Основой духовного саморазвития он назвал чтение книг и образование.

Виртуальное пространство сыграло свою роль в том, что мы сохранили все контакты и связи, мы по-прежнему приобщаем людей к многонациональной российской культуре, отметил спецпредставитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой.

О работе в новых условиях рассказали директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова, директор Музея Победы на Поклонной горе Александр Школьник, ректор МГИМО МИД России Анатолий Торкунов, профессор Университета Гранады Рафаэль Гусман Тирадо, председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников (ВКСРС) Михаил Дроздов, а также директор Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Николай Свентицкий.

«Россия сегодня другая. Это совсем не та страна, которую мы наблюдали в 90-е годы, когда Россия была разорвана в клочья, экономика была разорвана в клочья, мозги разорваны в клочья. Сейчас Россия собралась. У нее есть очень серьезные партнеры в этом мире, и мы на правильной стороне истории», – сказал Вячеслав Никонов, подводя итоги дискуссии.

ОШИБКА ГЕНИЯ

Федор Достоевский полагал, что уже через десять лет после смерти его забудут. Профессор Петрозаводского государственного университета, почетный президент Международного общества Ф.М. Достоевского Владимир Захаров рассказал об этом во время круглого стола «Мир Федора Достоевского: почему интерес к писателю не ослабевает?». Модератором дискуссии выступила профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Надежда Михновец.

Писатель ошибался: его книги издаются миллионными тиражами на многих языках мира, его творчество вызывает споры, его произведения ставят на театральной сцене и изучают в школе. А другим литераторам остается только задаваться вопросом: как быть писателем после Достоевского? Такое мнение высказал Владимир Захаров.

В дискуссии приняла участие профессор Университета Северной Каролины (США) Кэрл Аполлонио. Она рассказала, что коллеги из Канады готовят проект «Диджитал Достоевский», в этом году откроется сайт Международного общества Достоевского, а в Университете Чикаго готовят несколько работ по творчеству писателя.

«Двухсотлетний юбилей художника, политика, мыслителя Достоевского, который Русский мир будет отмечать в следующем году, событие мирового масштаба», – отметила Надежда Михновец, завершая дискуссию.

ТРУДНОСТИ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

Пандемия вынудила школы и университеты перейти на дистанционные формы обучения. Проблемы русистов и трудности дистанционного обучения обсудили участники круглого стола «Как преподавать русский язык в цифровую эпоху?», ведущим которого стал ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, заместитель председателя правления фонда «Русский мир» Сергей Богданов. «Жизнь уже никогда не будет такой, какой она была до пандемии, и наша задача –

сохранить в этом будущем все лучшее, что мы с вами создали вместе», – отметил он.

Президент Казахской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Элеонора Сулейменова рассказала о том, что в республике для дистанционного обучения активно используются не только всем известные иностранные онлайн-платформы, но и ресурсы собственной разработки.

Язык – это не математика, для его изучения важно общение в парах и в группах, уверен профессор русского языка и литературы Хельсинкского университета, вице-президент МАПРЯЛ Арто Мустайоки. А профессор Института славистики немецкого Университета им. Эрнста Морица Арндта, член президиума МАПРЯЛ Вальтер Харри признался: дистанционное обучение дается тяжело не только ученикам, но и преподавателям.

Заметный отклик зрителей вызвало обращение из Риги представителя Штаба защиты русских школ Латвии, журналиста Аллы Березовской и председателя Сообщества родителей Латвии Юлии Сохиной. Алла Березовская сообщила, что все школьное образование в Латвии по решению властей полностью переводится на государственный язык обучения. «Родители Латвии в отчаянии ищут варианты обучения детей на родном языке», – сказала Алла Березовская. – Уже есть несколько российских дистанционных школ, которые на коммерческой основе предлагают обучение по различным программам. Но такое обучение доступно не всем. Мы обращаемся к фонду «Русский мир» с предложением взять на себя разработку проекта по созданию и внедрению Единого дистанционного российского образования для детей соотечественников, где можно будет бесплатно учиться по специальной программе». «Буквально на днях Сообщество родителей вместе с Санкт-Петербургским государственным университетом создало первый подобный проект, – подчеркнула Юлия Сохина. – За неделю мы получили около тысячи заявок на дополнительные занятия в онлайн-

школе на русском языке. Прошу поддержать Петербургский университет и помочь ему в этом начинании. Возможно, наш совместный пилотный проект мог бы стать базой для создания Единого дистанционного российского образования».

Подводя итоги круглого стола, Сергей Богданов выразил надежду на то, что преподавателям русского языка всего мира удастся преодолеть все сложности и повысить эффективность образовательных программ.

ОНЛАЙН-ПРОДВИЖЕНИЕ

Круглый стол «В чем секрет успеха продвижения культурно-гуманитарного контента в Сети?» провела главный редактор телерадиокомпании «Русский мир» Любовь Курьянова. Учит учитель, а не технологии, уверена руководитель направления «Словесность» в «Яндекс.Учебнике» Анна Булгакова. Технологии помогают педагогу, не отменяя при этом многолетних наработок в преподавании. Отслеживание успеваемости учеников, назначение и автоматическая проверка домашних заданий, индивидуальная работа с отстающими – именно о такой помощи учителю рассказала представитель отечественной интернет-компании.

Курс SMM – продвижения в социальных сетях – сейчас включен в программу режиссерского факультета ГИТИСа, подобный же курс планируется ввести и на актерском факультете, сообщил ректор вуза Григорий Заславский.

О том, как удалось организовать десятки трансляций в условиях пандемии, рассказала заместитель генерального директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей Русского музея Ольга Бабина. Опытом продвижения своих проектов поделились музейные работники, общественные деятели, блогеры, представители творческих профессий.

ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«100-летие Русского исхода: вклад русской эмиграции в науку, культуру и образование зарубежных стран» – тема круглого стола, который провела заведующая отделом истории российского зарубежья Дома рус-

ского зарубежья им. А.И. Солженицына Марина Сорокина.

«Российская эмиграция XX века оказала на формирование глобальной цивилизации огромное влияние, она создала уникальный мир науки, культуры, философии, литературы, живописи, музыки, театра, инновационных технологических идей, которые стали достоянием всего человечества», – отметил президент Российского государственного гуманитарного университета профессор Ефим Пивовар.

Руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Елена Гуськова напомнила, что в Белграде жили прямые потомки Пушкина, Суворова, Льва Толстого, а всего в Югославию из России после революции прибыло около 40 тысяч человек.

Эмигранты в Париже стремились исполнить миссию сохранения России на чужбине для будущего. Для президента ассоциации «Франция – Урал» Дмитрия де Кошко это семейная история, это рассказы, которые он слышал от своих родителей.

О вкладе русской эмиграции в мировую культуру и науку рассказали также профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай, президент ассоциации «Франко-российский альянс», председатель ассоциации «Общество памяти Императорской гвардии» князь Александр Трубецкой, директор словенской автономной некоммерческой организации «Веселые ребята» Юлия Месарич, руководитель Русского центра филологического факультета Белградского университета Бояна Сабо-Трифкович, директор владивостокского издательства «Рубеж» Александр Колесов.

После окончания дискуссии состоялась онлайн-премьера фильма «Король неба» о русском летчике-асе, герое Первой мировой войны Иване Смирнове. В программу XIV Ассамблеи Русского мира вошла также презентация испано- и португальязычного проекта *Rax Russica*. Его цель – создание позитивного образа России в странах Латинской Америки, популяризация ее выдающихся достижений в сфере науки, образования, культуры, литературы и искусства.

БОРЬБА С ФЕЙКАМИ

Как в Интернете отличить достоверную информацию от недостоверной? Как бороться с фейками в Сети? Эти и другие вопросы обсудили участники круглого стола «Верить или не верить информации в социальных сетях: различные взгляды на историю, политику и общественную жизнь в «Паутинах», который провели главный редактор и шеф-редактор журнала «Русский мир.ru» Георгий Бовт и Лада Клокова.

«Я бы посоветовал каждому определить круг информационных ресурсов, которым можно доверять», – сказал первый заместитель генерального директора ТАСС Михаил Гусман, добавив, что в условиях гигантского информационного потока важно стать квалифицированным потребителем информации, выработать собственные критерии и фильтры.

Об эффективном способе борьбы с фейками на примере истории Второй мировой войны рассказала соучредитель исследовательского центра «Память», журналист Юлия Эггер. По ее мнению, нужно использовать проверенную информацию и документы из архивов, чтобы добиться доверия пользователей Сети.

К сожалению, именно Вторая мировая война стала главной целью невообразимых фейков в Латвии. Точнее, речь идет об отрицании известных фактов и исторических манипуляциях. Как, например, в случае с концлагерем Саласпилс. Об этом рассказала журналист из Латвии Алла Березовская.

Ее российская коллега Марина Ярдаева подробно рассказала о технологии распространения фейков в социальных сетях. Сомнительные источники информации, таргетирование, эмоциональная окраска новостей – это распространенные приемы, к которым обычный пользователь очень восприимчив.

Тему продолжил шеф-редактор проекта «Сноб» Сергей Цехмистренко. Он считает, что владельцы популярных платформ занимаются политической цензурой, активно влияя на то, какая информация размещается в сетях.

В дискуссии приняла участие член Общественной палаты РФ, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ Мария Бутина, которая несколько месяцев провела в американской тюрьме. Она уверена, что происшедшее с ней как раз и было ярким примером манипулятивных технологий, целью которых являлся подрыв отношений между Россией и США. Она отметила, что главным оружием в информационной борьбе должна оставаться правда, а политическая цензура в Сети недопустима.

ОБЩЕНИЕ С ВЕРУЮЩИМИ

Круглый стол «Межрелигиозный диалог онлайн» собрал участников и зрителей, обсудивших влияние пандемии на жизнь религиозных общин. Провели встречу советник исполнительного директора фонда «Русский мир» Анатолий Блинов, заведующий секретариатом по делам дальнего зарубежья Синодального отдела внешних церковных связей РПЦ протоиерей Сергей Звонарев и ведущий программы на радиостанции «Вести FM» Марат Сафаров.

Предстоятель Русской православной старообрядческой церкви митрополит Корнилий рассказал о том, что тысячи людей со всего мира слушают онлайн-проповеди и лекции просветительского отдела, в том числе версии на английском языке. Он согласился с тем, что мы живем в трудное время, отметив, что в тысячелетней истории России никогда не было простых времен.

Настоятель Рождественского храма в деревне Поярково, ответственный по вопросам семьи, защиты материнства и детства Московской епархии о. Александр Насибулин рассказал о своем участии в проекте «Батюшка онлайн». А руководитель управления по работе с госструктурами Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Павел Лебедев напомнил об активном развитии православных интернет-СМИ.

О совместном проекте Совета муфтиев России и фонда «Русский мир» «Священный Коран и хадисы

пророка» рассказал его автор Ёркин Шукурлаев. Еще два проекта представил руководитель департамента культуры Духовного управления мусульман РФ Ренат Абянов: книгу «Священная война. Духовные управления мусульман в годы Великой Отечественной войны» и фотовыставку «Под небом единым», которая представляет деревянные мечети и деревянные православные церкви России. Эти проекты помог подготовить фонд «Русский мир».

Руководитель еврейской общины «Бейт-Хабат на Мичуринском» Шимон Краснодомский отметил, что аудитория в онлайн больше, чем при проведении мероприятий в традиционной форме, но качество общения при этом снижается. О встрече президента РФ с лидерами основных религиозных общин России, которая традиционно проходит в День народного един-

ства, 4 ноября, рассказал председатель комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений Владимир Зорин. По данным Минюста РФ, в стране зарегистрировано 31,5 тысячи религиозных организаций. Владимир Зорин считает, что на состоянии межконфессионального согласия, профилактике экстремизма и терроризма позитивно сказывается активная позиция государства.

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

9 ноября прошла онлайн-встреча с исполнительным директором фонда «Русский мир» Владимиром Кочиным. Он рассказал о том, как фонд работал в условиях пандемии. «Многие наши международные проекты оказались под угрозой, но пандемии не удалось остановить ни фонд, ни тех, кого мы поддержи-

ваем во многих странах», – отметил Владимир Кочин, добавив, что грантовую программу пришлось пересматривать, так как во многих случаях менялись формат и сроки реализации проектов.

Апофеозом нового подхода Владимир Кочин назвал проведение XIV Ассамблеи Русского мира в режиме онлайн. Он отметил, что в Сети организация многих мероприятий упрощается. Например, видеоконференцию провести легче, чем личную встречу, а само мероприятие становится доступнее для желающих принять в нем участие. По мнению Владимира Кочина, в будущем нужно найти золотую середину между онлайн-встречами и личным общением.

Исполнительный директор фонда «Русский мир» выразил надежду на то, что пандемическая ситуация улучшится и следующая Ассамблея пройдет в традиционном формате.

«МЫ ПЕРЕХОДИМ В МИР ВИЗУАЛОВ»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ
ИМЕНИ А.В. ЩУСЕВА – ОЧЕНЬ НЕПРОСТАЯ ЭКСПОЗИЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА:
КАК МОЖНО ПОПУЛЯРНО ДЕМОНИСТРИРОВАТЬ АРХИТЕКТУРУ?

ФОНДЫ МУЗЕЯ СЕЙЧАС НАСЧИТЫВАЮТ более 800 тысяч единиц хранения – графика XVIII–XX веков, архив, уникальные фотографии и негативы, трехмерные объекты, библиотека! Совсем недавно в основную экспозицию вошла уникальная коллекция фресок XVII века, спасенных из собора Калязинского монастыря и с 1940 года хранившихся в запасниках (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2020 год, статья «Подвиг длиной в восемьдесят лет». – Прим. ред.). Это в немалой степени заслуга директора музея Елизаветы Лихачевой, осуществившей наконец заветную мечту своих предшественников на этом посту.

– Елизавета, как получилось, что идея об устройстве музея архитектуры возникла еще в XIX веке, а осуществить ее смогли только в Советском Союзе – в 1934 году?

– Была и есть в Санкт-Петербурге Академия живописи, ваяния и зодчества. Это учебное заведение, там есть свой академический музей и архитектурный раздел. При советской власти появилась Академия архитектуры, раньше ее просто не было. Многие музеи, например Государственный Эрмитаж, собирали архитектурную графику в большом количестве. И архив существовал, но архитекторы лоббировали создание специального музея. А проблема состояла в том, что никто не мог сформулировать, что такое музей архитектуры: зачем он нужен, что хранить, что показывать? Мы же не можем повесить ярлыки на все здания в городе и обнести их оградой! И в 1930-е годы это не сформулировали – Академия архитектуры создала не музей, а фактически архитектурный кабинет. Что это значит? Это явление родилось в XVII–XVIII веках – «кабинет древностей», собрание всего: живопись, графика, редкие минералы, книги, артефакты, оружие... Например, Румянцевский кабинет лег в основу будущей Ленинской библиотеки, часть его, в том числе известная картина «Явление Христа народу», была передана Третьяковской галерее.

– В Иванове и сейчас есть потрясающий кабинет фабриканта Дмитрия Бурьлина с античными монетами и средневековыми доспехами... Но когда Музей архитектуры открылся в Донском монастыре, в собрании сразу оказалось внушительное количество экспонатов. Из каких источников все сложилось?

– Во-первых, действиями межмузейной комиссии все собрания всех музеев страны были объединены в единую структуру – Музейный фонд. Из запасников разное добро распределялось между музеями. Например, часть коллекции Эрмитажа ушла в региональные музеи, а из Москвы часть коллекции переехала в Эрмитаж. Исходя из каких-то своих, возможно неправильных, представлений, это делали комиссии. А коллекция Музея архитектуры – это архивы Академии архитектуры, крупных проектных институтов, архитектурных конкурсов, в частности все материалы конкурса на строительство Дворца Советов и мавзолея. Второй источник – сносы, например история затопления Калязина и его знаменитого на всю Россию Троицкого монастыря с этого года вошла в постоянную экспозицию нашего музея. И ведь сотрудники академии по всей стране пытались спасти артефакты! В музее есть коллекция архитектурных деталей без провенанса, которая в учетной документации 1935 года фигурирует как «три ящика с обломками». Что за обломки, откуда они пришли?..

Третий источник – это антирелигиозный музей, который находился на территории Донского монастыря и был закрыт в 1934 году. Его собрание по большей части распределено между разными музеями. Все, что не забрали другие, осталось в Музее архитектуры. У нас довольно большой объем экспонатов религиозного искусства – убранство храмов, фрагменты иконостасов, всевозможные витые колонки-арабески с виноградными лозами, золоченые капители, сени надпрестольные...

Ну и четвертое пополнение – то, что Академии архитектуры передавали сами архитекторы. В рамках работы архитектурного кабинета более или

менее определилась концепция, и, когда Алексей Викторович Шусев создает музей в 1945 году, он уже понимает, что именно должен собирать музей: графику, фотографии, макеты. И коллекция МРА – Музея русской архитектуры Алексея Шусева – в основном построена на этом. Скажем, мебели в коллекции почти не было, он ее не собирал. Он не показывал интерьеры, как это делалось в Музее архитектуры в Донском монастыре: в экспозиции лежит, например, лист Казакова – это классицизм, и под ним стоит мебельный уголок эпохи классицизма. Такая методология тоже есть, но Шусев ее не принял.

И пятый способ пополнения коллекции Музея архитектуры при академии это всевозможные архитектурные части музейных собраний. И один из наших экскурсионных маршрутов – «Неосуществленное будущее. Модель Большого Кремлевского дворца Василия Баженова» – это Москва XVIII века, начало царствования Екатерины II и ее идея переустройства Московского Кремля. Из Оружейной палаты нам передали все, что касается Кремля, Большого Кремлевского дворца, альбомы Казакова. Они хранились в мастерских Оружейной палаты, и на них до сих пор стоят штампы, которые уродуют вещи, но мы их вытравливать не собираемся, это часть истории предмета.

В 1960-х в Международном союзе музеев создается раздел ICAMT – Международный комитет музейной архитектуры и техники, объединивший архитектурные музеи и музеи дизайна. Это была инициатива директора Музея архитектуры Виктора Балдина. Именно Музей архитектуры разрабатывает методологию музейных архитектурных собраний – отсюда, из России, мы практически учили весь мир воспринимать архитектуру как искусство.

– *То есть это вообще первый музей архитектуры в мире?*

– Именно музей – да! Не архив. Есть принципиальная разница между архитектурным музеем и архивом. Мы научили людей читать архитектуру по авторскому листу, по эскизу, по наброску, по отмывке, по чертежу. Мы научили людей воспринимать архитектуру как искусство. Но не сам объект, а его изображение на плоскости. Мы можем ротировать графику, если собрание музея позволяет. Это действительно началось здесь! И теперь, когда люди об этом слышат, они говорят: этого не может быть, ну чего такого в советской России могли придумать!

– *Да много чего!*

– Много чего интересного! Вон, человека в космос запустили. Дело в том, что постепенно для

людей такое восприятие архитектуры стало естественным. Понимаете, это из серии «кто изобрел колесо?»: какая разница, кто его изобрел, – все им давно пользуются! Я говорю не об отстаивании национальных приоритетов, но этот момент очень важен – что именно в России это началось! И после нашего советского музея начали по всему миру создавать архитектурные музеи.

В 1991 году решением московских властей Донской монастырь, где располагался Музей архитектуры, был возвращен Русской православной церкви. Экспонаты в срочном порядке были эвакуированы на Воздвиженку, в дом усадьбы Талызиных–Устиновых XVIII–XIX веков. Но важно помнить, что музей – это место, куда человек приходит общаться с подлинным предметом. Подлинный предмет и подлинность предмета это крайне значимый фактор, который ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, и поэтому для меня, как для директора музея, обеспечение доступа к подлинникам – одна из важнейших задач. Музей архитектуры располагает тремя выставочными пространствами: Анфилада главного дома Талызиных–Устиновых, обновленный Флигель «Руина» и средневековое пространство Аптекарского приказа – трапезных палат XVII века. В нашем внутреннем дворе, закрытом от шума Воздвиженки,

размещены скульптуры – подлинные фрагменты Триумфальной арки Осипа Бове, решетки оград XIX–XX веков, садово-парковая скульптура XVIII–XIX веков. И главная цель нашей работы – люди, которые сюда приходят. А дальше – технологии: как показывать, что показывать, в какой степени использовать новые технологии...

Это, кстати, одна из самых спорных историй в современном музееведении. Я категорический противник использования новых технологий рядом со старыми предметами. Вы можете повесить монитор перед залом с «Моной Лизой», где человек прочитает какую-то информацию, но не надо рядом с ней его вешать! Рафаэль, Леонардо, Микеланджело не нуждаются в 3D-проекциях. Они сами по себе замечательные. Сейчас пересматривается понятие музея: что это такое, как он работает, зачем существует? ICAMT пытается придумать новое определение, которое включает в себя такие вещи, как инклюзивность, доступность, переосмысление проблем. Но музей – это сохранение, изучение, просвещение. Всё! А «правильное освещение любой проблемы» – это две, три, пять точек зрения. Да, мы показываем проекты Казакова для Кремля, а рядом показываем проект Баженова, рядом – Тона, рядом с Тоном – советских архитекторов. Вот вам одно место – четыре точки зрения...

– При этом в общении с современным, актуальным искусством есть «ловушка»: само название предполагает его сиюминутность, завтра актуальность будет другой...

– Мы должны показывать современное искусство, современных художников, современных архитекторов – мы это делаем. И в идеале они должны вступать в спор с постоянной экспозицией – это абсолютно точно. Мне очень понравилось то, что сделал Пиотровский: он Фабра поставил в залы Эрмитажа. Почему это у всех вызвало раздражение? Ну, вы рассчитываете на определенный уровень рефлексии, а вдруг получаете не то, что хотели. Другое дело, должен ли музей собирать современное искусство. Многие мои коллеги говорят, что должен. На мой взгляд – нет. Время рассудит. Один из моих предшественников, Давид Саркисян, сказал очень правильную вещь: музей – это место, где хранится прошлое и где деятельные и образованные люди формируют будущее. И он был прав. На мой взгляд, это одно из самых точных определений музейной институции вообще. И если говорить о музее как о кладбище культуры – да, конечно, я директор кладбища, никаких проблем. Все мои герои – покойники. Я стараюсь к ним периодически добавлять кого-нибудь живого. Но я же не могу заставить современных архитекторов рефлексировать. Они же могут отказаться от рефлексии – это их выбор, они свободные люди. Я не могу влиять на художественный процесс. Мое влияние на художественный процесс – это студенты-архитекторы, которые приходят на мою экспозицию, это дети, которых я учу резать камень, это мои лекции об искусстве. Вот все. И музей – это место, свободное от цензуры.

– *Елизавета, архитектура – вид искусства, но насколько в современности ее касается вопрос «формы и содержания» – проблема ли это?*

– Современная архитектура очень разная. XX век подарил миру массовую застройку, и не только жилую. До этого, конечно, типовая архитектура существовала, но не в таких объемах и количествах. Все-таки каждый раз проект был индивидуальным. А сейчас мы получили то, что называется индустриальным домостроением, когда дома, по сути, строятся как фабричное производство зданий. И XX век, и начало XXI века – это век индустриальной архитектуры. С другой стороны, существуют архитекторы – Заха Хадида, Дэвид Чипперфилд, Юрий Григорян, Сергей Скуратов, – которые создают дома с учетом того, что называется искусством.

Это известный спор среди искусствоведов: в какой степени можно считать архитектуру чистым искусством и где его граница с прикладным искусством?.. Но когда вы смотрите на стол XVII века – это вполне утилитарный предмет, и за ним люди сидели, вкушали пищу или играли в карты, но при этом нами он сейчас воспринимается как предмет искусства. Это не вопрос содержания искусства

в предмете – это вопрос нашего к нему отношения. То есть вообще определение понятия «искусство – не-искусство» это вопрос отношения: что является искусством, что им не является. Искусство можно рассматривать как вид человеческой деятельности. Я уверена, создание и восприятие искусства – это проявление базовой человеческой потребности. Мне неизвестны люди, которые живут без этой потребности. Но архитектура – сложная штука, и ее тяжело понять, ее надо уметь читать. Для меня лично искусством является любой архитектурный объект. Не только здания. Это графика, макеты, фотографии архитектуры – все это, так или иначе, отражение искусства.

– *Когда для современной стройки сносятся старые здания – это «нормальный дарвинизм»?*

– Я категорический противник любых сносов, но я также разумный человек и понимаю, что иногда без этого не обойтись... Например, Базель, прекрасный город, замечательный, с очень старой архитектурой. Но он зажат между двумя странами и кантоном, там нет земли, нет места для расширения, и они вынуждены что-то сносить, чтобы на этом месте что-то строить. У них нет другого варианта. Дома приходят в негодность, и в какой-то момент экономика содержания дома превышает все мыслимые ресурсы, а деньги в Швейцарии считать умеют.

Содержание современной архитектуры как искусства – это вопрос прежде всего к архитектору: в какой степени он сам хочет спроектировать и создать произведение искусства? Если он воспринимает себя не только как строителя, но и как художника, то у него получаются предметы искусства, как архитектура Захи Хадида. Если он относится к себе как к человеку, который просто создает некий объект с вполне утилитарной ценностью, то мы получаем, как правило, не очень качественные вещи.

– *Слово «новодел» – всегда с ноткой пренебрежения. И есть впечатление, что все новоделы создаются с очень коротким временным запасом. Аспект качества работы просто потерял цену...*

– Утрата навыка – не только ремесленного, но и навыка воспринимать искусство – связана с очень простой вещью. Все старые искусства связаны с цивилизацией, которая построила свои памятники и ушла. Мы по привычке считаем себя частью той цивилизации, но мы не ее часть. Мы не знаем ничего и не умеем строить так, потому что нам это не нужно – мы живем в другом мире. Вот простой вопрос: что происходит на картине Рубенса «Похищение дочерей Левкиппа»? Кто такие эти дочери, кто такие братья Диоскуры? В чем сюжет? Другой пример: что за мужик стоит в каждом парке с палицей? Почему с палицей, а не с палкой или автоматом?

Когда показываешь христианские сюжеты, фактически приходится пересказывать Библию –

то, что раньше пересказывать никому не надо было. На самом деле люди утратили навык, потому что они не являются частью той цивилизации. Это надо признать и успокоиться.

– Но пока что есть искренне интересующиеся люди!

– Если человек хочет ту цивилизацию осваивать, надо учиться восприятию, читать источники, ходить, смотреть, ездить. Но большинство людей этого не хотят, потому что образование – это всегда сложно и тяжело. Все же хотят, чтобы нам быстренько по USB загрузили мозг. В современном мире мы тонем в потоке информации и не в состоянии справиться с этим океаном знаний, который на нас обрушился. Если бы двадцать лет назад сказали, что у вас в кармане будет лежать устройство, через которое вы сможете получить доступ к любой библиотеке мира, вы бы что ответили?

– Фантастика.

– Да! Мы читали в детстве Кира Булычева, и, когда такие устройства описывались, нам казалось, что мы-то до этого точно не доживем. А мы не просто дожили: у нас дети в этом существуют вполне органично. С одной стороны, мы утратили навык общения со старой цивилизацией, а с другой – у нас не выработан навык общения и жизни в новой. Весь XX век – это переходный этап из одной цивилизации в другую. Мы – четвертое переходное поколение. Я абсолютно убеждена в том, что останусь человеком, который родился в XX веке и живет идеями XIX века. Но факт свершился, и дальше надо учиться жить в новом мире, а мы не считаем его прекрасным. Если раньше человек добывал информацию с трудом и к каждому печатному слову относился как к некоему верифицированному источнику, то сейчас становится понятно, что верить нельзя никому. Даже себе. Иногда. Когда мы в порыве эмоций кликаем за поддержку собак или за спасение какого-то архитектурного здания, то мы сами себя загоняем в ловушку нашего восприятия – мы не разбираемся в проблеме, правдива ли эта история, мы просто среагировали на призыв.

– Но если это новый мир, то и человек – новый? В чем его особенность?

– Очевидно, происходит изменение некоторых законов восприятия: мы переходим в мир визуалов. В XXI веке мы понимаем, как устроено человеческое восприятие. Искусствоведы, архитекторы, художники, психологи понимают, как надо выстраивать эту систему. Мы переходим в мир бесконечных манипуляций. В средневековом храме вы видите не манипуляцию, а некую историю, в которую верите просто по определению: если не верите, то в церковь не ходите, и в церковь ходят все, кто верит в Бога. Но в современном мире никто ни во что не верит, а значит, у человека нет базы, фундамента, на котором он стоит, и в этом случае им очень легко манипулировать.

И манипулируют! Это началось в XX веке – вспомните любую визуальную рекламу. Это придумали художники. Именно сюрреалисты первыми придумали рекламировать не качество продукта, не свойство продукта, а его образ. Вот я произнесу название «Мистер Проппер» – и у вас в голове появится не бутылка со средством, а лысый мужчина, которого вы видели в рекламном ролике. А дальше эта реальность начинает наслаиваться на вашу реальность... В этом отношении мир Средневековья или мир XVIII века был гораздо честнее, чем современный.

Посмотрите, как устроены алгоритмы построения новостных лент в соцсетях, когда оттуда совершенно непонятным образом исчезают одни люди, а другие люди появляются, потому что программисты так настроили новостную ленту. Посмотрите, как осуществляется цензура, она ничем не прикрыта. И в этом отношении наше поколение гораздо более свободно, чем поколение наших детей. Мы свободнее, потому что знаем, что такое свобода. И это касается, в принципе, всего мира.

И поэтому, когда мы сейчас сталкиваемся со всем этим безумием, которое творится вокруг нас, мы испытываем – ну, в лучшем случае – чувство недоумения. Люди всегда были жадными и эгоистичными существами, и в этом отношении никаких изменений не произошло. Просто современная цивилизация позволяет проявляться самым худшим качествам человека. Если раньше надо было соблюдать какие-то правила приличия, то теперь никаких правил приличия нет. Можно написать человеку в Интернете все, что угодно. А потом все можно удалить. То есть никто не отвечает за свои слова.

– Мир стал максимально терпим: никого ни в чем не сдерживает и не останавливает – почему?

– Раньше люди несли ответственность и за себя, и за свою страну, а сейчас свойство любого человека вообще – перекладывание ответственности. В чем конфликт в Америке? Именно в этом: возьмите свою жизнь в свои руки! Нет, им плохое государство не дает. Ну серьезно! Люди не хотят и боятся ответственности. Осознание искусства – это ответственность, твоя трактовка искусства – это ответственность, выбор книг, которые ты читаешь, – твоя ответственность, поведение твоего ребенка – это твоя ответственность... Попробуйте сейчас сделать замечание ребенку, который трогает музейный экспонат. Реакция будет такой: он же ребенок, как же можно, зачем вы трогаете моего ребенка, вы не имеете права! Невозможно представить такую ситуацию на территории музея тридцать лет назад – это раньше называлось хулиганством, приходил охранник и выводил нарушителя. А сейчас охранник не может этого сделать.

Неприкосновенность частного приводит к безнаказанности и безответственности в нарушении общественного. Можно не трогать скульптуру во дворе Музея архитектуры, не оскорблять людей при

полемике в Интернете и так далее, а подумать, что ты можешь быть неправым. Нет, вместо этого мы получаем выплеск агрессии. Потому что – безнаказанно. Поскольку мы наблюдаем рождение новой цивилизации, я думаю, в будущем элитой станут люди, которые сохраняют в себе способность критического мышления и навык обработки информации – прежде всего визуальной.

– *Другие виды информации становятся вторичными?*

– Да. Второй уровень – текстовой. Люди разучились читать тексты, не понимают иронии, не понимают подтекста. А я не понимаю, совершенно искренне, как это возможно в стране, где были Федор Достоевский или Михаил Зощенко, у которых под каждой строчкой есть подстрочник! Когда читаешь Достоевского, то понимаешь, что это не Агата Кристи. А Чехов, который «Чайку» комедией называет? А Шекспир, Данте, Мольер, Стендаль, Бальзак?.. Великий русский поэт Брюсов был человеком энциклопедических знаний. На спор ему задавали вопрос на любую тему, он полчаса готовился и полтора часа читал лекцию, то есть на университетскую пару! Родившиеся еще в остатках старой цивилизации начали искать какие-то новые пути. К концу

XX века мы подошли с тем, что все навыки XIX века оказались утраченными полностью. Это очень хорошо заметно по системе образования: в XIX веке человек с дипломом университета знал минимум три иностранных языка, один из них древний – латынь или древнегреческий, имел представление не только о своей профессии, но и об устройстве мира. Сейчас люди совершенно не владеют собственным языком – не только иностранным, но и своим! И стали писать короткими предложениями, коверкать грамматические нормы, пытаясь выработать другой язык, более подходящий для нового способа общения в эсэмэс и соцсетях. Молодые люди читают текст классического романа и воспринимают его буквально, как математическую формулу. Иными словами, перестали получать удовольствие от чтения, что меня очень расстраивает. Этому способствовали рождение Интернета в 1990-е и активность СМИ – безмерные потоки информации обрушились на человека! И вы меня спросили, почему у нас исчезли навыки. В современном мире они никому не нужны, а все, что не нужно человеку, ментально исчезает. Навык чтения и обработки информации – это последний навык, от которого мы отказались, и он уходит. Это вопрос очень короткого времени... ❀

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ 1.0

АНДРЕЙ СЕМАШКО

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

МОЩНЫМ ФИНИШНЫМ РЫВКОМ ПУШКИН ПОЧТИ ЗАКАНЧИВАЕТ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА», КОТОРЫЙ БЫЛ НАЧАТ В КИШИНЕВЕ ВЕСНОЙ 1823 ГОДА.

ПУШКИНИСТ **ВЛАДИМИР** Новиков утверждает: «Евгений Онегин» – самое пушкинское из всех произведений автора. Он дает ключ к написанному до и после».

Ариадна Тыркова-Вильямс метко замечала: «Такие диаметрально противоположные люди, как император Николай II и Ленин, оба отдыхали над «Онегиным». Это самый национальный, самый общенародный из всех русских романов. И в то же время это страницы из русской истории. Деревня, Москва, высший свет, глухая провинция обрисованы с такой правдивостью, что по этим описаниям можно изучить эпоху. Это сама русская жизнь, прошедшая через таинственную лабораторию гения, пронизанная его светом. В развитие чувств и событий вплетаются быстрые очерки философических мыслей, занесенных из Германии туманной, почерп-

нутых из книг Адама Смита, легкие остроты, величавое описание встреч поэта с Музой, забавный кодекс волокитства, точно невзначай оброненное признание в любви подлинной. <...> Ни в Онегине, ни в Ленском Пушкин

себя не изобразил, но это очень личное, местами автобиографическое произведение. <...>

Была у Пушкина в мозгу особая магическая, Онегинская комната, через нее проводил он эти четырнадцать строк пятистопного ямба, из которых строились строфы романа. Прежде чем занять свое место, они иногда годами хранились в его больших черных тетрадах с магическими масонскими знаками».

18 сентября написаны последние три строфы главы, которая станет девятой, – «Отрывки из путешествия Онегина». Странствия Евгения, которым овладела «охота к перемене мест», начинаются в ней как раз с Нижнего Новгорода. Хотя, выезжая из Петербурга, он должен был проехать как минимум Новгород Великий, Валдай, Торжок, Тверь, Москву, Владимир. Но все эти пункты Пушкин просто пропускает, отправляя Онегина сразу в Нижний.

К тому моменту сам автор в городе еще не был. Поэтому его описа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №10, 11.

А.С. Пушкин. Пушкин и Онегин. Рисунок
в письме брату Л.С. Пушкину. 1824 год

ние Нижнего Новгорода трафаретно лубочно:

...Перед ним

Макарьев суетно хлопочет,

Кипит обилием своим.

Сюда жемчуг привез индеец,

Поддельны вины европеец,

Табун бракованных коней

Пригнал заводчик из степей,

Игрок привез свои колоды

И горсть услужливых костей,

Помещик – спелых дочерей,

А дочки – прошлогодни моды.

Всяк суетится, лжет за двух,

И всюду меркантильный дух.

Профессор Фортунатов отмечал: «Внимательный взгляд сразу отметит, что это – усеченная «онегинская строфа»: здесь тринадцать, вместо четырнадцати, строк, да к тому же еще и неполных. Однако в болдинских рукописях строфа сохранилась целиком. Начало ее было следующим:

Тоска! Тоска! Он в Нижний хочет,

В отчизну Минина. Пред ним...

– и дальше продолжают развертываться стихотворные строчки, которые пробегают глазами читатель, не подозревая о предыдущих». Вот ведь

как! В Онегине проснулся патриотизм. Он стремится в отчизну Минина. Или Пушкин описал здесь собственные чувства.

Прерываясь на «Барышню-крестьянку», на стихотворения «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», на письма, на общение с крепостными (25 сентября пометил в дневнике: «Письмо от Natalie. Кистенёвские крестьяне»), Пушкин пишет давно выношенную, ключевую главу «Онегина».

«Вы знаете, – говорил он о финале «Евгения Онегина», заканчивая роман, – какую штуку удрала со мной моя Татьяна? Она вышла замуж. Этого я от нее никак не ожидал!»

Пушкин в болдинской, VIII главе довольно подробно описывал свои бурные, деликатные и неоднозначные отношения со своей музой в разных регионах нашей необъятной страны. После чего приводит музу на светский раут и рассказывает о ее впечатлении от увиденного. Затем Пушкин выдал жизненный совет на все времена:

Блажен, кто смолоду был молод,

Блажен, кто вовремя созрел,

Кто постепенно жизни холод

С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Онегин, явно не следовавший этому мудрому совету, поставил себя в сложное положение.
Онегин (вновь займусь им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

Г.-Э. Опиц.
Макарьевская
ярмарка
под Нижним
Новгородом.
Первая
четверть
XIX века

<...>

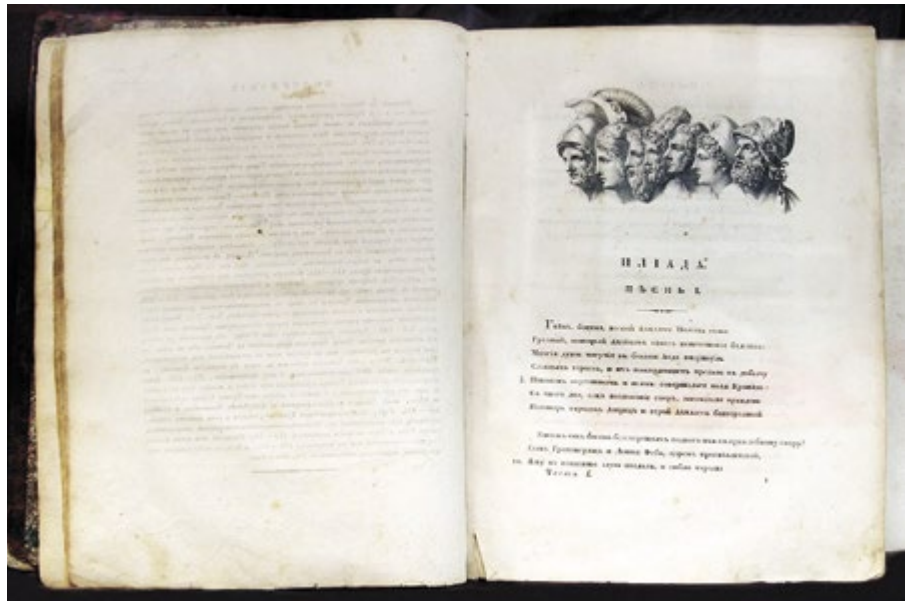
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.
Хозяйкой бала оказалась милейшая
дама, в которой Онегин узнает Татьяну.
Онегин попытался во второй раз
войти в ту же реку, но уже со сменой
ролей. Он пишет письмо Татьяне. Ответные
слова Татьяны написаны, как и остальная часть
главы, на Нижегородской земле. 25 сентября
Пушкин дописывает финал VIII главы:
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Момент прощания с многотрудной
работой над «Онегиным» Пушкин увековечит и
сочетанием гекзаметров с пентаметрами в
стихотворении «Труд»:

Миг возделенный настал:
окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть
тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив,
я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою,
чуждый работе другой?
Или жаль мне труда,
молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой,
друга пенатов святых?

В Болдине Пушкин прочел «Илиаду»,
переведенную на русский язык Николаем
Гнедичем и напечатанную годом ранее.
На античные стихотворные формы его
потянет в Болдине еще не раз.

26 сентября Пушкин составил план-оглавление
деяти глав романа «Евгений Онегин»,
разделенных на три части. Вписал
эпиграф из Вяземского: «И жить торопится,
и чувствовать спешит». И указал общее
время работы над романом: 7 лет, 4
месяца и 17 дней. Лучшее всего «Онегина»,
да и все творчество Пушкина, могут
оценить те, кто писал не сильно хуже
его. Достоевский стихов не писал, но
его проза и публицистика... Федор
Михайлович утверждал, что автор
сам сильно менялся за годы работы
над «Евгением Онегиным» и завершал
свой труд в Болдине, «когда... нашел
уже свои идеалы в родной земле,
воспринял и возлюбил их всецело
своею любя-

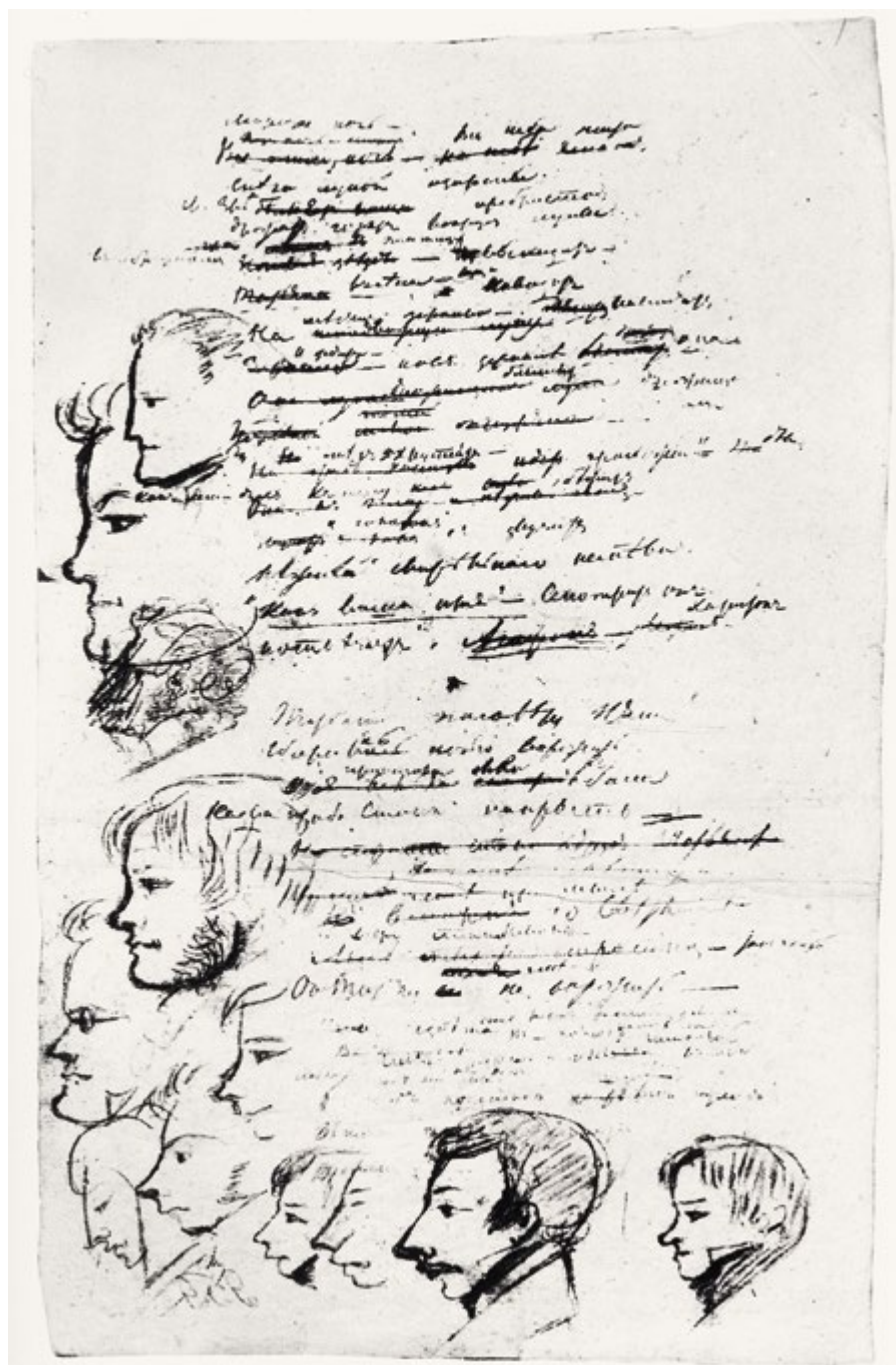
«Илиада» Гомера в переводе Н.И. Гнедича

щею и прозорливою душой». Достоевский писал об «Онегине» как о поэме «осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностью, какое и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй». Онегин «в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек <...> В глуши, в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и

Е.П. Самокиш-Судковская. Убитый на дуэли Ленский. Иллюстрация к VI главе «Евгения Онегина»

у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слышал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве <...> Ленского он убил просто от хандры, почему знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, — это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: этот тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный. Это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе». А.П. Новосильцева подтверждала, что и сам Пушкин был близок к тем оценкам, которые много позднее делает Достоевский: «Приехал в Апраксино Пушкин, сидел с барышнями, был скучен и чем-то недоволен. Разговор не клеился, он все отмалчивался, а мы болтали. Перед ним лежал мой альбом, говорили мы об «Евгении

А.С. Пушкин. Автопортрет и портреты
И.И. Пущина, А.А. Дельвига,
В.К. Кюхельбекера, К.Ф. Рылева
в черновой рукописи V главы романа
«Евгений Онегин». 1826 год

Онегине». Пушкин молча рисовал что-то на листочке. Я говорю ему:
– Зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!
Варваре Петровне тогда было лет шестнадцать, собой была недурна.
– Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?

– Я бы только ранила Ленского в руку или плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили.
– А знаете, где я его убил? Вот где, – протянул он к ней свой рисунок и показал место у опушки леса.
– А вы как бы кончили дуэль? – обратился Пушкин ко мне.
– Я ранила бы Онегина. Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы ее и полюбил ее.
– Ну, нет, он Татьяны не стоил, – ответил Пушкин.

Очевидно, что 25 сентября 1830 года «Евгений Онегин» был закончен только «почти». Это было не последнее расставание. Образы продолжали роиться, требуя воплощения. Письмо Онегина к Татьяне Пушкин напишет уже после своей женитьбы. А в Болдине Пушкин продолжал писать – X главу.

Известно, что у Пушкина в мыслях было несколько возможных концовок «Онегина». В одном из задуманных эпилогов Евгений «должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов» – так рассказывал сам Пушкин своему брату Льву и адъютанту Николая Раевского Юзефовичу. В кругу этих друзей на пути в Арзрум в лагерной палатке Пушкин говорил о возможной кавказской главе «Онегина». Но в Болдине поэт остановился на варианте декабристском.

От X главы уцелеет несколько рукописных листов, на которых рукой Пушкина в загадочном порядке смонтированы бессвязные строки из разных стихов. Разобраться в этой тайнописи не смогут ни генерал Дубельт, в руках которого окажется пушкинский архив, ни первый текстолог поэта, Павел Васильевич Анненков. Лишь в 1910 году родившийся в Нижнем Новгороде академик Петр Осипович Морозов найдет ключ к зашифрованному тексту. Он догадался, что строчки, казавшиеся бессвязными, заключали в себе криптограмму: Пушкин записал отрывки X главы, передвигая строчки и слова. Для Морозова ключом послужили письмо друга поэта Александра Ивановича Тургенева и запись в дневнике Вяземского, сделанная 19 декабря 1830 года, после того как Пушкин заезжал к нему в Остафьево по дороге из Болдина в Москву. «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8-ю и 9-ю главу «Онегина», ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих – славная хроника». А два года спустя Тургенев писал из Мюнхена скрывавшемуся в Париже от российского правосудия брату Николаю: «Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возму-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

шение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки» (лето 1832 года). Николай Тургенев не оценил пушкинской характеристики, обидевшись на поэта.

Расшифрованный Морозовым текст начнут печатать в собраниях сочинений Пушкина вслед за основным текстом «Евгения Онегина» с неизбежными отточиями. Полностью сохранятся лишь две строфы.

В начальных строфах давалась памфлетическая характеристика Александра I, к которому Пушкин в силу целого ряда причин относился плохо, в отличие от Николая I:

I
Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

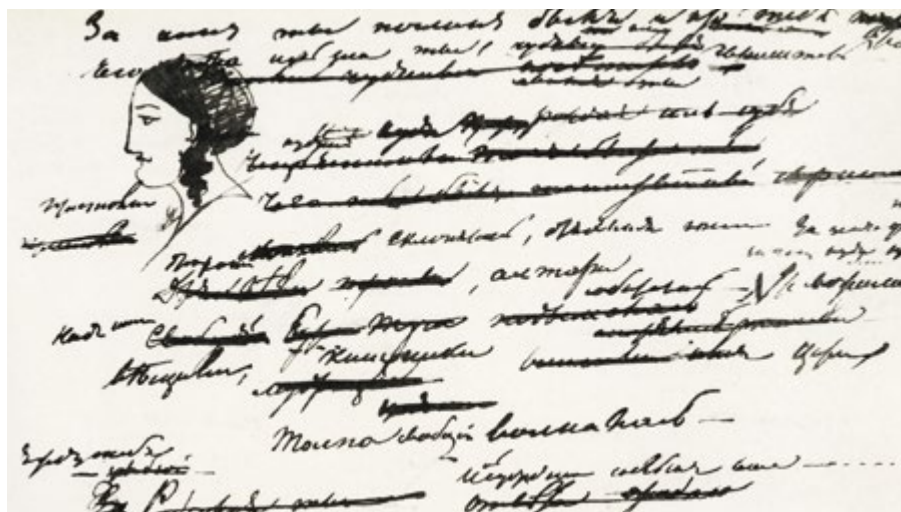
II
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

III
Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

IV
Но бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.
После разгрома Наполеона и Венского конгресса:

XII
Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть,

XIII
У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Татьяна. Рисунок А.С. Пушкина в черновике
«Письма Татьяны к Онегину». 1824 год

.....
XIV
Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

.....
XV
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

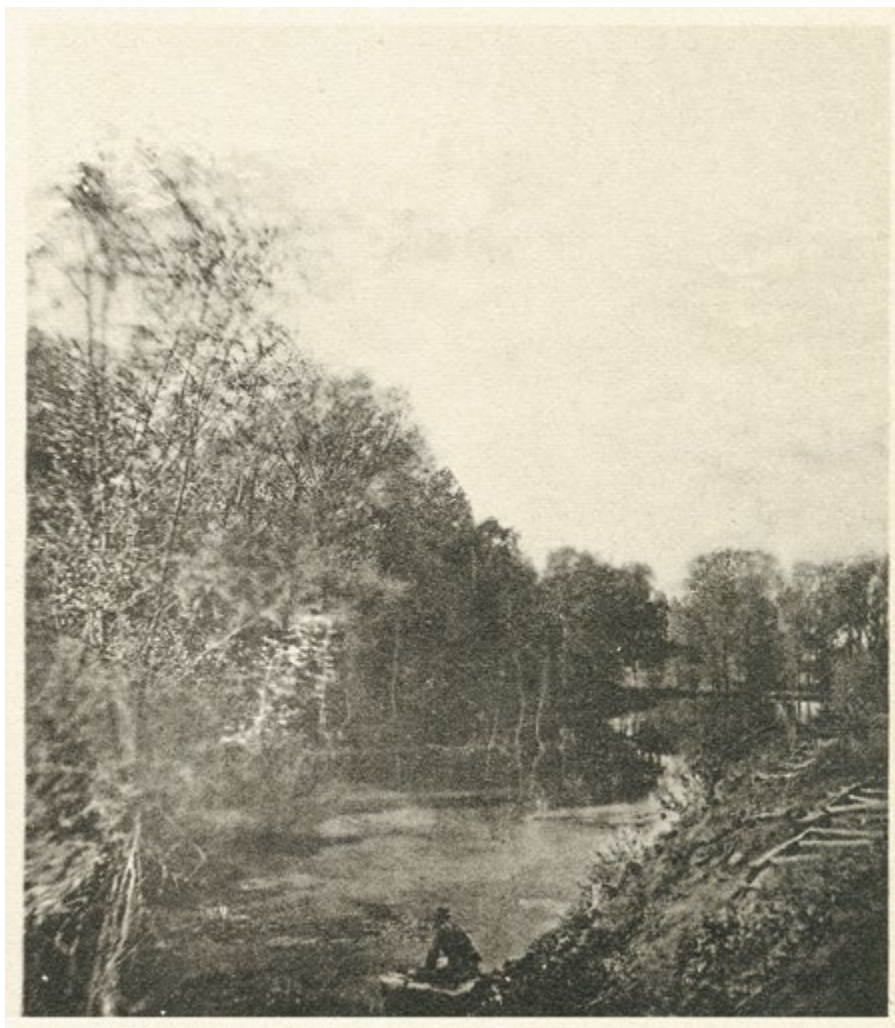

Николай Иванович Тургенев (1789–1871)

XVI
Так было над Невоею льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель для тиранов
И рать набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

XVII
Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Вот почти и все, что досталось нам,
потомкам, от X главы «Онегина». Нельзя сказать, что она выглядела чрезмерно крамольной и антиправительственной. Но, конечно, цензуры бы она не прошла. Тыркова-Вильямс замечала: «Друзья, особенно Вяземский, настойчиво советовали Пушкину подальше спрятать или даже уничтожить эту главу, чтобы накануне свадьбы не дать правительству нового повода для недовольства и придинок. Пушкин дал Царю обещание не писать политических, или, по официальной терминологии – возмути-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид в окрестностях села Болдина

тельных стихов. Десятая глава была очень далека от вольнолюбивых настроений его юности, но Николай I всякое упоминание о декабристах воспринимал болезненно. Не понравилась бы ему и суровая характеристика Александра I, хотя Пушкин и декабристов не пощадил. Это тоже было одной из причин, почему эта глава была, вероятно, им уничтожена. Нельзя было бить лежачего». В воскресенье 19 октября, в день лицейской годовщины, в Болдине Пушкин сжег рукопись X главы, вероятно, к тому времени еще не оконченной. Об этом на полях последней страницы «Метели» скорописная пометка «19 окт. сожж. X песнь», сделанная, по-видимому, 20 октября. И запись в дневнике: «19 октября. Сожжена X песнь». А для себя сохранил лишь шифрованную запись. В Болдине же последний вклад в «Евгения Онегина» Пушкин внесет 28 ноября, написав предисловие к VIII и IX главам, которые он планировал из-

дать отдельной книгой, причем представив их местами. Издание так и не состоялось, но предисловие осталось. «У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило. При появлении VII песни «Онегина» журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа». «В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо век и Россия

идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (то есть в его заключении). Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно, — виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что «Евгений Онегин» и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще испытать ее терпение. Вот еще две главы «Евгения Онегина» — последние, по крайней мере для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрой, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутиливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но «Чайльд-Гарольд» стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла у меня родиться».

Вспомнит Пушкин в Болдине и о таком аспекте критики «Онегина»: «Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели «Северной пчелы»? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами». ❶

Окончание следует.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

«ДОЛГО РОССИЯ ОСТАВАЛАСЬ ЧУЖДОЮ ЕВРОПЕ. ПРИНЯВ СВЕТ ХРИСТИАНСТВА ОТ ВИЗАНТИИ, ОНА НЕ УЧАСТВОВАЛА НИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТАХ, НИ В УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКО-КАФОЛИЧЕСКОГО МИРА. ВЕЛИКАЯ ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ НЕ ИМЕЛА НА НЕЕ НИКАКОГО ВЛИЯНИЯ; РЫЦАРСТВО НЕ ОДУШЕВИЛО ПРЕДКОВ НАШИХ ЧИСТЫМИ ВОСТОРГАМИ, И БЛАГОДЕТЕЛЬНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ КРЕСТОВЫМИ ПОХОДАМИ, НЕ ОТОЗВАЛОСЬ В КРАЯХ ОЦЕПЕНЕВШЕГО СЕВЕРА...» – ПИСАЛ В 1834 ГОДУ АЛЕКСАНДР ПУШКИН В СТАТЬЕ «О НИЧТОЖЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ».

И ВДОХНОВЕННЫЙ РОМАНТИЗМ действительно не мог уловить в историографическом потоке тех лет никаких намеков на «благодетельное потрясение» в среде древних русских князей, да и вообще на Руси. Главным сочинением по нашей истории тогда уже стал труд Николая Карамзина, опубликованный в 1818–1824 годах. «История государства Российского» действительно вобрала самый широкий спектр сведений об отечественных древностях, но создана была, разумеется, в духе своего времени. В те же годы, в 1812–1822-м, вышла и фундаментальная шеститомная работа по истории Крестовых походов Жозеф-Франсуа Мишо, как и труд Карамзина, задавшая тон в соответствующей области знаний на многие десятилетия, если не столетия: в России книга Мишо до сих пор самое издаваемое сочинение о Крестовых походах! Прошло двести лет, и кажется, что давно пора уточнить дифракцию для плоскости нашего окуляра.

СВЯЩЕННЫЕ ВОЙНЫ

Средние века не знали такого явления, как Крестовый поход. Этот термин, как и представления о движении в целом, появился уже после того, как нога последнего крестоносца покинула Святую землю. Современники описывали предприятие как «паломничество», «путь в Иерусалим» или «священную войну», «священное деяние», ис-

полненное во имя церкви и по ее воле. Участники обычно – но далеко не всегда – отмечали себя знаком креста, отчего их называли крестоносцами. Сводные обобщения их деяний стали появляться в XV столетии и только к XVIII веку приобрели цельную форму, прежде всего у Эдуарда Гиббона, за которым следовал Мишо. На этом магистральном пути оформилась классическая концепция, отразившаяся в законченной форме к середине XX века в работах Стивена Рансимена, Ханса Эберхарда Майера и других. Коротко можно говорить о четырех признаках, которые позволяют отнести военное предприятие к Крестовому походу:

- участники или некоторые из них дают соответствующий обет, клятву, обязывающую принять участие в этой экспедиции, что отмечается крестом на одеждах;
- призыв к кампании исходит от высшего церковного иерарха, то есть папы римского;
- церковь принимает обязательство покровительствовать интересам, имуществу и семье – всему, оставленному участни-

ком похода дома, пока он занят паломничеством;

- прощение грехов – индульгенция – для крестоносцев. Первоначально предполагалось, что речь идет о компенсации епитимьи, наложенной в результате покаяния, но довольно быстро собственно элемент покаяния отошел на второй план. Папа обещал отпущение грехов всем участникам вооруженного паломничества, а погибших в его ходе приравнивал к мученикам за веру.

Уже в первых исследованиях феноменологический абрис явления получил четкие хронологические рамки. Начало проповеди – Клермонский собор 1095 года, когда впервые прозвучал призыв папы Урбана II к завоеванию Иерусалима; Первый крестовый поход – взятие Никеи в 1097 году, Антиохии в 1098-м и Иерусалима в 1099-м, образование христианского королевства на Ближнем Востоке; утрата Иерусалима – отвоеван мусульманами в 1187 году, выкуплен у них в 1229-м и окончательно потерян в 1244 году; финал – падение Акры в 1291 году и уход крестоносцев из Палестины. Само собой предполагалось, что все кампании имеют целью освобождение Гроба Господня из-под власти мусульман, а потому ориентированы в Святую землю. В качестве мотивов мыслители XIX века предпочитали рассматривать прежде всего социально-экономические факторы, сложившиеся в некий извод колониализма, актуального и понятного для них. Впрочем, те же исследователи отдавали себе отчет, что создали лишь научный конструкт, ориентирующий, но не поглощающий многообразную реальность.

Ограниченность и противоречия классического подхода к Крестовым походам были вскрыты в 1930-е годы работами Поля Альфандери, Этьена Деларюэля и Карла Эрдмана. У каждого ученого был свой путь, и, что примечательно, они не пересекались, хотя работали в одной проблематике. Альфандери

в конце 1920-х годов в Париже читал лекции, которые были опубликованы только в 1954–1959 годах. Деларюэль заявился с исследованием в 1935 году, но публиковать его начал в далекой Тулузе с 1941 года небольшими выпусками, растянув на десятилетие. Оба писали на французском. Фундаментальная работа Карла Эрдмана вышла в 1935 году в Штутгарте на немецком. После перевода на английский в 1977-м именно она стала основополагающей для англоговорящих стран, хотя во франкоговорящих сейчас предпочитают Альфандери и Деларюэля. В целом эти историки очертили формат, когда главное внимание при анализе мотивации крестоносцев уделяется прежде всего религиозным факторам,

Осада
Иерусалима.
Urgell Beatus.
Около 975 года.
Musei Diocesà
de La Seu d'Urgell

включающим народные верования, социальные движения, духовные искания и церковную политику. Акцентированную прежде жажду наживы, захвата и грабежа никто со щитов, конечно, не сбрасывает, но и не ставит во главу угла.

Такое плюралистическое прочтение сакрализованной войны на фоне народной религиозности позволило включить в исследовательское поле пограничные или спорные события, которые прежде обозначались как девальвирующие или извращающие крестоносную идею, а также отказаться от узких географических рамок. Ведь ни для кого не было секретом, что далеко не все вполне каноничные в понимании современников Крестовые походы имели своей целью Иерусалим даже в классический период 1095–1291 годов. В 1204 году крестоносцы взяли Константинополь, а Людовик Святой – святой крестоносец! – погиб в 1270-м в Тунисе, так никогда и не добравшись до Палестины.

Отдельная и очень широкая тема – испанская Реконкиста. Само понятие тоже довольно поздний научный конструкт, но Крестовые походы в Испании были, объявлялись папами, несли все признаки Крестового похода и никак к девальвации этой идеи отнесены быть не могут, поскольку и начались задолго до 1095 года. Похожая ситуация с крестоносцами в Пруссии и Ливонии. Более того, папы римские не раз объявляли внутренние Крестовые походы – против своих политических оппонентов. Точно так же, как против еретиков (например, альбигойцев), язычников (например, славян) и иноземных захватчиков (например, монголов). Фактически речь шла о военных предприятиях, задекларированных в защиту церкви.

Плюралистический подход позволяет говорить о многочисленных случаях священной войны, среди которых встречаются и Крестовые походы, ко-

торые вовсе не были ориентированы только в Святую землю. Хронологические рамки событий также оказываются раздвинуты. После 1291 года часть своих завоеваний крестоносцы сохранили (например, Кипр) и продолжали сражаться против иноверцев. Папы многократно объявляли Крестовый поход, в том числе на Восток. Как, например, поход, закончившийся битвой с турками при Никополе в 1396 году. И даже если Иерусалим отвоевать не смогли, то не все сражения бывали безуспешными. Под лозунгами Крестового похода европейцы разгромили турецкий флот при Лепанто в 1571 году. В этом случае католическая церковь прямо финансировала кампанию. Последний раз крестоносное объединение было создано под эгидой римского папы в 1684 году. Эта Священная лига действовала против турок при освобождении Балкан вплоть до 1699 года. Впрочем, и многократно позднее сакральные аргументы при организации военных действий возникали уже вне рамок Средних веков. Так, все участники Крымской войны воспринимали свою миссию священной – лозунги борьбы с неверными использовали и французы (католики), и англичане (протестанты), и турки (мусульмане), и русские. В России особенно популярны стали аналогии с Крестовым походом во время войны с Турцией в 1878 году. Позднее, в ходе Первой мировой войны, взятие англичанами Иерусалима в 1917 году и, далее, утверждение французского протектората в Сирии воспринималось участниками как некий реванш – отклик на события XII–XIII веков. Заявления о священной войне можно услышать и сейчас. Сакральный посыл к насилию, зародившийся в недрах западного христианства, не выдохся до сих пор.

Четыре всадника
Апокалипсиса.
Valladolid Beatus.
970 год.
Valladolid,
Biblioteca
de la Universidad

В ЗАЩИТУ ЦЕРКВИ

Происхождение идеи Крестового похода наиболее цельно изложено в одноименной монографии Карла Эрдмана – выдающегося медиевиста, представителя разветвленного рода остзейских интеллектуалов. Он родился в городе Юрьеве (Дерпт; ныне Тарту) и провел первые годы жизни в Российской империи, а затем был вынужден эмигрировать. Эрдман выделил Крестовый поход из общих представлений о священной войне и проследил его оформление во второй половине XI века. Генезис оказался плотно сплетен с событиями папской реформы, борьбы за инвеституру, конфликтами понтификов

с норманнами и германским императором. После столетия упадка римские патриархи пытались восстановить авторитет не только Западной церкви, но и свой личный, возводя его духовную значимость вплоть до политических рескриптов. Уже папа Лев IX в 1053 году лично возглавил армию, рекрутированную в германских землях, против южноитальянских норманнов. Своим воинам он говорил о священной войне против «агарян», к которым причислял и крещеных, но непокорных, норманнов. Погибших папа почитал мучениками за веру. В 1064 году попытка французских рыцарей захватить испанский Барбастро была организована в значительной степени как Крестовый поход и сопровождалась соответствующими лозунгами и письмами папы. Римская церковь всеми силами старалась завладеть светским влиянием, сопоставимым с императорским, достаточным, чтобы вершить дела о жизни и смерти, согласовывать начало войн и утверждать королей. В 1075 году папа Григорий VII составил документ, который известен как «Диктат папы». Он утверждает, что «Римская церковь основана самим Господом» и «только римский папа вправе называться вселенским», а кроме того, «никто не может судить папу» и «папа вправе низлагать императоров». Позднейшие понтифики старательно поддерживали эти тезисы, что привело к сильнейшему кризису в отношениях с германскими королями, считавшими себя императорами. Прежде всего с Генрихом IV, который дважды, в 1076 и 1080 годах, был отлучен от церкви, из-за чего неоднократно совершал походы в Италию к Риму и избрал

для своих земель другого папу – Климента III, которого сейчас считают «антипапой», хотя для современников это было не очевидно. Только при его сыне, Генрихе V, в 1111 году римский предстоятель вновь стал один, а в 1122-м стороны пришли к согласию в вопросе инвеституры – светского (императорского) согласования кандидатур при занятии церковной должности. В этих условиях политического конфликта и церковного раскола каждая из сторон старалась заручиться поддержкой как можно большего числа воинов, феодалов и не только. Сакральные аргументы играли особую роль, и папы многократно их использовали, закрепляя свою роль духовного вождя. При этом нередко возникала и тема паломничества в Иерусалим, которое признавалось сопоставимым с воинским подвигом в борьбе с неверными как в Испании, так и в других землях. В 1087 году папа Виктор III призывал к походу против тунисского города Махдии, для чего выдал пизанцам знамя святого Петра и объявил о прощении грехов всем участникам. Летом 1089 года папа Урбан II даровал индульгенцию всем, кто примет участие в восстановлении города Таррагоны в Каталонии, подчеркнув, что это лучше, чем паломничество в Иерусалим.

Можно сказать, что еще задолго до Клермонского собора 1095 года почти все элементы крестоносной идеологии – санкция, символика, индульгенция и прочее – использовались на тех или иных фронтах борьбы с иноверцами и не только с ними. Римская церковь старательно отстраняла светскую власть от прав по идентификации справедливой войны и, более того, впервые стала выступать инициатором войны, присвоив право наделять ее статусом священной. Абсолютного воплощения все эти меры достигли во время Первого крестового похода, который стал – в силу своего успеха – образцовым и к которому впоследствии возводили все «каноничные» характеристики движения.

Эмоциональный отклик европейцев на взятие Иерусалима в 1099 году оказался настолько сильным, что дальнейшие рассуждения о том, который папа законный, об ограничении его власти сферой духовного, о его политическом весе и многие другие, оказались на столетия неуместными. Церковь победила: она возглавила воинское предприятие, триумфально достигшее своей высшей цели, на которую никто без нее дерзнуть не мог. Восточное христианство было спасе-

но, западное доказало свое превосходство. Кроме того, европейцы приобрели феодальные владения в Палестине, новые доходы, новые возможности, новые, невиданные прежде, перспективы и духовный подъем. Основные дивиденды от этого монетизировал, конечно, Рим. Но это в долгосрочной перспективе. Все критерии Крестового похода основываются на позднейшем анализе Первого крестового похода, хотя участникам они тогда были совершенно неочевидны. Это был первый успешный опыт, на который стали ориентироваться не ранее 1140-х годов, когда готовился новый большой – королевский – поход. До этого времени даже папская санкция для военных предприятий в Палестине не воспринималась строго обязательной. Агрессивная проповедь в 1130–1140-е годы Бернарда Клервоского, обосновавшего и идею христианского рыцарства, дала толчок к репродуцированию явления – Крестового похода, вооруженного паломничества, санкционированного убийства во имя веры. Оформленная идеология родилась именно тогда. Но в те же годы, что и так называемый «Второй крестовый поход», в 1147 году, папа опубликовал призыв к Крестовому походу против язычников-славян, во все не в Палестине, а на балтийском побережье будущей Германии. При всей желанности Святой земли область интересов Западной церкви ею не ограничивалась.

Таким образом, для рубежа XI–XII веков Крестовый поход – это движение, далекое от окончательной институционализации, географических и даже конфессиональных (в рамках христианских церквей) ограничений. Это вариант кампании в защиту церкви, священной войны, справедливость которой подтверждалась высшими духовными авторитетами. Да, и это наступательное предприятие.

Армия
Навуходоносора
осаждают
Иерусалим.
Urgell Beatus.
Около 975 года.
Musei Diocesà
de La Seu d'Urgell

ПУТЬ ВИЗАНТИИ

Для византийского христианства вся эта схема была малопривлекательной. Греки воспринимали свою империю единственным православным государством на земле, а потому любое посягательство на него расценивали как угрозу религии. И хотя насилие и убийство, безусловно, признавались злом, в случае защиты веры они считались допустимыми и даже похвальными.

Другое дело, что ничего подобного западноевропейскому расколу между императором и патриархом, который бы посягнул на право объявлять войну, не было. Конфликты едва достигали политических трений, но к полному размежеванию не приводили. Император безусловно воплощал в себе духовный авторитет, достаточный для начала справедливой войны, тем более против неверных, а таковыми были чуть ли не все соседи. Церковное благословение перед битвой, причастие, пост, молитва о помощи в воинских деяниях, присутствие в армии священников, икон и иных сакральных предметов (мощей, крестов и пр.) во время воинского похода было для греков нормой и не требовало дополнительного идеологического обоснования. Византийские правители регулярно использовали религиозную мотивацию для поддержания и усиления боевого духа. Активно это продвигалось во время войн с персами, потом с арабами и так далее. Уже тогда встречались призывы отвоевать Гроб Господень и освободить святые места. Войны на Востоке Никифора II Фоки нередко называют «византийскими Крестовыми походами». Они шли под лозунгами вернуть христианам Иерусалим, а после взятия Алеппо в 962 году погибших воинов попытались объявить мучениками. Соответствующий запрос Никифор направил в сенат, который с возмущением отверг проект, способный принизить сам статус мученичества, приравняв новопогибших солдат к новозаветным героям. Тем не менее схожие тезисы продолжал развивать и император Иоанн

Осада Иерусалима. Facundus Beatus. 1047 год. Madrid, Biblioteca Nacional

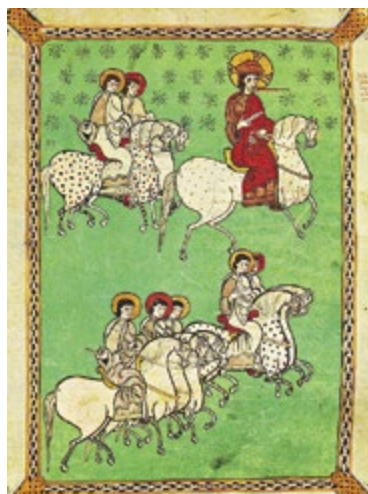
Цимисхий, но церковной поддержки также не нашел. Считается, что заметную роль в неприятии новаций Никифора сыграли натянутые отношения с патриархом Полиевктом, но принципиально такая позиция Восточной церкви была понятна: ни о какой особой «священной» войне в защиту церкви или тем более объявленной только церковью (без императора) речи не шло, как и об особых духовных привилегиях участников. Оборона христианства – дело достойное, но прощение грехов оно никак не гарантирует. Притом что это тоже возможно. Именно для Восточной церкви были характерны святые воины – Георгий Победоносец, Феодор Тирон, Феодор Стратилат,

Димитрий Солунский и другие. Этот тип святости на Западе заимствовали у Восточной церкви. Все было на своих местах, когда империя побеждала, но во второй половине XI века Византия шла от поражения к поражению. В 1071 году армия была разгромлена турками при Манцикерте – вся Анатолия потеряна. С запада наседали половцы, а в Эпире объявились неутомимые южноитальянские норманны. К 1090 году границы сжались до стен Константинополя. В этих условиях любая мотивация была терпимой, даже если не вполне укладывалась в традицию. Тому пример – обращение императора Алексея Комнина к папе римскому за помощью, что и привело к Первому крестовому походу.

Пути Восточной и Западной церкви разошлись давно. Упадок Рима был очевиден, как и блеск Константинополя. В 1054 году византийский патриарх едва ли хотел заметить, что новые папы стали чем-то более чем епископами захолустного городка, пусть и со статусом древнейшей патриархии. В церковной иерархии они равны, но это только в духовной экспликации. Еще в 1046 году в Риме суетились сразу три понтифика, обвиняя друг друга в симонии. И вдруг теперь они захотели быть равными?! Сам конфликт в 1054 году – взаимное отлучение папы и патриарха – был для современников лишь ссорой епископов, внутрицерковной склокой, а не цивилизационным разломом. Византийского императора никто от церкви не отлучал. Единство христианского мира не оспаривалось. В 1075 году тот же самый понтифик Григорий VII, опубликовавший «Диктат папы», серьезно готовился возглавить поход западного воинства на помощь восточным единоверцам, бьющимся с турками, – в защиту веры. То же самое происходило и в 1095 году.

Христос Победитель – Слово Божие. Osma Beatus. 1086 год. Burgo de Osma, Archivo de la Cathedral

КУЛЬБИТЫ ИСТОРИИ

Вскоре после 1104 года новый киевский митрополит, Никифор, вынужден был написать специальный трактат, «О вере латинской», в котором разъяснял русским князьям отличие православия от «латины» и причины, по которым нельзя позволять дочерям вступать в брак с исповедующимися в другом патриархате. Судя по всему, Никифор не слишком преуспел – браки между представителями русских княжеских семей и западноевропейскими правителями случались и столетие спустя. Реальный раскол христианства произошел только после 1204 года, когда западные крестоносцы под вполне религиозными лозунгами взяли и разграбили столицу Восточной церкви, Константинополь, опустошив и осквернив православные храмы. Вот тогда действительно мир надломился.

Никакого церковного раскола на рубеже XI–XII веков не было. Были расхождения в ритуалах и сложная теологическая полемика об источнике исхождения Святого Духа, понять которую и сейчас непросто. Более того, в 1089 году папа римский разрешил общение с восточными единоверцами, а в 1098 году планировался «объединительный» собор в Бари, который, однако, не достиг ожидаемых результатов. Константинопольский патриарх теперь был в ущемленном положении, но старался устраниваться от прямой полемики, впрочем, как и от конфликта. А Рим наседали, проявлял активность, смекалку и, думается, чувствовал близость успеха – после Крестового похода папа хотел сам прибыть в Иерусалим, чтобы закрепить свой триумф, «объединив церковь», то есть покорив Восточную и утвердив свой «диктат». История распорядилась иначе. Уже в 1078 году турки захватили Никею и вышли к берегам Мраморного моря. В 1081 году норманны апулийского герцога Роберта Гвискара высадились на Корфу и в Эпире. Тогда визан-

тийцам удалось отбиться, но в 1085 году норманны собрались снова и остановились уже на острове Кефалония из-за внезапной смерти своего предводителя. «Вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим», – писала дочь императора Анна Комнина, современница событий. В 1086 году к западным границам империи подошли печенег. В 1087-м они форсировали Дунай и к зиме достигли Адрианополя, разоряя окрестности. Бои с кочевниками в 1088 году успеха грекам не приносили – у них просто не хватало людей. Именно в эти годы император Алексей Комнин начинает засыпать западноевропейских единоверцев призывами о помощи. Прежде всего он приглашал наемников.

Действительно, отряд из 500 воинов, присланный из Фландрии в 1090 году, позволил обновить некоторые гарнизоны. Но к тому времени сама столица Византии оказалась буквально в прифронтовой полосе. Весной 1091-го жители Константинополя боялись выйти за стены города из-за бесчинств дикарей.

В то же время кочевники начали сверять свои нападения с новым союзником – турецким эмиром Смирны. Враги объединя-

Осада
Иерусалима.
Beatus Silos.
1090–1109 годы.
London, British
Library

лись. Тогда же прибыли и другие степняки – половцы. Они были врагами печенегов, но для греков не менее опасны. Судьба Византии висела на волоске.

Парадоксальный кульбит истории привел к тому, что в апреле 1091 года наспех собранное из крестьян греческое войско с союзными в то мгновение половцами испугало, обратило в бегство и рассеяло печенежскую армию в битве на берегу реки Марицы около Хирины. Неожиданная победа, которая вполне осознавалась как случайная, позволила к 1092 году стабилизировать границы империи. Но об улучшении ситуации речи не шло. Разлад у врагов империи явно был временным. И император Алексей Комнин не переставая рассылал призывы к участию единоверцев, щедро умасливая их религиозной риторикой – он звал спасать Христианство и Церковь.

На Западе эти письма оказались востребованы и зачитаны на церковных соборах, которые папа проводил в разных концах епархий, признававших его статус (кроме Германии). Они собирали массы зрителей и толпы священнослужителей. Сначала письмо из Константинополя прочитали на соборе в Пьяченце, потом в Клермоне. И в итоге использовали, как могли понять. Вместо наемников первым делом на Восток двинулась толпа экзальтированных доходяг, возглавляемых монахом-фанатиком Петром Отшельником. За ними пришли отряды мелких (за единичными исключениями) феодалов, которые очень примерно понимали, что где-то там их духовное успокоение за кровавые грехи междоусобиц. Так им объяснили. Но в итоге они победили и взяли Иерусалим. Оказалось, что все правда. И это было удивительно. Об этом потрясении и писал Пушкин. А Русь оказалась в стороне? ■

Окончание следует.

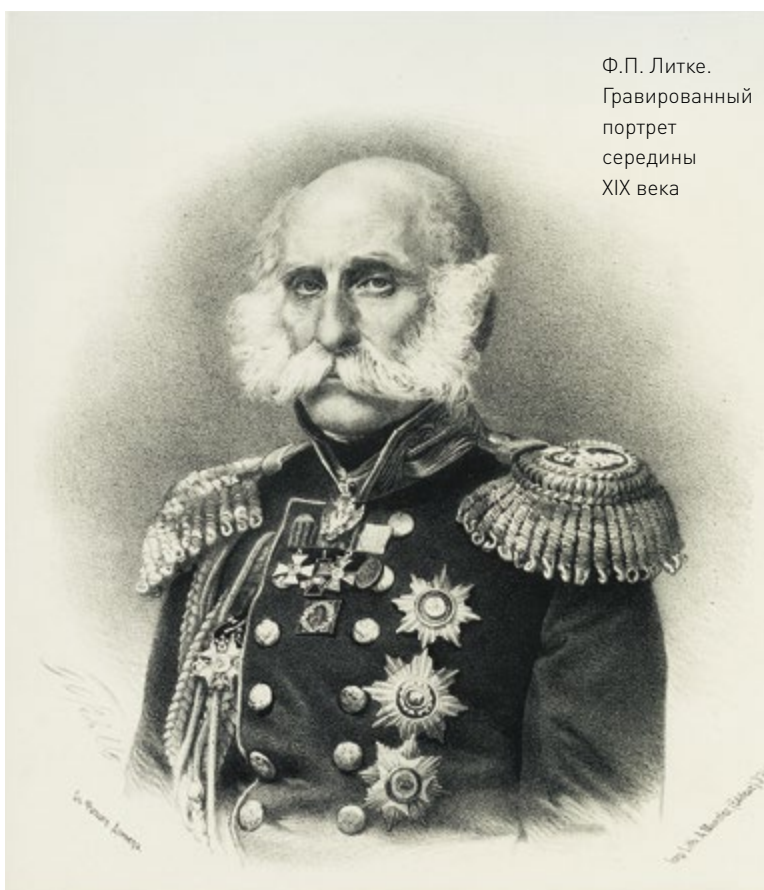

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

«Я ИСПЫТАЛ НА СЕБЕ, КАК ЗАБАВНО СУДЬБА ПОТЕШАЕТСЯ НАД ЛЮДЬМИ И ВЫВОРАЧИВАЕТ И ПЕРЕВОРАЧИВАЕТ ИХ ВИДЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ... НЕ ЗНАЮ, ЧТО МЕНЯ ОЖИДАЕТ ВПЕРЕДИ, НО ДО СИХ ПОР Я БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ», – ПИСАЛ ФЕДОР ЛИТКЕ БАРОНУ ФЕРДИНАНДУ ВРАНГЕЛЮ В МАРТЕ 1832 ГОДА...

Ф.П. Литке.
Гравированный
портрет
середины
XIX века

АДМИРАЛ ГРАФ ФЕДОР Петрович Литке – один из самых знаменитых российских военно-морских офицеров, арктический и кругосветный мореплаватель, эксперт Северного Ледовитого и Тихого океанов. Он же – поневоле придворный, два десятка лет проведенный в Зимнем двор-

це, внимательный педагог, под чьим присмотром воспитывался будущий реформатор великий князь Константин Николаевич. А кроме того – организатор российской науки, стоявший у истоков Русского географического общества. И единственный моряк, возглавлявший Российскую академию наук.

НАЧАЛО ПУТИ

Происходил будущий адмирал из почтенной немецкой семьи. Его дед, магистр богословия Иван (Иоганн Филипп) Филиппович Лютке (Lütke), приехал в Санкт-Петербург из Саксонии в 1735 году по шестилетнему контракту, заняв должность конректора (старшего из учителей, помощника директора) академической гимназии. В следующем году он стал ректором старейшей петербургской школы – Petrischule, затем помощником пастора в церкви Святой Анны. Вследствие раздоров между прихожанами юстиц-конректор Лифляндского департамента отстранил его от этой должности, и Иоганн Филипп в 1738 году уехал в Швецию. Спустя пять лет он вернулся в Россию и обосновался в Москве, где был единогласно избран пастором в новой немецкой общине. Он также содержал школу, в которой учился немецкому языку будущий светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Скончался Иоганн Филипп в 1771 году от чумы в Калуге, оставив четырех сыновей и одну дочь.

Второй из его сыновей, Петр (Петер Август) Иванович фон Литке, сделал успешную карьеру. Обязанный карьерным успехам покровительству видного деятеля Екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, Литке после выхода в отставку в 1784 году управлял его ветлужскими имениями. В 1794-м, пользуясь поддержкой бывшего сослуживца и друга, Дмитрия Прокофьевича Трошинского, с 1793-го статс-секретаря Екатерины II, будущего министра юстиции и генерал-прокурора (1814–1817) при Александре I, Петр Иванович вернулся на службу и занимал посты советника таможенных дел в Петербургской казенной палате и инспектора Петербургской и Кронштадтской таможен. Его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

1-й роте Измайловского полка, Литке вспоминал с неизменной горечью. «Дядя взял меня к себе, но как берут с улицы мальчика, чтобы не дать ему умереть с голоду. Он не обращал на меня никакого внимания, как разве для того только, чтобы меня побранить или выдрать за уши». Обидчивый, боязливый и замкнутый подросток часами просиживал в библиотеке Энгеля, находя одну лишь радость в книгах, которые читал подряд, не разбирая. В памяти его запечатлевалась масса всевозможных сведений, которые спустя годы непостижимым образом сложатся в цельную систему. Но, оглядываясь в прошлое через много лет, Федор Литке не раз видел себя «отроком... без призора, без всякого воспитания и учения» и размышлял о том, как вела его по жизни судьба.

Все изменилось в 1810 году, когда старшая сестра Федора, Наталья, вышла замуж за блестящего офицера с эскадры вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, героя Афонского сражения и будущего адмирала и председателя Морского генерал-аудиториата Ивана Саввича Сульменева. Во многом благодаря его участию в судьбе Литке произошли важные перемены, определившие его будущее. «С самой первой минуты нашего знакомства он полюбил меня, как сына, и я его, как отца. Эти чувства, эти отношения не изменились в течение почти 40 лет ни на одну минуту», – вспоминал адмирал. Теперь мальчик при любой возможности садился на пассажбот у здания Сената и отправлялся в Кронштадт к сестре и зятю. Все дни он проводил на кораблях, а вернувшись домой, штудировал сочинения знаменитых мореплавателей. Видя, что Федор всерьез увлекся морским делом, Сульменев нанял ему учителей. Через Сульменева Литке попал в круг морских офицеров и «мно- го терся между людьми», изучал военно-морские науки, арифметику, астрономию и географию. Все это не прошло даром: в конце 1812 года юный Литке успешно выдержал экзамен и был опре-

вполне благополучная личная жизнь изменилась 17 сентября 1797 года, когда в родах скончалась любимая супруга, Анна Ивановна.

Этот страшный день и стал днем рождения будущего адмирала. Не знаящий матери Федор, невольный ее «убийца», никогда не любил его отмечать. Отец же с той мрачной поры стал называть маленького Федора (Фридриха Бенъямина) *das Kind meines Schmerzes* – «Дитя моей скорби». Дальше у несчастного ребенка все складывалось как в сказках: появилась злая мачеха – Екатерина Андреевна Пальм. Детство в доме на Васильевском острове протекало несладко; отец совершенно им не интересовался: «Я не помню, чтобы он когда-нибудь меня приласкал, хотя бы потрепал по щеке, но трепку другого рода мне случалось испытывать, большую частью по наговорам мачехи». В частном пансионе Ефима Христофоровича Мейера у Тучкова моста, в который его определил отец, Федор сносно выучился немецкому, французскому и английскому.

ОТРОК БЕЗ ПРИЗОРА, ВОСПИТАНИЯ И УЧЕНИЯ

После смерти отца в 1808 году подростка взял на воспитание брат матери, Федор Иванович Энгель, старый холостяк, пребывавший в высоких должностях благодаря покровительству князя Репнина, секретарем которого он служил около десяти лет. При Павле I Энгель стал статс-секретарем Иностранной коллегии, в 1810 году получил пост статс-секретаря Департамента экономики, а затем стал сенатором и членом Государственного совета. Об отрочестве своем, проведенном у дядюшки в доме Барбазона на углу Владимирской и Невского проспекта, напротив Вшивой биржи, и в двухэтажном доме в

И.-В. Барт.
Стрелка
Васильевского
острова.
1810-е годы

Кронштадтская
таможня.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

делен волонтером на гребной флот. Благожелательно настроенная «особая» комиссия, члены которой были хорошо знакомы и дружны с Сульменевым, превратила экзамен в «необходимую формальность»: «...все свершилось келейно, отчасти с шуточками и прибаутками».

Когда Сульменева перевели в Свеаборг командующим отрядом канонерских лодок, Наталья взяла брата с собой. Старинная шведская крепость на каменистых островах, защищавшая проход в столицу Финляндии Гельсингфорс, потрясла Федора. Не за горами был день, когда он словно выйдет из тени. Для него началась совсем другая жизнь.

Шел 1813 год, когда 16-летний волонтер Литке принял участие в боевых действиях гребной флотилии контр-адмирала графа Логина Петровича Гейдена у балтийского побережья. Сульменев взял Литке на свой флагманский гальот «Аглая». При осаде Данцига юный моряк проявил храбрость и находчивость, за что удостоился ордена Святой Анны 4-й степени и досрочно получил чин мичмана. После окончания военных действий он занял должность офицера по особым поручениям главного командира Гельсингфорса и Свеаборгского порта контр-адмирала Николая Андреевича Бодиско, старинного приятеля его отца. Служба оказалась не слишком обременительной: по утрам Литке дежурил перед кабинетом адмирала и даже исполнил раз или два какие-то поручения, но «всякий раз у него обедал». После смерти Бодиско в 1815 году новый губернатор, граф Гейден, принял Литке «как родного» и оставил молодого человека при себе в той же должности. «Служба моя при графе Гейдене, – вспоминал Литке этого добродушного хлебосольного начальника, – ограничивалась некоторыми поручениями, при исполнении которых я постоянно делал blunders (промахи). Граф поворчит, а потом расхохочется. Добрейшая душа!»

Но скоро безмятежная жизнь и карьера адъютанта перестали

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шлюп
«Камчатка»
в кругосветном
плавании

удовлетворять Литке. После победы над Наполеоном Россия вступала в новый этап, начиналась золотая эпоха русских Великих географических открытий. Для освоения океанских просторов снаряжались научные экспедиции, и лишь человек, начисто лишенный честолюбия, мог похоронить себя в провинциальном Гельсингфорсе. Основные маршруты русских кораблей пролегли от Архангельска в Арктику и с Камчатки на Аляску, в Русскую Америку и в Тихий океан. Одним из самых легендарных морских героев стал Василий Михайлович Головнин, чье имя не сходило с уст флотской молодежи. Автор сенсационных записок о пребывании в Японии, храбрец Головнин имел богатый послужной список. Во время Русско-шведской войны 1788–1790

годов он сражался на корабле «Не тронь меня», которым командовал британец Джеймс Тревенен, участвовавший в последнем кругосветном плавании Джеймса Кука. В 1798–1799 годах, во время военных действий против Французской республики у побережья Голландии, Головнин был флаг-офицером и переводчиком при командующем русской эскадрой вице-адмирале Михаиле Кондратьевиче Макарове. Затем он отправился волонтером в Англию и служил в британском флоте. Зная Англию и «морскую ее службу совершенно, и зараженный в высокой степени английскою гордостью и честолюбием», Головнин прошел школу адмиралов Горацио Нельсона и Катберта Коллингвуда, но оставался глубоко русским человеком, преданным служению России, флоту, науке. Вернувшись в Россию, он возглавил кругосветное плавание на шлюпе «Диана», был в плену у англичан и японцев. В 1816 году он объявил набор офицеров в новое кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка». Разрабатывая этот проект, Головнин подчеркивал, что «готов жизнь свою подвергать опасности, лишь бы только мог доставить пользу отечеству и всему ученому свету новыми открытиями и достоверными описаниями».

Е.И. Ботман.
Портрет
адмирала
графа Логина
Петровича
Гейдена.
1877 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«КАМЧАТКА»

Перед экспедицией были поставлены важные задачи: доставка грузов и продовольствия в Петропавловский и Охотский порты; «обозрение» колоний Русской Америки и определение географического положения «островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами». Особый, «секретный» характер миссии Головнина придавало предписание подвергнуть ревизии деятельность Российско-американской компании (РАК) и расследовать злоупотребления. «Ты имеешь редкий случай сказать своему государю правду, – заявил Александр I Головнину на последней аудиенции. – Я часто употребляю несколько месяцев, чтобы узнать истину о том, что делается около меня, но за 13 тысяч верст я никак не имею на то способа. Я надеюсь, что ты известишь меня откровенно о всем, что происходит в селениях нашей Американской компании, о которой я слышал много худого». Литке, безуспешно пытавшийся войти в состав кругосветной экспедиции на корабле РАК «Кутузов», решил во что бы то ни стало попасть в команду, хотя и знал, что Головнин отбирает только проверенных людей. С Литке, правда, Го-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ловнин шапочно был знаком и раньше, так как частенько заходил в гости к Сульменевым. Еще в пору своих первых увлечений флотом Федор познакомился и с братом Василия Михайловича – Дмитрием, также военно-морским офицером. Тот благоволил подростку и, «видя, что я ничему не учусь, дал мне несколько уроков арифметики и географии». Нашлись и другие знакомые: во время войны 1812 года Литке служил в отряде Сульменева на галете «Аглая», командовал которым Федор Филатов – родной брат спутни-

Вице-адмирал В.М. Головнин. Портрет работы неизвестного художника

Ф.-В. Перро. Вид Кронштадтской гавани. Первая половина XIX века

ка Головнина по «Диане» Никандра Филатова. Поэтому не исключено, что именно Филатов порекомендовал Никандру, а тот, в свою очередь, Головнину взять в экспедицию молодого мичмана. Но, разумеется, решающую роль в назначении Литке на «Камчатку» сыграл Сульменев. Иван Саввич упросил Головнина, своего старого товарища и внучатого брата, взять в плавание молодого мичмана. «Я тебя запродал, – написал он шуруину, – снаряжается на будущий год экспедиция на Камчатку, под начальством В.М. Головнина, который по просьбе моей обещал взять тебя с собой». Но выданные ему авансы Литке пришлось отрабатывать с лихвой. Но разве в тот момент он мог помыслить об этом? Молодого человека переполняли размышления совсем иного свойства: «Думал я, наконец, готовы мы разпроститься со своим отечеством, родными и друзьями, т.е. со всем тем, что для человека может быть любезного и святого, чтобы заключиться на несколько лет в тесном своем кругу. Труды, опасности и скучная единообразность нас ожидают; единая надежда совершить благополучно путешествие и возвратиться в объятия родных и приятелей своих, увидеть много нового, любопытного, научиться многому, чему бы в недрах отечества своего никак нельзя было научиться».

СУРОВАЯ ШКОЛА

Но на «Камчатке» его иллюзии быстро развеялись. Молодой мичман столкнулся с немалыми трудностями, которые в первую очередь касались его взаимоотношений с командиром. Гордец и правдолюб, Головнин являл собой образец принципиального и требовательного начальника. Во время плавания на «Камчатке» он, по воспоминаниям Литке, «показывал пример строгого исполнения своих обязанностей. Ни малейшего послабления, ни

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

себе, ни другим. В море он никогда не раздевался. Мне случалось даже на якорю, приходя рано утром за приказаниями, находить его спящим в креслах, в полном одеянии. Это не составляло для него никакого лишения».

«Излишняя живость характера, необдуманность, в первое время незнание порядка службы (где мне было ей научиться?), избалованность прежними начальниками – все это должно было в глазах капитана давать мне вид какого-то шалопая», – писал адмирал, вспоминая суровую военно-морскую школу Головнина на «Камчатке». Теперь же, благодаря жесткому наставничеству командира, «не имевший никакого понятия о службе» мичман превращался в профессионального офицера. В сентябре 1819 года с борта «Камчатки» на кронштадтскую набережную сошел совсем другой человек. Иллюзии, сибаритство и недостаток флотской выучки остались в прошлом. Литке приобретал опыт и знания, необходимые офицеру, способному командовать исследовательской экспедицией. В свою очередь, и «суровый» Головнин, который поначалу «невзлюбил» легкомысленного «шалуна», разглядел в, казалось бы, бестолковом адъютанте твердый характер, целеустремленность и преданность науке. За время плавания к берегам Русской Америки, в бурных водах Тихого океана, у него была прекрасная возможность убедиться, что в выборе своем он не ошибся. На «Камчатке», впрочем, Литке не только возмужал и обрел навыки морского дела. Судьба свела его здесь с молодыми людьми, навсегда ставшими для него верными друзьями и советчиками: географом и арктическим исследователем Фердинандом Врангелем, недавним лицеистом и приятелем Александра Сергеевича Пушкина Федором Матюшкиным и будущим декабристом Феофаном Литковским.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Новая Земля,
пролив Маточкин
Шар. Немецкая
литография
XIX века

«СТРАНА ОТЧАЯНИЯ И СМЕРТИ»

Однако для того, чтобы показать себя в морском деле, необходимо было дожидаться подходящего случая, а пока что потекла жизнь на берегу. В августе 1820 года Врангель с иронией рекомендовал Литке из далекого Якутска, где руководил экспедицией по исследованию северо-восточного побережья Сибири, побольше наслаждаться «умственными удовольствиями при спокойствии души» и обрисовывал ему перспективы дальнейшей жизни: «Года два послужи адъютантом у министра, потом поезжай в Москву или в Малороссию выбирать жену, она должна быть богачка, молода, хороша, умна и добра; более не требуй от нее. Женившись, купи деревню поблизости Петербурга...»

Но не об этом мечтал амбициозный 23-летний лейтенант. По рекомендации Головнина Литке возглавил арктическую экспедицию, которой предстояло нанести на карту береговую линию Новой Земли. Этот крупнейший арктический архипелаг, отделявший Баренцево море от Карского, в ту пору представлял собой *tabula rasa*, его изображения на картах пестрели неточностями и белыми пятнами.

Литке отдавал себе отчет, насколько опасным может стать новое путешествие. Еще со времен «Камчатки» не покидали его воспоминания о переживаниях, связанных с ледяными шквалами у мыса Горн в разгар лета: «Ум мой теряется, когда воображу, что должно тут быть зимю. Чтобы получить понятие об ужасных окрестностях мыса

Карта Арктики.
1817 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Д. КОПЕЛЕВЫМ

Горна, должно представить себе дикие скалы, покрытые снегом, яростное море, разбивающееся горами подобными волны свои о черные утесы. Жестокие порывы ветра, сильный холод среди лета, корабль, погибающий во мраке на подводном камне и палящий от времени до времени из пушек, коих гул раздается в ущелинах сей страшной пустыни и устрашает несчастного патагонца, убегающего в подземелье свое. Молча вообразив сие, увидишь полную картину сей страны отчаяния и смерти».

К предстоящей экспедиции в Арктику Литке готовился основательно, проштудировав все известные сочинения мореплавателей, стремившихся достигнуть Новой Земли, и убедившись в том, что постигшие их неудачи никоим образом «не могут служить доказательством всегдашней ледовитости онаго» океана. Специально для плавания в северных водах на Архангельской верфи построили двухмачтовый красавец-бриг «Новая Земля»: его тщательно проконопачили, подводную часть обшили медью, на случай зимовки припасли огромную парусиновую крышу, два камина и чугунные печи. Четыре года провел Литке на Русском Севере. Пробиваясь сквозь мертвенные ледяные арктические просторы, он пытался добраться до легендарного мыса Желания. Сюда, на север Новой Земли, в конце XVI века дошла голландская шхуна Виллема Баренца, видевшего этот мыс. За ним открывалась дорога в Карское море, на которое и держал курс русский бриг.

БЕССТРАШНЫЙ МОРЯК

Короткое арктическое лето быстро сменялось ранними осенними морозами, нельзя было терять ни минуты. Выполняя обширную программу Морского ведомства, Литке лавировал на байдарках вдоль унылых скалистых берегов с заснеженными вершинами, снимал показания барометров, записывал

ПРЕДОСТАВЛЕНО Д. КОПЕЛЕВЫМ

воздушные перемены, делал обмеры льдов и изучал их свойства. В августе 1822 года погода как никогда благоприятствовала плаванию. Двигаясь вдоль западной части архипелага, командир экспедиции упорно всматривался в береговую линию. Где-то здесь, между двумя почти сомкнутыми мысами, скрывалось устье пролива

Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Портрет работы неизвестного художника. XIX век

Дж. Доу. Портрет Н.П. Румянцева. 1828 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Д. КОПЕЛЕВЫМ

Маточкин Шар. Наконец Литке увидел этот узкий проход в Карское море – неужели заветная цель близка?

Внезапно вокруг все потемнело – надвигалась буря, рисковать было нельзя. Бриг отошел от берега и продолжил путь по чистой воде, углубляясь на север. Впереди, едва различимые в густом тумане, расстилались мрачные арктические поля, корабль лавировал между огромными льдинами и стволами деревьев, принесенными течением из Сибири. В непроглядном мраке команда чувствовала себя навсегда отрезанной от обитаемого мира. «Нас окружали со всех сторон мелькавшие сквозь мрак, подобно призракам, ледяные исполины. Мертвая тишина прерываемая была только плеском волн о льды, отдаленным грохотом разрушавшихся льдин и изредка глухим воем моржей. Все вместе составляло нечто унылое и ужасное». Но Литке упорно шел вперед. И только когда лед встал перед ними сплошной стеной, он отдал приказ поворачивать назад. Еще два года Литке пытался пробиться сквозь ледяные поля, сделав за это время немало важных наблюдений и проведя метеорологические, геомагнитные и астрономические исследования Северного Ледовитого океана. Однако арктические льды шансов ему не дали. И в письме адмиралу Ивану Федоровичу Крузенштерну он с тяжелым сердцем признался, что сделал все, «что в силах наших, для доставления успеха нашему делу, но противу физических препятствий усилия человеческого весьма часто ничего не значат».

Результаты его арктических исследований тем не менее оказались более чем весомы: прекрасные карты и доказательства того, что Новая Земля не просто нагромождение мертвых ледовых массивов, а живая «матерая» земля со сланцевыми породами, глинистыми почвами, удивительной флорой и фауной.

Имя бесстрашного моряка, штурмовавшего ледяные поля Арктики, было у всех на слуху. Желание познакомиться с Литке выразил сам граф Николай Петрович Румянцев, просвещеннейший вельможа Александровской эпохи, собиратель древностей и прославленный меценат, покровительствовавший исследованиям Мирового океана и живо интересовавшийся всем, что происходило в Северном Ледовитом океане. В одном из писем Круженштерну он даже спрашивался у него, сможет ли заставить в Петербурге молодого лейтенанта, который «окончил своими астрономическими наблюдениями нашу неизвестность о Новой Земле».

Письмо это было написано в январе 1823 года. Литке же предстояло еще дважды, в этом и следующем, 1824 году, совершить плавания к Новой Земле. Вернувшись в декабре 1824 года в Петербург, Федор Петрович поселился вместе с Врангелем и братом Александром, офицером Гвардейского экипажа, в небольшой квартирке возле Морского корпуса. В Морском ведомстве высоко оценили результаты его плавания. Экспедиция описала мурманское и новоземельское побережья, острова Вайгач и Колгуев, составила 18 генеральных и путевых карт. Было также открыто течение, идущее вдоль западного берега Новой Земли и впоследствии названное именем Литке. Мореплавателя избрали почетным членом Адмиралтейского департамента и поручили ему готовить к печати результаты исследований. Все лето 1825 года он провел на тихой даче своего знакомого на берегу Невы рядом с дачей Лаваля и в разъездах по окрестностям Петербурга, с головой погружившись в работу над книгой. В ней он задумал не только описать плавание, но и дать подробную сводку истории исследования Новой Земли с древних времен до 1820 года.

Контр-адмирал
Ф.П. Литке.
Портрет работы
неизвестного
художника.
XIX век

«НЕИЗВЕСТНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ»

Однако события 14 декабря 1825 года едва не перечеркнули его успешно складывающуюся карьеру. Трудно представить, что Литке, друг Лутковского, Матюшкина и давний приятель братьев Бестужевых, участник кругосветных экспедиций, позволивших молодым офицерам увидеть иные, по сравнению с российскими порядками, условия жизни, оказался в стороне от тех опасных разговоров, которые происходили тогда среди офицеров в Петербурге. Подобное предположение позволило современным исследователям зачислить Литке в число так называемых «неизвестных декабристов», входивших в состав тайных обществ, но избежавших привлечения к следствию. «В зиму с 1824 на 1825 год мы с Врангелем часто были приглашаемы на чашку чая в их кружки, — не скрывал и сам Литке. — После мы вспомнили, что из всех этих кружков мы с ним одни только не попали в декабристы».

Прошли годы, и во время одной беседы с императором Николаем I Литке откровенно признался, что в 1825-м все молодые люди были склонны пофрондировать и высказывали по поводу политики «ребяческие давно

забытые бредни». Не случайно же и сам Федор Петрович в дневнике, который он вел на «Камчатке», записывал: «Слава России гремит во всех концах вселенной! О, дражайшее мое отечество! Народы тебя удивляют, завидуют славе твоей, но слава сия стоит тебе весьма дорого! О! Когда придет то время, что внутреннее твое благосостояние будет равняться внешнему твоему величию!»

Попасть в 1825 году под следствие было делом случая. И, как знать, сложились обстоятельства не в пользу Литке, и «он мог бы попасться». Насколько далеко могли зайти подобные разговоры, можно судить на примере бывшего командира «Камчатки», Головнина, который, возможно, и не имея прямого отношения к заговорщикам, высказывал критические взгляды в отношении существующего порядка вещей. Головнин изложил их в рукописи «О состоянии Российского флота в 1824 г.», подписанной псевдонимом Мичман Мореходов. Размышляя о причинах упадка военно-морских сил, Головнин, недавний помощник директора Морского корпуса, ставший теперь генерал-интендантом флота, представил обширную программу преобразований, признавая, впрочем, что открыто позицией своей с руководством не делился, так как «в официальных бумагах не всегда можно всякую вещь назвать своим именем; откровенность такая, как известно, многим, сказать попросту, сломила шею». И, судя по признаниям Михаила Лунина, изложенным в воспоминаниях моряка-декабриста Дмитрия Завалишина, именно Головнин «предлагал пожертвовать собою, чтобы потопить или взорвать на воздух государя и его свиту при посещении какого-нибудь корабля».

Узнав о происходящем на Сенатской площади, Литке прямо из дома побежал на набережную. «Большое счастье было для меня, что, когда я стоял на Исаакиевском мосту, мне, из-за Литовского полка, не видно было Гвардейского экипажа. Увидь я его, разумеется, я пошел бы узнать,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

что это за история? Меня увидели бы на площади с возмущившимся экипажем, и тогда кончено. Вот явилось бы и подозрение». Что и случилось с его братом, Александром. Он «попал было в эту историю как кур во щи, – писал Литке Врангелю 12 января 1826 года. – Ты увидишь, что Гвардейский экипаж был также увлечен, и мой брат вместе с прочими был арестован; ко щастию, однакож, нашлись люди, которые донесли великому князю Михаилу Павловичу, что брат и еще лейтенант Баранцов в етом деле совсем не участвовали; великий князь просил о них государя, который приказал их освободить, призвал к себе, обнял, поцеловал, с особенною милостию сказал: что ему приятно объявить их невинными и прочее. Они оставлены в экипаже».

ПО ОКЕАНУ КАК ПО СОБСТВЕННОМУ ДОМУ

Избежав следствия, Литке мог продолжить работу над «Четырехкратным путешествием в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». Книга увидела свет в 1828 году, когда Литке вновь бороздил морские просторы. Ему предложили возглавить кругосветное плавание на шлюпе «Сенявин», чтобы

исследовать западный сектор центральной части Тихого океана и побережье Азии от Берингова пролива до Сахалина. Поставленных задач хватило бы на несколько научных экспедиций, но Литке не привык отступать. Жарким, засушливым летом 1826 года вокруг Петербурга пылали леса и тлели торфяные болота. Окутанный дымом Кронштадт провожал военные шлюпы «Сенявин» и «Моллер», уходившие в Тихий океан разными курсами и с разными задачами. «Сенявиным» командовал Литке. Родной Кронштадт быстро растаял в дымном мареве, корабль шел вслепую, не разли-

Д.Н. Кардовский.
Восстание
на Сенатской
площади
14 декабря
1825 года.
1927 год

Карта
западного берега
Новой Земли,
составленная
Ф.П. Литке
по результатам
экспедиций
1821–1824 годов.
Из книги
«Четырехкратное
путешествие
в Северный
Ледовитый
океан»

чались даже огни маяков. Однако для трехлетней экспедиции такое начало оказалось добрым предзнаменованием. В ходе плавания неутомимый Литке открыл 12 островов, исследовал и подробнее описал обширные азиатские территории от мыса Дежнёва до устьев Анадыри, побережье Камчатки, Шантарские и часть Алеутских островов. Экспедиция изучила Каролинские, Марианские, Маршалловы и Северные Соломоновы острова, представила 50 точнейших карт, гербарий из 2500 растений, коллекцию из 300 образцов горных пород.

35-летний офицер выдвинулся в когорту ведущих гидрографов-экспертов по Северному Ледовитому и Тихому океанам. Литке избрали членом-корреспондентом Академии наук, его сочинение о последнем плавании, получившее Демидовскую премию, переводили и читали в Европе. Началось испытание славой. Об эрудиции кругосветного мореплавателя, его хладнокровии и навигаторском искусстве слагались легенды. Родилась даже поговорка, будто Литке ходит по океану словно по собственному дому.

Океан и был его настоящим домом, а вот родным очагом он пока так и не обзавелся. Он столько всего повидал и пережил, что опасался: не слишком ли судьба к нему благосклонна? Невеселыми мыслями о превратностях фортуны он делился с Врангелем: «Судьба шутит с людьми по-своему... едва тот вскарабкается по какой дороге, она: лево на борт! И марш в другую сторону. Ты, я думаю, помнишь время, когда я хотел оставить флот и сделаться дипломатом; вместо того турнули меня дипломатикой реветь с белыми медведями и между полярных льдов». Подумывал ли Литке после всего, что видел в жизни, об отдыхе, оседлости, размеренной спокойной жизни? Однако, как человек военный, вряд ли он мог на нее рассчитывать... ❶

Окончание следует.

НЕПАРАДНЫЙ ПЕТЕРГОФ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ПЕТЕРГОФ, КОНЕЧНО, ЕДУТ ЛЮБОВАТЬСЯ ФОНТАНАМИ.
ОСЛЕПИТЕЛЬНЫМ САМСОНОМ, СКРОМНО-ИЗЯЩНЫМИ
АДАМОМ И ЕВОЙ. НАРОД СЕМЕЙНЫЙ, С ДЕТЬМИ, ВСЕГДА
ДЕРЖИТ В УМЕ ГАЛОЧКУ, ЧТОБ НЕ ЗАБЫТЬ ПРО ШУТИХИ.
ЭТО ВСЕ ПОНЯТНО.

ЛЮДИ ЕДУТ В ПЕТЕРГОФ с экскурсиями или сами. Самим добраться – дело нехитрое. Впрыгнул в любую маршрутку с надписью «Фонтаны» и вперед. Интересное происходит, когда до красот страждущие добираются на электричке. Туристы часто проезжают нужную станцию Новый Петергоф и оказываются в Петергофе Старом. Логично же! Где еще находиться дворцу Петра I? Не в окружении же хрущевок и розово-серых новостроек, что тоскливо тянутся вдоль путей после Стрельны? Но вот люди выходят в Старом Петергофе и растерянно озираются. Где они? Почему вокруг какой-то лес? Зачем лес? Тут они хватают первого попавшегося прохожего и узнают, что на фонтаны надо возвращаться в Новый Петергоф, и, ошалеv от этой бессмыслицы, судорожно пытаются запомнить номера автобусов. Совет пройти к Нижнему парку через парк Английский сознанием решительно отторгается, потому что ничего похожего на парк здесь, в этом заколдованном месте, в котором старое – это новое, а новое – старое, не видно вовсе. Только лес. И ничего английского. Да и к чему английское, когда время не ждет, а на фонтаны выделен ровно день... И люди бегут, бегут. А куда бегут и зачем, не понимают сами.

СТАРОЕ – ЭТО СТАРОЕ

Да, разумеется, грандиозная история Петергофа начинается с великолепного Большого дворца и знаменитых Верхнего и Нижнего парков. Но этим все не заканчивается. И Петергоф прекрасен отнюдь не только грандиозностью. Есть Петергоф не парадный, не пышный, сегодня почти заброшенный, но невероятно интересный. И этот неприметный Петергоф – прямое продолжение того петровского чуда, посмотреть на которое сегодня едут со всего мира. Нужно объяснить возникшую путаницу. Почему все начинается в Новом Петергофе, а про-

Граница между Старым и Новым Петергофом проходит по Фабричной канавке

должается в Старом? Все просто. Началось, конечно, в Старом. Дело в том, что первый, деревянный дворец Петра был построен в 1700-х годах западнее всем известного сегодня Боль-

шого дворца. И на запад же стали разрастаться здесь, на месте финских деревушек, первые поселения рабочих и садовых мастеров. Так появилась Большая слобода. И только после того, как в 1730–1740-х годах Верхний и Нижний сады продвинулись на восток, а вслед за ними и новые стройки, после того как мастеровые люди стали занимать места за Фабричным ручьем, Большую слободу, противопоставляя новым поселениям, стали называть Старым Петергофом. Парк с фонтанами какое-то время относили к Среднему Петергофу, но позже, дабы не множить сущности без необходимости, его записали территорией Нового Петергофа. В XVIII веке Старый Петергоф начинался, как и сейчас, от усадьбы Сергиевка и заканчивался, как и сегодня, Английским парком – тем самым лесом, который пересекают на электричке все незадачливые туристы, прозевавшие нужную станцию. Вот с него-то, с Английского парка, то есть в обратном порядке, следуя странной логике места, мы и начнем путешествие в историю другого, не избалованного туристами Петергофа.

Эта дорожка уводит все дальше от великолепных фонтанов и пышных дворцов к почти нетронутой природе: от Петергофа Петра I к Петергофу Екатерины II

«Я НЕНАВИЖУ ФОНТАНЫ»

Английский парк – это первый пейзажный парк Петергофа. В 1730-х здесь был устроен зверинец: для императорской охоты тут держали в загонах кабанов, зайцев и медведей, лес разбили радиальными просеками. Любопытно, что прекратила использовать этот лес для подобного увеселения задняя охотница Екатерина II. Зверинец она перенесла дальше, в Заячий Ремиз. А здесь пожелала разбить новый парк.

Зачем же понадобился императрице в Петергофе, совсем рядом с великолепным парком Петра Великого со всеми этими дивными фонтанами, беседками, каналами, мостами, еще один парк? Затем, чтоб новый сад стал полной противоположностью старого! Екатерина Алексеевна Петергоф не люби-

ла, здесь многое напоминало ей о самых горьких минутах жизни. И все же, как монаршая особа, она вынуждена была здесь бывать, участвовать в масштабных празднествах, вести официальные приемы почетных иностранных гостей. И видеть, как гости восторгаются архитектурно-ландшафтным чудом, которое ей самой совсем не по нраву. «Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергают воду, заставляя ее следовать направлению, противоположному ее естественному течению», – пишет Екатерина летом 1772 года Вольтеру. В этом же письме она признается, как отвратительны ей прямые линии регулярных парков, как раздражают ее уличные скульптуры, оскорбляющие совершенство природы. А что же по душе императрице? «Английские сады, кривые ли-

нии, нежные скаты, пруды наподобие озерков».

Екатерина II с интересом следит за эволюцией взглядов на преобразование природы, наблюдает за достижениями самых видных английских теоретиков садово-паркового искусства и ландшафтных мастеров. Философия «графа-архитектора» лорда Бёрлингтона, работы Ланселота Брауна в парке Стоу, размышления о садоводстве Томаса Вейтли – ничего не укрывается от русской царицы, обураваемой плантоманией. Она твердо решает разбить в Петербурге новые парки. Да такие, чтоб душа в них развернулась и сердце чтоб затрепетало. Чтоб через неповторимую красоту природы, лишь чуть облагороженную человеком, предстал перед смертным во всем своем совершенстве мир Божий.

Первый парк в английском стиле Екатерина Алексеевна разбивает, конечно, в любимом Царском Селе. Но ведь и в Петергофе ей нужно место, куда приятно сбегать после приемов и ассамблей, место спокойное, тихое и простое – для души. Такое сыскалось вокруг прудов, питавших Фабричный канал. Здесь есть все, что нужно: естественные холмы и овраги, вода в причудливых изгибах, дарующий тень и прохладу лес.

Обустройством парка для императрицы занимается английский садовый мастер Джеймс Медерс. Именно он оформляет пространство, минимально вмешиваясь в ландшафт, не только эстетически, но и философски – сочетая меж собой части будущего парка таким образом, чтоб они откликнулись

Английский пруд образовался из разлива Троицкого ручья, шлюзы здесь служат для оформления водных каскадов в овраге

В наши дни идея естественного совершенства природы доведена здесь до предела: парк, к сожалению, просто дичает

разным душевным состояниям человека.

На кромке пруда устанавливают небольшой, оформленный под перила шлюз – и вот унылый склон Троицкого оврага превра-

щается в веселый каскад водопадов. С юго-востока берег обсаживают березами, с утра в их кудрях играет молодое задорное солнце – вот лучшее место для ранних прогулок. По пра-

Без памятного
камня трудно
догадаться,
что когда-
то здесь
возвышался
императорский
дворец

вую сторону от пруда, в глубине, оставляют нетронутым темный болотистый лес – здесь хорошо грустить и думать о потустороннем, особенно в сумерки. Тут же петляет черными водами мрачная речка Шингарка, через нее перекидывают тяжелые темные мосты, больше похожие на каменные глыбы, отколовшиеся от огромной горы. Ближе к пруду веселее: берег пляшет холмами, но веселье это отдает какой-то будто бы чертовщинкой. Неслучайно здесь строится затейливый Березовый домик, обманчиво напоминающий простую крестьянскую хижину, но изнутри поражающий пышными интерьерами и первой в России комнатой с кривыми зеркалами.

Даже пейзажный парк немислим без дворца. Для строительства нового императорского дома Екатерина II приглашает итальянского архитектора Джакомо Кваренги. Английский дворец возводят в палладианском стиле, он получается небольшим, строгим, с античным восьмиколонным портиком и треугольным фронтоном, с широкой лестницей, идущей к берегу. Все в рамках концепции:

главное здесь природа, а не завитушки из мрамора.

Хорош бы он был сейчас, этот дворец. Люди бы, проходя мимо него, пожалуй бы, замедляли шаг, а мысли, погруженные в

Английский парк – одно из любимых мест отдыха жителей Старого Петергофа

повседневность, быть может, обращались совсем к иным, вышним сферам. Проверить, увы, нельзя. Дворец был разрушен во время Великой Отечественной войны и с тех пор не восстанавливался. Сегодня прохожие могут видеть лишь руины, припорошенные, как это ни прискорбно, мелким сором.

Да, парк сегодня заброшен, никем не охраняется. Наверное, считается, что беречь больше нечего. Ведь нет больше и Березового домика, и перекинутого к нему через пруд Березового моста. И даже массивные каменные мосты были разрушены и разобраны – из одиннадцати остался в глубине леса только один. Весной вокруг него красиво цветут по берегам подснежники, а летом в воде – кувшинки. И о чем-то еще кричат тут с мая по сентябрь лягушки. Может, взывают к совести человека, допустившего, что парк зарос, одичал. Но это вряд ли.

Жизнь, впрочем, сегодня в Английском парке кипит в любое время года. Летом здесь хозяйничают шашлычники, велосипедисты и рыбаки, зимой – лыжники. И всегда тут гуляют влюбленные. И только они выглядят здесь органично. Смотришь на них и понимаешь, что жива и идея, здесь воплотившаяся. Бог с ним, с дворцом. В конце концов и самой Екатериной он был оставлен, забыт, небрежно подарен Платону Zubову, который, говорят, устраивал тут непотребства. В конце концов и наследник, Павел I, не придумал ничего лучше, как устроить в императорских интерьерах казарму. И бог с ними, с мостами. За них ведь тоже первым взялся именно Павел, употребив камень для новыхстроек. Главное – дух парка. А он остался. И березовые кроны все так же поутру купаются в солнечном свете, и все тот же мистический трепет испытываешь по вечерам у темных вод Шингарки. И суэта здесь отступает, и душа разворачивается. И думать хочется здесь только об огромном и вечном.

ДВОРЕЦ В ЧАЩЕ ЛЕСА

В XVIII веке Английский парк простирался вдоль всего Собственного проспекта, ведущего к дачному дворцу еще одной российской императрицы – Елизаветы Петровны. Позже часть леса вырубili, теперь к проспекту примыкает городок Военного института железнодорожных войск и квартал жилой застройки. Дальше – частный сектор и снова лес. Вот там-то, в лесу, и стоит, дряхлеет, окруженная глухим забором из металлопрофиля, Собственная Ея Императорского Величества дача. Или Его Величества. И краеведы порой теряются, за кем из монархов закрепить собственность. Сегодня, впрочем, дача все равно что беспризорница. Стоит со стыдливо заколоченными окнами, вероятно, чтобы не видеть ни обвалившегося рядом моста, ни заросшей бурьяном лестницы, ни заболоченного пруда. Стоит и конфузливо прячется за разросшимися кленами.

С начала XVIII века здешние земли успели поменять нескольких хозяев. Сначала бурную строительную деятельность здесь развернул «регент» Петра II Алексей Долгоруков. Однако вскоре имение у князя отобрали и передали земли с недостроенным дворцом публицисту и проповеднику, новгородскому архиерею Феофану Прокоповичу. Он основал здесь семинарию и положил начало деревне Боблынской. После смерти проповедника земля перешла в казенное ведомство, а в 1741 году была пожалована Елизавете Петровне. С восшествием на престол она перестраивает дворец Долгорукова и воздвигает рядом небольшую домашнюю церковь. А вокруг до самого берега Финского залива императрица разбивает огромный сад.

Елизавета любила эти места: проживая летом в Петергофе, она бывала здесь почти ежедневно. И чего бы не любить: тишина, уединение, дом скромный по царским меркам (парадный фасад всего в семь окон), церквушка рядом деревянная крохотная,

Лестница
к дачному
дворцу
Елизаветы
Петровны
сейчас больше
напоминает
опасный
аттракцион

Люди
Собственную
дачу бросили,
атлантам
деваться некуда,
их приковали

одноглавая, мосты, дорожки совсем простые – благодать. Правда, будто бы совсем не в елизаветинском духе все, размаха, что ли, не хватает. Но так и дача была не для гостей, а для отдыха

и уединения. Ну и, по всей видимости, скромность в объемах компенсировалась декором.

После смерти императрицы дача оказалась практически брошенной и вторую жизнь получила только при Николае I. Реконструкцию дворца он поручил архитектору Андрею Штакеншнейдеру. В путеводителях часто пишут о полной перестройке имения, хотя, если посмотреть на чертежи середины XVIII века, видно, что, в общем, облик усадебного дома не менялся даже со времен князя Долгорукова. Да, была надстроена мансарда. Фасады были оформлены в стиле необарокко. В интерьерах – та же нарочитая пышность. Этакая вычурность, пусть и в облегченном варианте, – это, конечно, дань эпохе Елизаветы и, вероятно, в этом конкретном случае желание не уходить далеко от оригинала.

Отремонтированную дачу Николай Павлович пожаловал наследнику – Александру. Будущий император провел здесь медовый месяц с молодой супругой, Марией Александровной. И это последняя яркая страница в истории Собственной дачи.

Печальная участь постигла Собственную дачу в XX веке. После революции здесь пытались устроить музей бытовой культуры с экспозициями «под углом зрения марксистской четкости». В 1926 году, очевидно, по-

няли, что здешний материал плохо пригоден для агитации, дачу стали использовать по назначению – для отдыха работников партийного аппарата. А после вмешалась война. Здание серьезно пострадало. И не

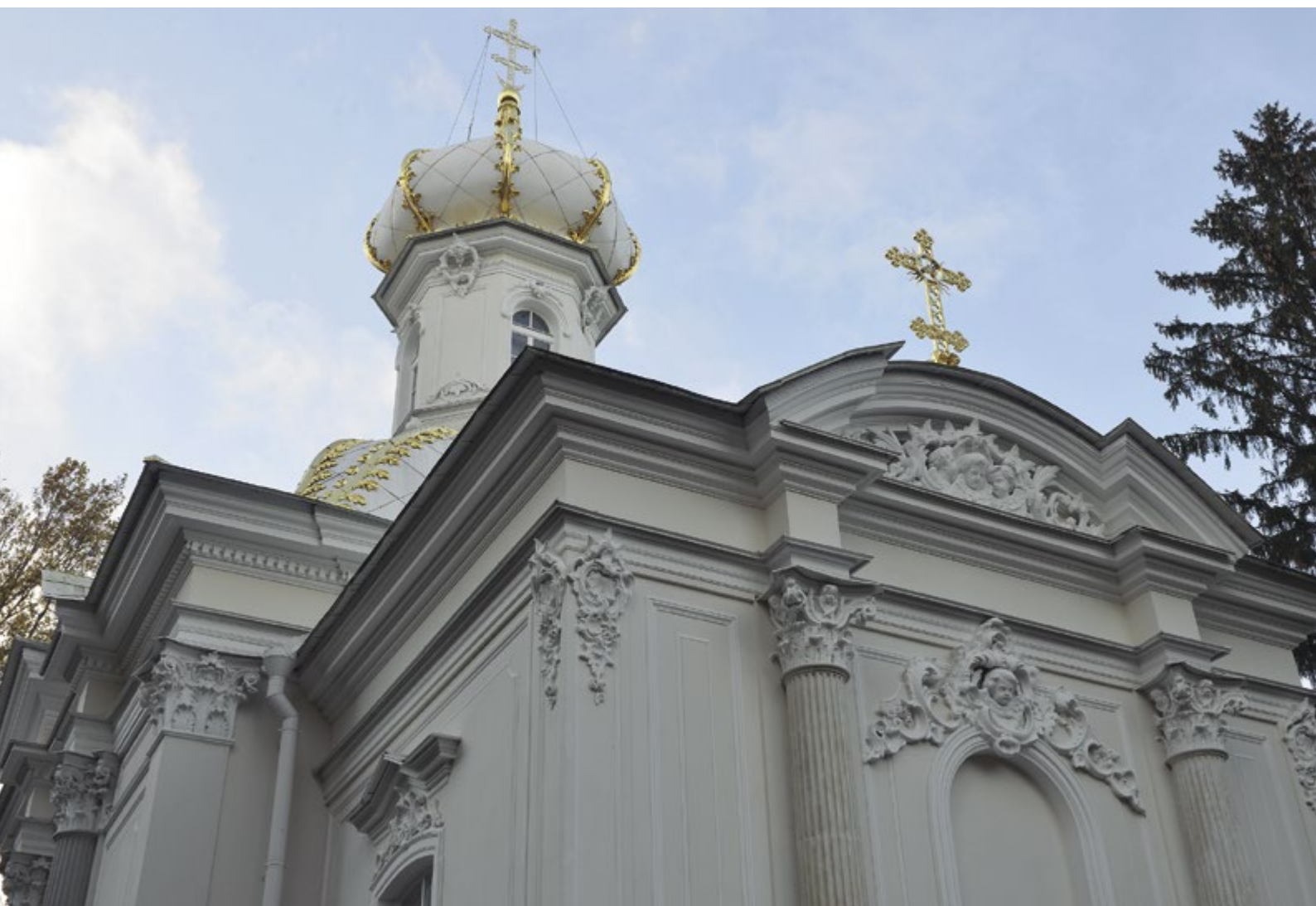
Возраст дворца – поздняя осень. Наступит ли в его жизни новая весна?

только от снарядов, но и от мародерства местного населения (хочется думать, что хотя бы вынужденного).

В 1947 году КГИОП уже забил настоящую тревогу, появилась резолюция о необходимости срочных мер в связи с хищениями на территории Собственной дачи предметов декоративно-прикладного искусства. Утащили даже кованые ворота! В 2016 году они неожиданно нашлись на «Авито» – их продавал один незадачливый житель Стрельны. В 1960-х годах дачу отреставрировали под базу отдыха Ленинградского инженерно-строительного института. А в 1990-е усадьба снова оказалась брошенной. В это странное время от разграбления и разрушения дворец спасли участники молодежного творческого объединения, из которого впоследствии вырос

Отреставрировать здание обещают уже долгие годы

театр «Странствующие куклы господина Пэжо». Артисты «поселились» на даче без всяких решений, но их никто не гнал. Своим присутствием они защищали дворец от вандалов.

С 2004 года Собственная дача меняет заборы и таблички, объявляющие о грядущей вот-вот реставрации. Сейчас, впрочем, и табличек нет. Зато забор свежий. И видеокамеры новенькие зорко блюдут, чтобы не шатались тут всякие. В случайно оказавшегося здесь путника это может вселить надежду. Как и находящаяся по соседству церковь Святой Троицы – она-то вычищена, выбелена и позолочена. Если ее недавно отреставрировали, дойдет, значит, скоро дело и до царских палат? Так мыслит путник, забредший сюда случайно. Местных жителей в подобном

Церкви Святой Троицы повезло больше: она отремонтирована и открыта для служб

оптимизме не уличить. Они-то регулярно читают новости о том, что вот-вот, еще немножко, и все будет. То один проект реставрации презентуют, то другой, а воз и ныне там.

Можно, конечно, найти слабое утешение в эстетике увядания. Есть, дескать, своя прелесть и в обшарпанности. Можно, если угодно, восхититься даже тем, как дожди красиво вымыли доски в оконных проемах, приглушив их странно-розовый цвет до щемяще-бледного. Можно, наверное, отметить, как прекрасно-печальны карнизы, колонны и барельефы на фоне умирающей осенней листвы. Можно, пожалуй, вообразить, что и атланты, закованные металлическими скобами и окутанные строительной сеткой – это весьма сильный образ и даже своего рода послание. Но на самом деле здесь хочется очень понятного и приземленного: чтоб дворец отреставрировали и открыли музей. Или хотя бы просто отреставрировали.

«Яснеет; смотрит храбрый князь –
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова»
(А.С. Пушкин. Руслан и Людмила)

И ОДНА ГОЛОВА – ХОРОШО

За Собственной дачей раскинулась Сергиевка – усадьба с удивительной историей. Даже любителям свободных, неорганизованных прогулок хорошо бы попасть сюда на экскурсию. Да вот беда – они теперь почти не проводятся.

Почему, собственно, Сергиевка? Вообще, эта земля имела все основания быть названной Алексеевкой – она была подарена Петром I своему старшему сыну, Алексею. Царевич, впрочем, в 1716-м выбрал совсем другие ландшафты. Оценив свое шаткое в России положение, Алексей Петрович хитростью выехал в Европу – якобы к отцу в Копенгаген, а сам в Вену, а после и в солнечный Неаполь. История известная. Известно и то, что из вражьей заграницы беглеца выманили Петр Толстой и Александр Румянцев. За успешно проведенную операцию оба были награждены: повышены в чинах и одарены новыми землями. Румянцеву досталась приморская дача погибшего царевича. Потом она перешла по наследству во владение его сыну, выдающемуся русскому полководцу графу Петру

Румянцеву-Задунайскому, а затем и внуку – Сергею Румянцеву. Вот его-то имя и закрепилось в названии усадьбы.

Самый старший хозяин из рода Румянцевых пытался раз-

Сергиевский парк – это мосты и ручьи, холмы и извилистые дорожки

бить здесь регулярный парк, строгий и пышный – по петровской моде. Но как-то не удалось. От той задумки сохранился до наших дней лишь один прямоугольный пруд. Да и вообще архитектурно-ландшафтное наследие знаменитого рода здесь крайне скудное. Однако есть один такой экспонат, который стоит целого дворцово-паркового ансамбля. Речь о каменной голове неизвестного мастера.

Старик, Русич, Адам, Голова Самсона, Воин – как только не называют огромное гранитное изваяние, растущее из земли. И какие только легенды не рассказывают об этой глыбе. Приписывают камню то инопланетное происхождение, то мистические свойства (вот, дескать, как уйдет голова под землю, так и свету конец). Городской фольклор, как водится, бессмыслен и беспощаден. Но слишком уж загадочна история памятника. Существует несколько версий того, кому посвящен безымянный монумент.

По одному из предположений, голова представляет собой не что иное как портрет Петра I, высеченный неким мастером Петергофской гранитной фабрики в знак благодарности за то, что император крестил его дочь. По другой гипотезе, голову изготовили по проекту Франца Броуэра в 1799–1800 годах и посвятили победам фельдмаршала Петра Румянцева-Задунайского. Говорят еще, что голова была увенчана металлическим шлемом. Есть версия и более позднего появления в парке валуна. Якобы источником вдохновения неизвестного скульптора послужила поэма Пушкина «Руслан и Людмила». В пользу этой версии говорит тот факт, что скульптура не упоминается в ранних описаниях имения. Вот только это, скорее, Александр Сергеевич вдохновился каменной головой – он ведь посещал парк в 1818 году, когда поэма еще не была окончена.

ПОМПЕЯ И ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

В 1822 году усадьбу купил обер-гофмаршал Кирилл Нарышкин. И сразу взялся за ее полное преобразование. Начались масштабные гидротехнические работы: выкопали пять прудов, устроили плотины и водные каскады, построили мосты через ручьи. Нарышкин, купив имение за 500 тысяч рублей, вложил в него еще около четырехсот. При этом парк новый хозяин сделал открытым для всех желающих. В 1838 году Нарышкин умер, и наследники выставили усадьбу на продажу. Торопились и продавали за полцены. Купил имение Николай I. Сергиевка стала свадебным подарком для дочери императора, Марии Николаевны. Еще в 14 лет она хитростью взяла с отца обещание, что он позволит ей остаться на родине. Стало быть, нужно было так постараться, чтобы жених, какой-нибудь европейский принц, захотел остаться в России. Для Максимилиана Лейхтенбергского, кажется, особенно стараться было не нужно, он и сам был рад остаться. Тем охотнее он был вознагражден тестем. В Петербурге для молодых построили Маринский дворец, в Петергофе, в Сергиевке – дворец Лейхтенбергских.

Дворец построили по проекту Штакеншнейдера в помпейском стиле. Южный фасад декорировали настоящим античным портиком, найденным в Помпее при раскопках. Это папа жениха, вице-король Италии, похлопотал.

Папа жениха, к слову, помимо того, что являлся вице-королем Италии, приходился сыном Жозефине де Богарне, супруге Наполеона. Казалось бы, еще свежа была память об Отечественной войне, и Эжен де Богарне, пасынок Наполеона, во время этих событий тоже не в Париже отсиживался, а очень даже участвовал в сражениях, в том числе под Бородином. И вот так все удивительно переплелось.

Дворец Лейхтенбергских строг, но величествен, когда-то он был окружен фонтанами и скульптурой

Сегодня почти все здания Сергиевки занимают лаборатории Биологического института СПбГУ

Во времена Лейхтенбергских Сергиевка еще больше хорошеет. И богатеет. Максимилиан не только устанавливает в парке фонтаны и мосты, строит павильоны и беседки, он украшает дворец и сады дивной скульптурой. Основу коллекции составляли произведения, собранные Эженом Богарне, это были копии с известных античных работ, выполненные в мастерских западноевропейских мастеров – Кановы и Торвальдсена. В собрание вошли также копии античных скульптур, исполненные гальванопластическим методом,

разработанным самим Максимилианом Лейхтенбергским, увлекавшимся химией. И что еще более потрясающе, были в коллекции и античные оригиналы. В 1850 году герцог посетил Египет и купил там два больших саркофага, скульптурную группу «Градоначальник Фив Аменемхем с женой и матерью» (XIV век до н.э.) и статую Клеопатры VII (69–30 годы до н.э.).

Оригинальным скульптурам повезло – они были переданы в Эрмитаж еще в 1927–1929 годах. Другое наследие Лейхтенбергских сильно пострадало из-за войны. Сергиевка не была занята немцами, но бои шли совсем рядом, и парк регулярно бомбили. На территорию усадьбы попало более 9 тысяч снарядов. Работники Ленинградского университета, в введение которого была передана Сергиевка после революции, успели спрятать часть собрания в подвале дворца. Но и в подвале почти ничего не сохранилось.

Некоторые скульптуры удалось восстановить. Невероятно, но реставрационными работами занимались сотрудники университета: физики, математики и биологи. В 1999 году эти

удивительные люди вернули к жизни «Венеру, снимающую сандалию», позже они же восстановили анималистическую группу «Собаки». «Немезиду» Торвальдсена, собранную работниками университета из фраг-

ментов, в 2011 году передали на реставрацию в мастерские Русского музея.

Несколько скульптур сегодня находятся во дворце. В парке сейчас никаких изваяний нет – он ведь открыт и, кажется, поч-

В Сергиевке множество дивных прудов, и рядом с каждым чудесный мостик

ти не охраняется. Точнее, биологи изо всех сил стараются сберечь здесь иное богатство – природу. И они делают это с особым трепетом: с одной стороны, позволяя лесу жить естественной жизнью, с другой – сократить, насколько возможно, пагубное влияние человека.

И Сергиевка сегодня похожа на самую настоящую сказку. Дубы-колдуны, угрюмые ели, а меж ними узкие тропинки, подъемы и спуски. И тут же – певчие птицы, резвые белки и, конечно, крикливые утки. Идешь, бредешь по этому волшебному лесу, а потом вдруг – овраг и изящный мостик, или дерево с закрученным стволом, или вдруг поляна, а за ней пруд и строгий Английский домик, а потом вообще огромная голова. Чудеса. Наверное, даже и леший где-нибудь бродит. 🍁

Маленький Английский домик похож на жилище каких-нибудь сказочных существ

ТРУД И ДОБЛЕСТЬ «БАБЬЕГО ЦЕХА»

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

КОНЯ НА СКАКУ ОСТАНОВЯТ, НАГРУЗЯТ СЫРЬЕМ И ТОПЛИВОМ И В ГОРЯЧИЙ ЦЕХ ВОЙДУТ. ЖЕНЩИНЫ И ПОДРОСТКИ ГОРОДА БОРОВИЧИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПОД ВРАЖЕСКУЮ КАНОНАДУ ВОССТАНОВИЛИ КОМБИНАТ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ОГНЕУПОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОСЛЕ ЭВАКУАЦИИ ПРЕЖНЕГО. А ЕЩЕ СПАСЛИ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ РАНЕННЫХ В ГОСПИТАЛЯХ. НЫНЕШНИЙ, 2020 ГОД ЗАПОМНИТСЯ БОРОВИЧАНАМ НЕ ПАНДЕМИЕЙ, А САЛЮТОМ В ЧЕСТЬ ПРИСВОЕНИЯ БОРОВИЧАМ ЗВАНИЯ ГОРОДА ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ.

«**П**ЕРЕД ВОЙНОЙ Боровичи были индустриальным центром Северо-Запада СССР, – говорит директор Музея истории города Боровичи и Боровичского края Ирина Столбова. – После начала войны нависла угроза оккупации нашего города, было

принято решение об эвакуации предприятий, включая комбинат огнеупоров. В наших архивах хранятся соответствующие предписания об эвакуации оборудования и специалистов. И это было выполнено».

После того как фашистов удалось остановить, предприятия

Боровичей – второго по величине города Новгородской области – начали получать правительственные оборонные заказы. Огнеупорные материалы применяются во многих промышленных сферах, но в военные годы они особенно требовались для выплавки стали. Страна нарастила выпуск военной техники и оружия, металла требовалось много, использовались любые возможности для его производства. «Однако оборудование и специалисты оставались в эвакуации, и в Боровичах промышленность была вынуждена фактически восстанавливаться заново, да еще в условиях войны, – говорит Ирина Столбова. – К старым станкам, сохранившимся на предприятиях, встали пенсионеры, инвалиды, женщины и дети. И они смогли восстановить комбинат и работать, перевыполняя план. А после работы и после школьных уроков для женщин и детей начинался второй трудовой фронт – они шли в госпитали». В середине 1942 года в Боровичи вернулась группа рабочих и специалистов, прибыло около 100 вагонов оборудования. Восстановление цехов и рудников стало важнейшей задачей для всего города. Уже в 1943 году приступил к работе цех №1, затем – №4, и восстановленный комбинат выдал

Оборудование и специалистов Боровичского комбината огнеупоров эвакуировали на Урал в начале войны

первый огнеупорный доменный припас.

«В Боровичах выпускали не только огнеупоры, – объясняет Ирина Столбова. – Предприятий было много, и на них шли обмундирование, выпускали мины, печки-буржуйки, примусы, приклады для автоматов, пекли хлеб и изготавливали сухари. Выпускалось буквально все, что нужно фронту. Мастерские комбината огнеупоров превратились в пространства для ремонта военной техники, поступавшей сюда с передовой. В нашем архиве сохранился документ, в котором директор ликероводочного завода заявляет о том, что на предприятии нет ни специалистов, ни оборудования, ни сырья. А возрождаться надо. И в таких условиях все равно был налажен выпуск спирта для медицинских нужд и зажигательных смесей».

На фронт ушла почти треть населения города. Оставшиеся женщины и дети сутками дежурили в госпиталях, открывшихся почти во всех крупных зданиях, рыли окопы для Ленинградского, Северо-Западного и Волховского фронтов, занимались лесозаготовкой, добывали торф. А по ночам вязали теплые вещи и собирали посылки для солдат.

В окрестных деревнях было не меньше сложностей: почти все трактора, машины и лошади были переданы в армию или эвакуированы. Приходилось выполнять план невероятными усилиями – пахали на коровах, выходили в поле всей деревней от мала до велика с лопатами. И вот удивительный факт: осенью 1942 года в селе Кончанском нашли силы и возможности для открытия музея великого полководца Александра Суворова, который отбывал здесь ссылку в конце XVIII века. Отсюда же он ушел в свой последний Итало-швейцарский поход. Солдаты и офицеры, собравшиеся на церемонию открытия музея, прямо с нее ушли на фронт...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В годы войны оборонные заказы выполняли женщины и дети

ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ БОРОВИЧЕЙ

Слова «металлургиня» и «садчица» в русском языке не появились, хотя, думается, после подвига боровичанок филологи были вправе вписать их в словари. В тяжелейших условиях тотальной нехватки всего местного работники выдавали по 200 процентов нормы, а сырье, топливо и готовую продукцию перевозили на тачках, вагонетках и лошадях.

В историю Боровичей, которую изучают в местных школах, вошли садчики Алексеева, Константинова, Яковлева, Федорова, Конторина и многие другие. «Садчик – тот, кто занимается посадкой в печь чего-либо», – определяет значение слова один из словарей. Разве может женщина работать у доменной печи? Вряд ли, скажем мы сегодня. А в Боровичах – работали. И здесь об этом хорошо помнят.

«В бригаде у нас работали одни женщины, – вспоминала огнеупорщица Валентина Башмакова. – Работали по 12–14 часов, а если приходил срочный правительственный заказ, то и по две смены работали. Выходных

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

О трудовом героизме юных боровичан рассказывали на страницах советской прессы военных лет

и отпусков не было. Дежурили мы и в госпиталях, ухаживали за ранеными. Как ни трудно было, но многие из нас при этом были и донорами крови». «Наш цех шутя называли «бабий», я заведовала лабораторией, – рассказывала Мария Зорина. – Оборудование в цехе было старое, часто ломалось. Из-за поломок и нехватки людей план выполнять было трудно, поэтому мы вынуждены были днем работать на занимаемой должности, а вечером все ИТР становились на рабочие места: прессовали изделия, сажали и выгружали их из печей. С нами работала и начальница цеха. Кольцевых печей не было, не было и вагонеток, все перевозилось на тачках. Чтобы провезти нагруженную сырцом тачку по металлическому листу, нужно было иметь опыт и силу, нам было трудно. Но работали дружно и все вместе помогали друг другу».

Пионеры-герои, сражавшиеся с фашистами в партизанских отрядах, прославили свои города и поселки на всю страну. О передовой девичьей бригаде вчерашних школьниц с 16-летним бригадиром Павлом Виноградовым знают только в Боровичах. «Самым большим горем считали воздушные тревоги: ведь пока пережидали налет, застывал в ковшах металл, – вспоминали работницы. – Его вырубали и снова плавил».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ГОРОД-ГОСПИТАЛЬ

В центре современных Боровичей, сохранивших облик русского купеческого городка из пьес Александра Островского, на каждом втором здании встретишь таблички, свидетельствующие о том, что в годы войны здесь размещался госпиталь. Под раненых отдали 10 школ, 9 административных зданий, техникум, педучилище, Дом пионеров, Дом крестьянина, монастырь и пять жилых домов. По официальным данным, через госпитали Боровичей прошло более 70 тысяч раненых (население города было почти вдвое меньше), около 80 процентов из них вернулись в строй.

«Официально в Боровичах располагались 22 госпиталя, но это только нумерация – к одному госпиталю могло быть приписано несколько лечебных учреждений», – отмечает Ирина Столбова. «Это подлинный город-госпиталь», – писал легендарный хирург Александр Вишневский, который в годы Великой Отечественной работал в Боровичах главным хирургом Волховского фронта. В его дневниках есть такая запись: «Утром приехал в Боровичи. В 6 часов вечера открылось совещание. Говорили, между прочим, о том, что раненые должны выписываться из госпиталя еще более боеспособными, чем до ранения, почувствовав любовь и внимание медицинского персонала. Вот уж что верно, то верно!»

Медсестре из Боровичей Евгении Николаевой довелось не только поработать с Вишневским, но и стать его пациенткой. «Я была в перевязочной, стала поднимать раненого и согнулась пополам от резкой боли, – вспоминала она. – Через несколько минут я уже лежала на операционном столе. Александр Александрович сам делал операцию под местным наркозом и шутил. Я спросила его, что он делает. Он сказал: «Кисет шью». – «Зачем?» – «Табак сыпать буду». Оказалось, от напряжения у меня лопнула кишка. Приехал отец, на санках увез меня в деревню. Через две

Возле Центральной больницы Боровичей установлен монумент в честь врачей времен войны

В местном музее врачам и донорам города-госпиталя посвящена отдельная экспозиция

недели я снова вернулась на работу в госпиталь».

Анна Гуляева встретила войну студенткой фельдшерско-акушерской школы в Боровичах и с учебной скамьи была отправлена в местный госпиталь. «Я понимала, что в отделении хирургии буду нужнее всего, привлекала операционная и перевязочная, – вспоминает она. – Часто оставалась в госпитале ночью, изучала инструменты».

С приближением немцев раненых становилось все больше, многих медсестер отправили на фронт, работать приходилось сутками. «Из операционной не выходили по трое суток и, чтобы не свалиться с ног, пили из ампул кофеин, – рассказывает Анна Ефимовна. – Много приходилось делать переливаний крови. Совместимость проверяли так: на блюдце смешивали до-

норскую кровь с кровью раненых, и если состав не свертывался, то можно было вливать».

Среди доноров тоже были свои герои, чей вклад в спасение раненых измерялся не граммами и даже не литрами, а ведрами. В книгах о медсестрах Боровичей то и дело встречаешь – в годы войны «сдала ведро крови», «сдала полтора ведра крови». Отдельный стенд в музее Боровичей посвятили Марии Кулиной (Ивановой), которая в годы войны сдала 15 литров крови. «Однажды вызвали внезапно, – вспоминала она, – надо спасти жизни двух человек – раненого солдата и женщины, умиравшей в родах». Мария Кулина отдала сразу 700 граммов крови.

И во время войны, и после нее в Боровичи шли письма от вылеченных солдат и их родственников. Часто без фамилий и без адреса, «на деревню дедушке». Люди благодарили медсестер и докторов за то, что спасли, выхаживали, выкормили. Некоторые письма выставлены в музейной экспозиции. «Уверяю вас, товарищ врач, вспоминая вашу заботу, беспощадно истребляю немецких оккупантов, пока ни одного не останется на нашей родине», – пишет солдат Муртазалов. И постскриптум: «Раны не беспокоят».

МЕРЫ И ВЕСЫ
АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВА

Ветеранов трудового фронта в сегодняшних Боровичах осталось немного. Едва стало известно, что Боровичи получили звание Города трудовой доблести, ветеранов осаждали журналисты. Дошло до того, что родственники стали оберегать своих стариков от интервью и воспоминаний. Мне посоветовали обратиться к 93-летнему Алексею Михайловичу Кириллову, но предупредили: журналисты трижды назначали ему встречу, но до квартиры ветерана не добирались. Мол, возможно, обижен и пошлет подальше с парой соленых словечек из лексикона шахтеров, каковому делу он отдал большую часть жизни.

В годы войны в Боровичах открылись 22 госпиталя: в школах, техникуме, педучилище, монастыре и жилых домах

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Зря пугали. Обошлось без шахтерского лексикона. Алексей Михайлович любезно пригласил в гости, с юмором заявив, что устал давать интервью самому себе. Ветеран труда живет один и очень рад гостям. Оказалось, Алексей Кириллов, не попавший на фронт из-за юного возраста и малого роста, в Боровичах большой человек: на протяжении многих лет был начальником горного управления Боровичского комбината огнеупоров.

Алексей Михайлович родился в деревне неподалеку от Боровичей в семье, которая была признана кулацкой. Его дед Кирилл, в честь которого, вероятно, семья и получила свою фамилию, был знаменитым мастером на всю округу – рубил дома, был сведущ во всех крестьянских делах и оставил своему сыну, отцу Алексея Михайловича, крепкое хозяйство. За это богатую избу, трудолюбие и успех, сопутствовавший в каждом деле, Михаил Кириллович был репрессирован и умер в Архангельской области, оставив жену с двумя дочерьми и сыном.

«Мои родители в кузнице работали: отец кузнецом, а мать молотобойцем, – вспоминает Алексей Михайлович. – Отец научил мать кувалдой работать, чтобы молотобойца не брать в кузню. Сильная была женщина,

но и она сломалась, когда в войну у нас однажды все карточки украли. Жить не хотела, чудом спасли, стала инвалидом».

Единственный мужчина в семье унаследовал от предков работоспособность и талант к быстрому обучению. «Когда началась война, я учился в школе, в мае 1942 года окончил восемь классов, – вспоминает Алексей Михайлович. – Сестры пошли работать в госпитали, а я устроился на механический завод в Боровичах. Росту я был небольшого, 143 сантиметра, и меня определили в палату мер и весов, где

Алексей Кириллов пошел работать из-за школьной парты. «Когда получил разряд, стали давать по 500 граммов хлеба», – говорит он

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

я в основном ремонтировал весы и манометры. Посчитали, что на более тяжелые работы я не гожусь. Но работы было много, трудился не разгибаясь, по 12 часов без выходных. Чтобы я мог нормально работать у тисков, подставляли ящики».

После смены по вечерам Алексей Кириллов со сверстниками ходил на военно-учебный пункт – там обучали военному делу. На заводе работа спорилась, вчерашний школьник приноровился к новому оборудованию и ящику-постаменту, включил родовую смекалку и спасал от свалки весы, которые считались не подлежащими ремонту. «В порядке поощрения нас иногда направляли на ремонт весов на хлебозавод, – вспоминает он. – Там можно было немного поесть отбракованного хлеба».

Способного парня заметили и перевели на ремонт более сложного оборудования. К 12-часовым сменам и занятиям на военно-учебном пункте в его распорядке дня добавились уроки английского языка, которые были необходимы для того, чтобы разобраться с американским оборудованием, поступавшим по ленд-лизу. «Станки были обмазаны артиллерийским салом, мы соскребали это сало и ели, голод был страшный, – вспоминает он. – Давали по 300 граммов хлеба в день, а потом, когда разряд получил, стали давать по 500 граммов. Картошку перемороженную на весеннем поле найдешь – деликатес».

Чтобы спасти семью от голода, Алексей Михайлович пошел учиться на шахтера и, как только стало можно, напросился на работу под землей – там паек был больше.

Салют в честь присвоения Боровичам звания Города трудовой доблести Алексей Кириллов смотрел с балкона. Рассказывает, что от сполохов на небе ощущал ту же радость, как от солнечного света при подъеме из шахты. «Я так кричал ура, – смеется ветеран, – что прохожие головы задирали». ■

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ЭТИМ ЛЕТОМ ПО СЛУЧАЮ КАРАНТИНА РЕДКИЙ ТУРИСТ ИЗ РОССИИ СМОГ ДОБРАТЬСЯ ДО РИЖСКОГО ВЗМОРЬЯ. НО ТЕ, КТО ПРЕОДОЛЕЛ ВСЕ ПРЕПОНЫ, НЕ ТОЛЬКО ОТДОХНУЛИ, НО И ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПО ДОРОГЕ К МОРЮ ЛЮБОВАТЬСЯ КОННОЙ СТАТУЕЙ ПЕТРА I.

ПОНАЧАЛУ ТУРИСТЫ в изумлении останавливались у забора, гадая: как это вообще возможно? Как пятиметровая бронзовая статуя российского императора могла оказаться на чьем-то частном участке? Знали бы они, какой долгий и удивительный путь проделал этот памятник!

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

В 1908 году Рижская дума начала подготовку к празднованию 200-летия победы России над шведами и вхождения Риги в состав Российской империи. В честь этой даты было решено поставить в центре города памятник Петру Великому. Жителей Лифляндской губернии призывали внести пожертвования на памятник. Довольно быстро удалось собрать более 87 тысяч рублей, городское управление внесло еще 28 тысяч. На конкурс было представлено 58 проектов. Специально созданная комиссия выбрала вариант, предложенный немецким скульптором Густавом Шмидтом-Касселем. Памятник решили поставить в начале Александровского бульвара, напротив главного въезда в город. Кто бывал в Риге, место это хорошо знает, ныне на нем красуется главный символ Латвии – памятник Свободе.

В 1910 году памятник был готов. Гранит для постамента привезли из Финляндии, сама конная фигура, на которую ушло около 4 тонн бронзы, была отлита в Берлине. Торжественное открытие и освящение монумента состоялось 4 июля 1910 года. На праздник собралась вся Рига, куда накануне на яхте «Штандарт» прибыл император Николай II

с семейством. Празднования длились три дня...

Памятник Петру Великому стал гордостью рижан. Он и вправду был хорош! Стоял на высоченном цоколе и вдаль глядел. Увы, недолго. Через пять лет, в разгар Первой мировой войны, когда немцы приближались к Риге, было решено спасти памятник. С большими предосторожностями его сняли с постамента и погрузили на пароход «Сербино», направлявшийся в Санкт-Петербург. Однако до столицы пароход не дошел: торпедная атака немецкого эсминца отравила его на дно неподалеку от берегов Эстонии.

Спустя двадцать лет эстонский водолаз Антон Негода обнаружил пятиметровую статую в 30 метрах от затонувшего судна. Несколько попыток поднять памятник не увенчались успехом. Решили... взорвать монумент и

Памятник Петру Великому простоял в центре Риги ровно пять лет – с 1910 по 1915 год

вытащить его по частям. В результате статуя сильно пострадала. Эстонцы обратились в Рижскую думу, предложив выкупить обломки. Дума дала добро. Правда, к тому времени место, на котором прежде стоял памятник Петру I, оказалось занято: здесь полным ходом шло сооружение монумента Свободы. Депутаты предполагали, что статую императора можно будет установить в Царском саду, где рос вяз, по преданию, посаженный здесь самим Петром I. Но когда в июле 1934 года всадник в расчлененном виде наконец прибыл в Ригу, настроения здесь уже изменились. А с установлением в Латвийской Республике диктатуры Карлиса Улманиса, русскому императору даже в городском парке место решили не выделять. И убрали на склад...

В советские годы энтузиасты предпринимали попытки организовать работы по восстановлению памятника, в 1977 году было принято даже соответствующее решение горисполкома. Но руки до царя так ни у кого и не дошли. Фрагменты памятника провалялись на разных складах шестьдесят лет. А потом в Латвии наступили новые, «коммерческие» времена, цены на цветные металлы резко взлетели вверх. И над бронзовым Петром нависла реальная опасность.

В 1994 году рижский историк, автор нескольких книг, посвященных Петру I и его пребыванию в Риге, Игорь Гусев снимал очередной сюжет для своей передачи «Клио» как раз на том складе, где хранились останки памятника. «Это было весьма печальное зрелище, – вспоминает Игорь. – Памятник российскому императору валялся в пыли и грязи, всеми забытый и заброшенный. Как бы в Латвии ни относились к личности Петра, но любой хотя бы мало-мальски образованный человек знает из истории, что именно Петр I заложил основы процесса единения нынешней территории Латвии, а следовательно, и формирования латвийской нации. До Петра эта

территория была разделена на три региона. Лифляндия, ставшая основным приобретением Петра I, и вошедшие позже в состав Российской империи Курляндское герцогство и Латгалия, принадлежавшая Речи Посполитой, в итоге и стали нынешней Латвией... Разве одного этого недостаточно, чтобы проявить хотя бы немного уважения к заслугам царя-реформатора?»

Видный латвийский филолог Борис Инфантьев в свое время провел анализ народных латышских источников петровского периода. И что интересно, ни в одном из преданий той поры, собранных этнографами, царь Петр не являлся отрицательной фигурой. В легендах и сказках латыши изображали русского царя как героя, храброго и смелого богатыря, который спасает Ригу от пожара, изобличает колдунью или наказывает злых помещиков, обижающих бедный люд...

А памятник спас один энтузиаст, любитель русской истории, рижанин Станислав Разумовский, хороший знакомый Игоря Гусева. В 1989 году он прочитал в местной газете репортаж о печальной судьбе бронзовой статуи Петра и увидел ужасающие фотографии. И понял: надо срочно спасать императора, пока его вместе с конем не сдали на переплавку. Поздно вечером вместе с друзьями они подъехали на грузовике к складу на улице Маскавас, где уже не было никакой охраны, и по частям вывезли весь монумент.

Разумовский перевез скульптуру к себе домой и даже пытался ее восстановить, но монумент все же пришлось отвезти на охраняемую территорию воинской части. После ухода советской армии в 1992 году в эти казармы переехали латвийские военные, они какое-то время тоже охраняли скульптуру. Здесь в 1999 году ее и разыскал рижский предприниматель Евгений Гомберг. Именно на его дачном участке в Юрмале сейчас стоит восстановленный на личные средства памятник Петру Великому.

Единственная конная статуя в Латвии 110 лет назад вызвала всеобщее восхищение

СТРАСТИ ПО ПЕТРУ

Идти надо от Юрмальского концертного зала минут десять до улицы Друсту. Кстати, у прохожих спрашивать, где эта улица, нет смысла – не знают. Пароль звучит так: «Как пройти к памятнику Петру?»

«На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...». Знаю-знаю, Александр Сергеевич писал эти строки не про нашего всадника, а про питерского, Медного. Но именно эти строки пришли мне в голову, когда я впервые увидела в Юрмале эту величественную конную статую, стоящую в паре сотен метров от Рижского залива. Да и не чужой Санкт-Петербург нашему

рижскому всаднику. Во-первых, именно там его в 2000 году вернули к жизни. Во-вторых, в Северной столице поселился его бронзовый брат – точная копия рижского памятника.

В это трудно поверить, но еще несколько месяцев назад столетняя конная статуя российского императора стояла на рижской дворовой автостоянке среди джипов и «мерседесов», ожидая разрешения от властей Риги для въезда в центр города. И только знающие люди по наводке знакомых могли найти и навестить его здесь. Уникальный во всех отношениях памятник провел на задворках без малого двадцать лет, но разрешения на установку в более подходящем месте так и не дождался. И тогда Евгений Гомберг перевез монумент, находящийся у него на бессрочном хранении, в Юрмалу – к себе на участок.

Сразу побеседовать с Евгением нам не удастся, так как у забора остановилась небольшая группа туристов из Германии. Поздоровались с хозяином дома и начали с интересом расспрашивать его. Пользуясь моментом, я подхожу вплотную к подножию статуи и любуюсь скульптурным творением немецких художников и питерских мастеров. Сколько же мытарств этому Бронзовому всаднику пришлось перенести!.. И под обстрелами торпед побывал, и на дне моря двадцать лет пролежал, и на складах полвека провалялся, и на автостоянке двадцать зим отстоял. Что и говорить, повезло императору, что на его пути попались неравнодушные люди...

Больше всего от взрыва пострадала фигура царского коня

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ НОВОДЕЛ?

Что сделал в 1999 году Евгений Гомберг? Как человек, с юности увлекающийся историей Латвии, он, конечно, знал, что останки многострадального памятника Петру хранятся на складе. Когда его компании исполнилось десять лет, он решил в честь этого юбилея сделать что-нибудь хорошее для родного города. А почему бы памятник Риге в дар не преподнести?

Евгений разыскал Петра на складах воинской части. Картина была удручающая: куски монумента, разбросанные по углам, лошадиная голова с отломанной нижней челюстью, разрозненные фрагменты царской фигуры, да и те не все. Бронзовая голова императора вообще нашлась в российском посольстве...

Года за три до того искалеченный памятник осматривала комиссия из Санкт-Петербурга, специалисты покачали головами и вынесли вердикт: восстановлению не подлежит. Но Гомберг пригласил в Ригу знакомых петербургских литейщиков. Те сказали: «Если надо – сделаем!» Так для Евгения началась своя «петровская эпоха», растянувшаяся на два десятилетия.

Мэрия Риги подписала с ним договор о том, что он за свои средства проведет реставрацию исторического монумента. И процесс пошел. Памятник восстанавливали в цехе Рижского вагоностроительного завода. Здесь же собрали конную статую, скульптор вылепил недостающие части, которые потом от-

лили в литейной мастерской в Петербурге.

Тем временем рижские власти, не желая устанавливать памятник в историческом центре города, делают попытку подарить обломки Петра мэрии Санкт-Петербурга на 300-летие города на Неве. Но маневр не прошел: россияне, понимая настоящий смысл «подарка», отказались принять его в дар, деликатно указав рижанам, что историческому достоянию Латвии все же надо оставаться на родине.

«В соответствии с договором памятник юридически оставался собственностью города, а я взялся лишь за его восстановление, – рассказал Евгений Гомберг. – Когда уже почти всё отреставрировали, нужно было

Вот так, среди заморских «железных коней», стоял Бронзовый всадник сразу после его реставрации – на обычной дворовой автостоянке. 2001 год. Рига

В ожидании въезда в исторический центр Риги российский император провел на задворках почти двадцать лет и зим. 2010 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

провести оценку проделанных работ. Первая комиссия признала, что петровский памятник представляет большую культурно-историческую ценность. Но руководитель агентства по охране памятников это заключение не подписал. Он созвал новую, более покладистую комиссию, которая пришла к парадоксальному выводу, что памятник безнадежно испорчен и никакой ценности не представляет. Акт этот утвердили...».

Вокруг памятника началась политическая и бюрократическая чехарда. Гомберга, ко всему прочему, пытались обвинить в том, что он якобы продал оригинал питейцам, а восстановленная скульптура – это новодел. «Одним словом, акт о приемке-передаче памятника так до сих пор и не подписан, – говорит Евгений Гомберг. – Пару лет назад я попытался снова запустить эту процедуру, но опять наткнулся на противодействие. Я утверждаю, что памятник, сооруженный в 1910 году и отреставрированный в 2001-м, является ценностью – культурной и исторической. Если комиссия это признает, то монумент сразу подпадет под охрану государства, которому это совсем не нужно. А сказать, что памятник не представляет ценности, у них тоже не получится, так как я легко могу показать, где у статуи восстановленные части. Они составляют не более 10 процентов от всего монумента».

Доказать это, как заверяет Евгений, легко. Памятник изначально отливался в Германии в начале прошлого века способом литья бронзы в земляные формы. Способ этот грубый, поверхность получалась шероховатой, с толщиной отливки 10–12 миллиметров. При изготовлении же новых частей скульптуры в Петербурге бронзу заливали в керамические формы, поверхность при этом получается гладкой, с толщиной отливки не более 5 миллиметров. Разница видна даже невооруженным глазом.

Работы по восстановлению памятника обошлись рижскому меценату примерно в 100 тысяч

долларов. Выбор места для монумента должна была сделать Рижская дума.

Летом 2011 года обновленный памятник Петру Великому вернулся в латвийскую столицу – как раз накануне празднования 800-летия Риги. Его здесь ждали, правда, не все. Депутаты-националы выступили против установки в Латвии памятника русскому царю. Причем пригрозили выходом из фракции, что они в итоге и сделали. Таким образом, Петр I успел еще и в наше время надеть неприятностей латышским русофобам.

В программу празднования юбилея города торжественное открытие петровского памятника из-за всей этой политической неразберихи до последнего момента не входило. На выручку Петру Великому пришел тогдашний управляющий Рижским свободным портом, Леонид Логинов, предложивший Евгению Гомбергу установить монумент на территории порта. Туда российского императора доставили ночью в сопровождении полиции. А утром в порт ринулись толпы рижан и туристов, чтобы успеть полюбоваться и сфотографироваться рядом с чудесной конной статуей. Ажиотаж был невероятный! Люди как будто предчувствовали, что долго Петр Великий здесь не останется... Так оно и вышло. Через три дня Гомбергу настоятельно рекомендовали увезти памятник подальше от людских глаз, чтобы не смущать патристически настроенных граждан. А то один из них даже ночью пришел к «русскому императору-оккупанту» с корзиной яиц и начал кидать их ему в спину, пока охранники не вывели дедушку с этой самой корзиной на голове... После этого Гомберг перевез памятник во двор своей фирмы, километров за пять от центра Риги.

А в 2003 году в резиденции президента России в Стрельне, у Константиновского дворца, была установлена точная копия скульптуры Петра, отлитая в той же самой мастерской, где отливались утраченные детали оригинального памятника.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Россия, Стрельня, Константиновский дворец. Бронзовая копия рижского Петра была установлена здесь в 2003 году

В ЮРМАЛУ НА ПМЖ

В 2010 году в Риге в присутствии небольшого числа любителей русской истории у подножия Бронзового всадника на автостоянке прошли небольшие торжества, посвященные 100-летию памятника Петру I. А еще через десять лет Евгений решил перевезти Петра на новое место – в Юрмалу, к себе на участок, под охрану.

«У меня закончилась аренда здания в Риге, я оттуда уехал, а памятник остался беспризорным, – объяснил Евгений Гомберг. – В связи с повсеместными компаниями по сносу исторических скульптур, которые вдруг стали символами угнетения и рабства, включая Христофора Колумба, я понял, что у Петра в Риге вообще нет никаких шан-

сов. Да и зачем создавать поводы для столкновения и вызывать противоречивые чувства у людей? А вот здесь, в тишине, у моря, Петр Алексеевич спокойно стоит. Ему здесь хорошо». Вот так сложилась непростая судьба бронзового императора в Риге. Сегодня он нашел уютное пристанище в красивом месте под надежной охраной. Времена меняются, когда-нибудь и в Латвии люди будут более адекватно относиться к памятникам истории. Тогда, глядишь, так много сделавший для этой страны российский император наконец займет достойное место. Да, кстати, если кто думает, что после всех этих хлопот с Петром Евгений Гомберг зарекся заниматься чем-нибудь подобным, то – как бы не так! С того времени это стало его хобби, бизнесмен за свой счет уже двадцать лет восстанавливает городские памятники и скульптуры, когда-то украшавшие Ригу, и пытается передать их в дар латвийской столице. И это у него иногда даже получается.

Сегодня на счету у Гомберга уже семь памятников. После Петра был российский генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли, который с 2002 года стоит на своем

Рижане приветствуют возвращение Петра I в Ригу. 2001 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

С новосельем, Петр Алексеевич! На дачном участке Евгения Гомберга и под его надежной охраной. Здесь памятнику никто не угрожает, кроме голубей... Лето 2020 года. Юрмала

историческом пьедестале, у кафедрального собора в Риге. Затем в 2003 году – мемориальный знак в Верманском парке в честь экс-губернатора Лифляндского края маркиза Филиппа Паулуччи. Еще через год в старой Риге стараниями Гомбер-

га появились статуи героя латышского эпоса Лачплесиса и Золотого рыцаря. В 2005 году напротив Театра оперы и балета возникла чудная бронзовая скульптурная группа рижского экс-мэра Джорджа Армистеда с супругой и собачкой.

К слову, в открытии этого памятника принимала участие прибывшая в Ригу с официальным визитом английская королева Елизавета – и это не шутка, а известный исторический факт. Хотя и забавный. Дело в том, что прообразом для собачки послужил любимый пес Евгения породы чау-чау, незадолго до этого умерший. Как потом шутили журналисты, Гомберг поставил памятник своей собаке, а на открытие пригласил Ее Величество Елизавету II...

Сейчас Евгений Гомберг занят новым проектом – установкой памятной доски на доме в Риге, где в детстве жила Елена Сергеевна Булгакова. Эскиз уже готов. И, возможно, этой осенью состоится торжественное открытие новой таблички – как дань памяти музе великого писателя, которая сохранила для потомков его роман «Мастер и Маргарита». ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Коллекция
Николая Терюхина
с использованием
основных
видов северных
росписей

«ОТ ЛЕПОТЫ ИЗУМИТЬСЯ»

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«...ЖАЖДЕМ МЫ ВОЗВЕСЕЛИТЬСЯ И ОТ ЛЕПОТЫ
ИЗУМИТЬСЯ!» – ЭТИМИ СЛОВАМИ В ОКТЯБРЕ 2020 ГОДА
В ЯРОСЛАВЛЕ ОТКРЫЛСЯ ЮБИЛЕЙНЫЙ, X ВСЕРОССИЙСКИЙ
ФЕСТИВАЛЬ «РУССКИЙ КОСТЮМ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ».

ПОДИВИТЬСЯ ТУТ БЫЛО чему. Красавицы-модели вышагивали в роскошных нарядах аля рюс, на подолах которых расцвела борецкая, пермогорская, мезенская, ракульская, пучугская и онежская росписи. Ведущие, щеголяя словами древнерусского языка, объявляли участников, прибывших на фестиваль из 30 российских регионов, именитых членов жюри и творческие номинации конкурса. Девушки

из фольклорного ансамбля «Улейма» распевали народные песни под аккомпанемент старинных музыкальных инструментов. Но больше всего зрителей изумляло великолепие представленных на двух этажах выставочного центра рукодельных шедевров: миниатюрных кукол в русских костюмах, тканых поясов, жемчужных венцов, гайтанов, вязаных рукавиц и, конечно, русских костюмов – народных, городских, современных.

Фестиваль собирает хранителей традиций и энтузиастов русской культуры со всей России

НЕ САРАФАНОМ ЕДИНЫМ

Вот уже двадцать лет раз в два года фестиваль собирает мастеров со всей России. В 1999 году идея проведения мероприятия, посвященного русскому костюму, пришла Эльвире Семеновне Куниной, в то время директору московского Государственного русского дома народного творчества им. В.Д. Поленова (ГРДНТ), и Юлии Борисовне Ивановой, заведующей на тот момент отделом изобразительного и декоративно-прикладного искусства ГРДНТ. Первый фестиваль был межрегиональным, но уже в 2002 году обрел статус всероссийского. С той поры и по сегодняшний день праздник русского костюма держится на четырех китах, а точнее, организаторах: Министерстве культуры РФ, Департаменте культуры Ярославской области, ГРДНТ и Ярославском областном доме народного творчества.

«С самого начала мы хотели дать импульс более глубокому изучению именно русской традиции, русского костюма как

Экспертное жюри конкурса в рамках фестиваля, состоящее из признанных специалистов по русскому костюму

национального достояния, – рассказывает кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ Юлия Иванова, – а также попытаться сломать сложившийся стереотип: раз русский костюм, значит, девушка в сарафане и кокошнике. Показать, что понятие русского костюма гораздо шире и включает не только разнообразный крестьянский костюм, но и дворянский, городской или костюм интеллигентской среды. Это все наша богатая русская культура».

«Многие национальности очень трепетно относятся к своей истории, костюму, традиции, а русские как-то немножко унифицировали свой костюм, особенно сценический, – говорит заслуженный работник культуры РФ, заместитель директора Ярославского областного дома народного творчества Ольга Рогова. – И нашей главной задачей в начале было поднять уровень именно сценического костюма. А чтобы это сделать, нужно увидеть, изучить, понять истоки, откуда все пошло. Поэтому я считаю самыми важными номинациями этнографический и сценический костюм».

На вопрос: «Почему для проведения фестиваля был выбран именно Ярославль?» – организаторы отвечают, что «подобные мероприятия можно делать там, где их ждут». Здесь хотели и ждали. Так древний город в самом сердце России стал практически столицей русского костюма. Сам Ярославль стал для фестиваля живой роскошной декорацией: с краснокирпичными и белокаменными церквями, украшенными затейливыми разноцветными изразцами, истинно русской природой с тонкими березками и вековыми дубами, с захватывающим дух видом на стрелку, где тысячу с лишним лет назад великий князь Ярослав заложил город. В Ярославль влюбленные в русский костюм мастера приезжают за тем, чтобы не толь-

Внеконкурсная коллекция «Анна». Модельер Николай Терюхин. Образцовый театр костюма «Катюша» (Гатчина, руководитель Людмила Иванова)

ко посоревноваться за звание лучшего, но и обменяться опытом, поделиться накопленными знаниями, встретиться с теми, кто за эти годы почти родными участниками из других городов. Ведь фестиваль «Русский костюм на рубеже эпох» – это одновременно и конкурс, и выставка, и творческая лаборатория, и обучение, и зрелищные показы. «Мастера съезжаются из разных уголков России и наполняют фестивальное пространство удивительно светлой, доброй атмосферой и тем особым духом, имя которому – народное искусство», – считает Эльвира Семеновна Кунина.

ПАМЯТИ ПРЕДКОВ

Конкурсные состязания в рамках фестиваля проводятся по шести номинациям: «Реконструкция древнерусского костюма», «Этнографический костюм», «Сценический костюм», «Кукла в русском костюме», «Аксессуары костюма» и «Современный авторский костюм». В каждой из них жюри, состоящее из признанных профессионалов, выбирает победителей. Перед показом очередной конкурсной коллекции в зале погас свет. Постепенно стих шум. На экране стали медленно сменять друг друга кадры черно-белой кинохроники со сценами из нелегкой жизни поморов. Они сообщают, что строят лодку, ходят по Белому

Коллекция «Закаты», автор Татьяна Румянцева (Ярославль) – лауреат в номинации «Сценический костюм»

мору, борясь с ледяными волнами, ловят ярусом рыбу. Суровые промысловики в меховых малицах – традиционной одежде Севера – охотятся с острогой на морского зверя. На берегу их ждут верные жены и дети. Женщины в косоклиньных сарафанах, теплых тулупах, покрытых домотканью, заняты хозяйственными делами. В доме девушка сучит пряжу, с легким жужжанием крутится веретено. На улице парень с девицей играют в снежки и милуются.

Звучит голос за кадром. «Историческая реконструкция – это не просто процесс копирования. Это способ познания, сохранения исторической памяти, культуры, традиций. Важно не просто воссоздать костюм и его детали, но и понять, для чего он служил, как носился. Прочувствовать в реальных условиях зноя, дождей, штормов каждую мелочь, каждую деталь, убедиться не только в красоте кроя, но и в его практичности, надежности... И тогда история перестает быть только достоянием книжных страниц, она оживает».

В какой-то момент приходит понимание, что действие разворачивается уже не на экране, а на сцене. Так захватывающе клуб историко-культурных и географических проектов «Лихие люди» в рамках проекта «Поморы» представил реконструкцию образов людей, населявших суровые и вольные земли Русского Севера в конце Петровской эпохи. Это была коллекция-потрясение и бесспорное Гран-при в номинации «Реконструкция древнерусского костюма». По словам организаторов, это одна из самых сложных номинаций. Несмотря на массовое увлечение в последние годы реконструкцией, тех, кто изучает именно древнерусский костюм, не так уж и много. Сами костюмы за давностью лет почти не сохранились, изображений подлинных костюмов того времени мало, да и описания в исторических источниках не так многочисленны и подробны, как хотелось бы. Поэтому каждая успешная коллекция в этой номинации – на вес золота.

«Многое шло из семьи, – рассказывает участница проекта «Поморы», бывшая учительница из Архангельска Полина Берг. – Я видела, как бабушка занималась рукоделием. В семье сохранились старинная прялка, промысловая сумка из меха нерпы. Был даже богато украшенный свадебный венец, который я, к сожалению, не застала. В годы после раскулачивания семьи бабушка отдала его в музей. С желанием возместить эту потерю семейной реликвии началось мое изучение традиционных ремесел и любовь к северному народному костюму. Мы в коллективе сами ткём, шьем, вышиваем. И хотим привить это своим детям. Передача огня должна быть».

Коллекция «Девичий костюм Москвы второй половины XVII века», автор Юлия Козлова (студия традиционного костюма «Русские начала», Москва) – лауреат в номинации «Реконструкция древнерусского костюма»

Коллекция «Поморы» (клуб историко-культурных и географических проектов «Лихие люди», председатель Максим Леднев) – Гран-при в номинации «Реконструкция древнерусского костюма»

Ткань фестиваля, если можно так выразиться, соткана из таких вот личных историй мастеров – больших энтузиастов, щедро тратящих свое личное время, силы и средства на сохранение уходящих ремесел и русской традиции в целом. Так, Юлия Козлова – профессиональный звукорежиссер из Москвы и участник студии традиционного костюма «Русские начала» (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2019 год, статья «Хранители». – Прим. ред.) – на протяжении восьми (!) лет скрупулезно создавала костюм москвички второй половины XVII века. Каждую свободную минуту, даже в свой обеденный перерыв на работе, Юлия доставала рукоделие и творила красоту. «Этот костюм – результат кропотливой исследовательской работы и в полной мере реконструкция по этнографическим образцам», – рассказывает руководитель студии Татьяна Валькова, осуществлявшая научное и практическое консультирование мастерицы.

Многосложный наряд, состоящий из двух рубах, накладной шубки-сарафана, летника, полностью сшит вручную уникальными миллиметровыми шовчиками. От невероятной красоты венца с листочками «на спнях» (спицах), которые поигрывают, когда человек шевелится, от расшитых жемчугом зарукавий рубах, вошв на широких рукавах летника, бордовых бархатных сапожек на каблучке невозможно было отвести глаз. Все так, как описано у знатока русской старины Ивана Забелина: «...мы встречаемся здесь с предметами, которые навсегда останутся наилучшим убором красоты, каковы напр. дорогие меха, жемчуг, золото и шелковые ткани, атласы, бархаты». Когда на заключительном гала-показе Юлия вышла на сцену в своем костюме, показалось, что история действительно оживает! И перед нами не современная девушка, а статная, богато убранная москвичка из XVII века. В номинации «Реконструкция древнерусского костюма» жюри присудило мастерице звание лауреата.

ОТКУДАВА ЭКОЙ ФАСОН?

Перед началом работы над конкурсной коллекцией мастера ездят в центральные и региональные музеи, где тщательно изучают сохранившиеся этнографические костюмы, их покрой, отделку, применяемые техники шитья и вышивания, смотрят, как правильно они надеваются, вчитываются в документальные источники. Некоторые отправляются в этнографические экспедиции в деревни и села, где в сундуках у бабушек еще хранятся праздничные наряды предков. Хотя таких, конечно, все меньше. Работают с коллекционерами народного костюма и нередко сами начинают собирать образцы старинного народного творчества. Затем наступает самый длительный и кропотливый процесс в работе – это освоение различных техник создания костюма: ткачества, окрашивания пряжи или тканей натуральными красителями, изготовления головных уборов, поясов, обуви, набойки, вышивки, от одних только названий которой может закружиться голова – счетная, золотная, сажение по бели, крест, роспись, козлик и так далее. Кто-то из мастериц старается сделать весь костюм и даже коллекцию самостоятельно, у других это совместная работа творческого коллектива.

Авторы одной из самых необычных коллекций фестиваля, «Уральский тракт», – Евгения Ядрышникова из Челябинска, Марина Крысова и Ольга Спехова из Перми – объединили усилия, чтобы, по словам Евгении, «напомнить, что в этом мире есть Урал и он вот такой!». Специально для фестиваля они сотворили коллекцию, полностью состоящую из мужских костюмов, что само по себе большая редкость! Их работу почти невозможно было сфотографировать – возле коллекции все время толпилось множество людей. Многие с удивлением взирали на мужскую малиновую рубаху-косоворотку в одном из комплектов. Как-то не вяжутся в сознании современников суровые уральские

Коллекция «Тростенецкие уборы».

Авторы Елена Ислентьева и Оксана Рошупкина (творческое объединение мастеров «Родное ремесло», Старый Оскол, Белгородская область) – диплом 1-й степени в номинации «Этнографический костюм»

Наталья Магадиева, автор коллекции «История моей семьи. Русский костюм Вятской губернии начала XX века» (г. Малмыж, Кировская область) – диплом 2-й степени в номинации «Кукла в русском costume»

рабочие и ягодные расцветки рубах. А ведь, как оказалось, носили их мужчины, да еще и с удовольствием. Конечно, не каждый день, а на праздники. Под стать рубахе выбирали мужики себе и порты из яркой полосатой домоткани и удивительные белоснежные с алой вышивкой... передники! Это редкая отличительная деталь праздничного уральского мужского костюма. А уж кокетливо заткнутый за голенище сапога вышитый платочек от любимой никого не оставил равнодушным. С большим тщанием

девушки подошли к своей работе. В итоге – заслуженно полученное Гран-при конкурса в номинации «Этнографический костюм». «За этой легкостью победы стоят годы работы: экспедиции, работа в фондах, поиск в Интернете, обмен опытом и, конечно, практика», – заметила после фестиваля Марина Крысова.

Один из костюмов коллекции «Тростенецкие уборы» авторов Елены Ислентьевой и Оксаны Рошупкиной из Старого Оскола получил высокое признание еще до победы на фестивале. «Откудава у табе наш старай убор?» – спросила у Елены в селе Тростенец местная бабушка. К ответу мастерицы, что «спшила сама», сельчанка отнеслась с недоверием и долго его разглядывала.

В старину на праздник женщины «убирались», то есть одевались в самый лучший, называемый «тяжким», наряд. Отсюда и слово «убор» в значении «одежда». Такие подлинные костюмы до сих пор хранятся в селе Тростенец у бабушек в сундуках и передаются из поколения в поколение. Елена же и мастерицы творче-

ского объединения мастеров «Родное ремесло», которым она руководит, тщательно исследовали эти оригинальные костюмы и выполнили для участия в фестивале их точную реконструкцию. Сделали они это настолько мастерски, что местная жительница приняла «тяжелый» убор за подлинный, а жюри конкурса своей наградой еще раз подтвердило их искусное мастерство.

Коллекция кукол Натальи Магадиевой из города Малмыжа называлась просто: «История моей семьи. Русский костюм Вятской губернии начала XX века». За этой простотой скрываются непростые судьбы нескольких поколений ее предков – прадеда-кулака, расстрелянного в 1919 году, унтер-офицера – участника русско-японской и Первой мировой войн, которого жена ждала целых двадцать лет, крестьян и куп-

цов, учителей и врачей. А еще многолетняя работа по изучению вятских костюмов и освоение ткачества и валяния, шитья и вязания, скоряжных работ и плетения лаптей.

Каждый год посмотреть фестиваль приходит большое число зрителей. И тогда праздник русского костюма становится поистине всенародным. Но 2020 год из-за карантинных мер стал досадным исключением. Кроме того, приметой времени для будущих поколений останутся защитные маски на лицах. Но мастера не были бы мастерами, если бы этот не самый приятный предмет не превратили бы в органичное дополнение русского костюма. У кого-то маски были сшиты из знаменитых барановских ситцев, у кого-то украшены цветочной набойкой, а у кого-то – красочной вышивкой.

На фестиваль приезжают целыми семьями. Сценические костюмы к сказке «Репка». Автор Галина Есафьева с семьей (Ярославль)

«ПЕРЕДАЧА ОГНЯ»

На фестиваль очень часто приезжают целыми семьями. Радостно, что каждый год здесь собирается много детей и молодежи – с горящими глазами и сердцами, вовлеченных старшими или увлечшихся традицией самостоятельно. Они старательно создают и с удовольствием носят русский народный костюм, исполняют народные песни, лихо и задорно отплясывают в хороводе.

Под протяжное а капелла показывали коллекцию традиционных костюмов Дальнеконстантиновского района Нижегородской области «Константиново поле» участницы семейного фольклорно-этнографического клуба «Василиса» из города Пушкина (руководитель Любовь Садкова, ателье «Русский стиль», руководитель Нина Заргарян), ставшие лауреатами фестиваля. От их выступления просто замирала душа, настолько чудное это было сочетание звуков и цвета. Создавали по этнографическим образцам костюмы и выходили на сцену вместе мамы и дочери, бабушки и внуки. Вот она – та самая «передача огня». Наглядно. Самый младший участник фестиваля, которому не исполнился еще год, вместе с родителями сыграл репку в представлении сценических костюмов для одноименной сказки. А самым юным модельером, самостоятельно создавшим коллекцию, стал школьник из Москвы Михаил Герасимов. И хотя жюри пожурilo автора, что тема «Дворцовый переворот», посвя-

Коллекция костюмов Дальнеконстантиновского района Нижегородской области «Константиново поле». Семейный фольклорно-этнографический клуб «Василиса» (руководитель Любовь Садкова), ателье «Русский стиль» (руководитель Нина Заргарян). СПб ГБУ «Районный подростковый центр «Пушкинец» (г. Пушкин, Санкт-Петербург) – лауреаты в номинации «Этнографический костюм»

шенная известным событиям из жизни двух российских императриц, не совсем подходит под тематику конкурса, все же отметило самобытность начинающего модельера.

2020-й для фестиваля «Русский костюм на рубеже эпох» год юбилейный, а значит, можно подводить определенные итоги. Раз за разом здесь открывают новые таланты – настоящих самородков земли Русской. Например, художник-модельер Николай Терюхин из Архангельска в далеком 2002 году приехал на фестиваль ни на что не надеявшимся участником, а в итоге завоевал Гран-при. В 2004-м повторно закрепил свой успех. Сегодня Терюхин – известный российский художник-модельер, создающий современные костюмы с традиционными северными мотивами, главный художник Государственного академического Северного русского народного хора, а еще – постоянный член жюри ярославского конкурса. Родным для фестиваля стало и модельное агентство «Николай Терюхин», манекенщицы которого много лет представляют коллекции конкурсантов. Все дело в том, что архангельские модели «вникают в образ с первого раза и умеют показывать это душевно, по-русски. Ведь большинство из них – внучки тех же деревенских бабушек», – рассказывает Николай Терюхин.

В 2006 году впервые получили Гран-при фестиваля сегодня уже признанные знатоки русской традиции, мастера из студии традиционного костюма «Русские начала» (Москва). В дальнейшем они также становились неоднократными победителями. С 2018 года коллектив участвует в фестивале только в качестве приглашенных гостей гала-представления, где показывает лучшие коллекции прошлых лет. В то же время работы учениц студии снова покоряют фестиваль олимп.

Этнологический клуб «Параскева» из Санкт-Петербурга (руководитель Марина Макарова)

Показ лучших коллекций – победителей предыдущих лет. Коллекция «От пояса до ног – сто дорог». Этнологический клуб «Параскева» (Санкт-Петербург, руководитель Марина Макарова) четырехкратный обладатель Гран-при фестиваля

Показ лучших коллекций – победителей предыдущих лет. Фрагмент коллекции «Праздничный костюм конца XVIII – середины XIX века». Студия традиционного костюма «Русские начала» (Москва, руководитель Татьяна Валькова) неоднократный обладатель Гран-при фестиваля

на фестивале также выступал вне конкурса. Мастера уже являются обладателями Гран-при 2012, 2014, 2016, 2018 годов в номинации «Этнографический костюм». Насколько бережно участники клуба относятся к сохранению традиции, можно было судить по представленной ими на гала-показе коллекции «От пояса до ног – сто дорог». Для нее мастерицы самостоятельно окрашивали пряжу, ткали полотна на старинных ткацких станах с плотностью ткачества – вдуматься только! – 24 нити в 1 сантиметре, шили вручную костюмы, украшали вышивкой – все именно так, как когда-то делали их предки.

НОВЫЙ РУССКИЙ СТИЛЬ

В то же время фестиваль – это не только дань традиции, ее сохранение и популяризация, но еще и попытка ответить на вопросы: какой он, современный русский костюм? Что сегодня модельеры вкладывают в это понятие? Что их вдохновляет? Какие источники они берут за основу? Как заметила Юлия Иванова: «Без авторского костюма нет современного нерва».

В номинации «Современный авторский костюм» модельеров в этом году вдохновляла не только образность русского традиционного костюма, его покрой, ткани, орнаменты, но и совсем неожиданные темы, расширяя

Коллекция «АрхиГрафично».
Автор Ольга Крючкова (Ярославль) –
Гран-при в номинации
«Современный авторский костюм»

щие понятие русскости в костюме. Это творчество русских художников, поэтов Серебряного века и даже древнерусская храмовая архитектура!

Коллекция «АрхиГрафично» ярославского модельера Ольги Крючковой была вдохновлена архитектурой храмов Древней Руси. На костюмах черным по белому разместились планы церквей X–XII веков, на подкладках пальто – многоцветные фрески. Коллекция получила высшую награду фестиваля в этой номинации – Гран-при. А вот в интернет-пространстве вызвала довольно жаркие споры: насколько этично переносить храмовые фрески на ткань и носить их в качестве одежды? Автор коллекции заметила, что «здесь нет никаких параллелей, порочащих церковь. Мне очень понравились планы церквей X–XII веков и захотелось древнерусскую архитектуру перенести в костюм».

Студентка из Москвы Алина Смирнова, ставшая лауреатом фестиваля, в своей коллекции «Поэты Серебряного века. Слово на бумажку, игла на рубашку» использовала модный тренд последних лет – слова на одежде. Но слова она подобрала непростые. Это цитаты из стихов Сергея Есенина и Владимира Маяковского, которые она разместила на

разнообразных по виду рубашках. Вместе с поэтами она иронизирует над модой: «В моде... нельзя без пуговицы, а без головы можно». Обращается к теме любви или душевных переживаний: «Плупое сердце, не бейся! Все мы обмануты счастьем...» Так великая русская поэзия тоже становится источником вдохновения для создания современной версии русского костюма.

Творческий дуэт Оксаны Гладышевой и Марии Окрепиловой из Архангельской области представил коллекцию с красивым названием «Северное трехречье», посвященную, как нетрудно догадаться, родному краю, где две северные реки, Сухона и Вычегда, сливаются в третью – могучую Северную Двину. По-хорошему модные и вполне носимые вещи, дополненные совсем не архаичными аксессуарами из бересты, у многих вызвали немедленное желание их приобрести.

Коллекция
«Вышивали-
торопились,
ко зеленой
Троице
нарядились!».
Мастерская
прикладного
творчества
«Параскева»
(Нижний
Новгород,
руководитель
Ольга Бочарова) –
диплом
1-й степени
в номинации
«Аксессуары»

Коллекция
«Поэты
Серебряного
века. Слово на
бумажку, игла на
рубашку». Автор
Алина Смирнова
(ФГБОУ ВО
«Российский
государственный
университет
имени
А.Н. Косыгина»,
Москва) –
лауреат
в номинации
«Современный
авторский
костюм»

Коллекция «Весьегонское
разноцветье». Автор Надежда
Баринова (Тверь)

ВЕРНИТЕ НАМ НАШИ ПЕСНИ, ВЕРНИТЕ НАМ НАШИ УЗОРЫ!

В 1904 году замечательный русский художник Иван Яковлевич Билибин в статье «Народное творчество Севера» писал, что «русское народное творчество умирает, почти умерло. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где, в глуши, тлеют его последние, гаснущие искры». Но прошло сто с лишним лет, и на новом рубеже эпох русское народное творчество не умерло. Напротив, интерес к нему с каждым годом растет.

И это не случайно. Ведь тот же Билибин отмечал, что «народное творчество – душа народа и его сила и гордость, что оно не раз спасало и объединяло народ, <...> и что будет время, когда народ, не всей бессознательной массой, а в лице отдельных сознательных, свободных и культурных лиц вернется и скажет: «верните нам наши песни, верните нам наши узоры!».

Время, о котором так мечтал художник, наступило в наши дни. Несмотря на то, что из-за пандемии число участников фестиваля в 2020 году было вполуполовину меньше, чем обычно, – 73 коллекции одежды и аксессуаров и 32 коллекции кукол в русских костюмах – тем не менее в Ярославле собрались те самые «сознательные, свободные и культурные лица» из самых разных уголков России, которые любят русское народное творчество и русский костюм. И может быть, как надеялся Иван Билибин, «под влиянием увлечения минувшей красотой и создастся, наконец, новый русский стиль, вполне индивидуальный и не мишурный». Все предпосылки для этого уже есть. ■

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В КОЛЛЕКЦИИ АНДРЕЯ СОЧИВКО ОКОЛО 200 ТЫСЯЧ ЭКСПОНАТОВ, ЗА ЕГО ПЛЕЧАМИ – СЫШЕ 50 ЭКСПЕДИЦИЙ В ЕВРАЗИИ, АФРИКЕ И ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ. ЕГО ЧАСТНОЕ СОБРАНИЕ, ОДНО ИЗ САМЫХ КРУПНЫХ В РОССИИ, СПОСОБНО УКРАСИТЬ УВАЖАЕМЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ МУЗЕЙ. АНДРЕЙ – ХУДОЖНИК, СТАВШИЙ УЧЕНЫМ-ЭНТОМОЛОГОМ, ЛЮБИТЕЛЬ, ПОЛУЧИВШИЙ ЗАСЛУЖЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ. МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С НИМ, ЧТОБЫ ОБСУДИТЬ ЕГО ВЫСТАВКУ В МАЛОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДУ МГУ «АПТЕКАРСКИЙ ОГОРОД», НО ПОЛУЧИЛСЯ РАССКАЗ О ТОМ, КАК БАБОЧКА, ЗАЛЕТЕВШАЯ ОДНАЖДЫ В ДЕТСКУЮ ПЕСОЧНИЦУ, СМОГЛА ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ.

ЗЕЛЕННЫЙ ОСТРОВ, НАПОМИНАЮЩИЙ О БУЙСТВЕ джунглей, находится в шаге от столичной магии. Оранжерея Аптекарского огорода – символическое место для коллекции действительно члена Московского общества испытателей природы, Русского энтомологического и Русского географического обществ Андрея Сочивко. Возможно, ей недостает строгой академичности, которую она заслуженно обрела бы в витринах Зоологического музея. Как и простора – выставка «Эстетика и богатство мира насекомых» вынужденно вместила лишь около 500 экспонатов. Зато среди них – множество рекордсменов в разных категориях. Самые крупные, красивые, быстрые, страшные, самые эффектные из бабочек, жуков, прямокрылых, палочников, богомолов, стрекоз.

ФАБР ИЗ ЛЮБЛИНА

В жизни будущего энтомолога насекомые появились, когда ему было года четыре. Семья Сочивко жила в Люблине. В начале 1970-х это был уютный и тихий район на окраине Москвы. Деревянные дома у Люблинских прудов, обширные сады, чуть дальше – Кузьминский лесопарк, напоминавший юному исследователю девственный лес. Чтобы отправиться на охоту, достаточно было выйти из дома и попасть в бесконечное жужжание, стрекотание, шуршание. «Как ни странно, у меня сохранились яркие впечатления о моих первых энтомологических наблюдениях», – с улыбкой вспоминает Андрей. Его детский сад находился в парке бывшей усадьбы Николая Дурасова. Однажды на стенку песочницы бесечно села бабочка – древесница въедливая, как Андрей понял много позже. Замерев, она дала молодому исследователю подробно рассмотреть себя, восхититься ее пятнистой окраской. Рядом над кустами желтой акации парили гигантские стрекозы, соразмерные, на детский взгляд, самолетам, пролетавшим в синем московском небе. Удивление от приоткрыв-

пегося ему мира неведомых шестиногих существ осталось с Андреем на всю жизнь.

«Все мне было интересно, – вспоминает коллекционер. – Я собирал ос, мух, бабочек, жуков, стрекоз. Все это роилось вокруг, и я чувствовал себя эдаким Жан-Анри Фабром (французский энтомолог и писатель. – Прим. авт.), который отправляется в свои захватывающие энтомологические путешествия прямо за дверью собственного дома». Маленького исследователя увлекала изобретательность природы, снабдившей насекомых бесконечным набором хитроумных приспособлений. Внешность насекомых столь необычна, что исчерпывает все возможные вариации того, как, с точки зрения человека, могут выглядеть внеземные существа, убежден Андрей. Это разнообразие форм объясняется ходом эволюции. Ведь даже самым «юным» из насекомых миллионы лет. Самым древним – почти полмиллиарда. С почтенных «старцев», стрекоз и тараканов, которым перевалило за 400 миллионов, и начинается знакомство с выставкой.

МОРФО, СКАКУНЫ, МУРАВЬИНЫЕ ЛЬВЫ

Крупные стрекозы-длиннотелы с размахом крыльев 15–17 сантиметров попали в коллекцию благодаря экспедициям в Южную Америку. Эти изящные красавицы, словно призрачные геликоптеры, бесшумно зависают во влажном неподвижном воздухе экваториального леса. Сгибая длинное брюшко, самки откладывают яйца в розетки висящих на деревьях растений-эпифитов – бромелий, где образуются крошечные бассейны. На фоне этих гигантов почти незаметна тоненькая прозрачная лютка – самая мелкая стрекоза мира с острова Куба. Размах ее крыльев всего 2 сантиметра! А рядом с ней – самая крупная стрекоза Европы с забавным названием «Коромысло большое» – довольно обычная и для подмосковных лесов.

Рядом со стрекозами, нарушая из-за недостатка места все каноны систематической научной коллекции, примостились тараканы. Мрачноватые насекомые, шипастые, некоторые еще и шипят, когда им что-то не нравится. А когда оказывается, что тараканы еще и летают, это приводит посетителей в ужас, рассказывает Андрей. Один из самых крупных представленных на выставке экземпляров – таракан гигантский, родом из Южной Америки. У него на спинке забавный рисунок – маска улыбающегося медвежонка. «Редкий экземпляр, потому что у его собратьев вместо маски обычно бесформенное черное пятно», – объясняет Андрей.

В этом же ящике можно увидеть и муравьиных львов. Своим названием они обязаны личинке, вооруженной гигантскими челюстями. Она копает в песке воронку и, притаившись на дне, поджидает муравьев

Стрекозы-красотки получили свое название за манеру изящно демонстрировать друг другу сверкающие крылья

Экзотические растения Аптекарского огорода – удачный естественный фон для экспозиции тропических насекомых

и других мелких членистоногих, неосторожно приблизившихся к зыбкому краю. Взрослые же насекомые больше всего похожи на пестрых стрекоз, только вот охотятся они в темное время суток. В коллекции Андрея есть замечательная парочка муравьиных львов, пойманных в камбоджийской экспедиции 2004 года. Это один из самых крупных муравьиных львов в мире, но его вид он до сих пор не определил, признается мой собеседник. Есть насекомые, которыми занимается много специалистов, например дневные бабочки, рассказывает он. А муравьиные львы или, скажем, аскалафы, ухвертки интересны лишь узкому кругу ученых. Вот и приходится искать их по всей стране, чтобы определить редкое насекомое.

Рядом с муравьиными львами притаились небольшие эфемерные насекомые. Задние крылья у них превратились в тоненькие изящные хвостики – они и называются нитекрылками. Особо интересные нитекрылкиполнили коллекцию после серии южноафриканских экспедиций. «Южная Африка подарила нам много отличных экземпляров, несмотря на то, что за последнее столетие местная фауна сильно деградировала. Многие исконные биологические сообщества уничтожены. Вокруг – пастбища, выгоны, туристические комплексы. Даже местные национальные парки больше напоминают садово-парковые ландшафты», – с сожалением говорит Андрей. За полосато-пятнистыми муравьиными львами и прозрачными нитекрылками наступает черед чешуекрылых насекомых. В со-

седней витрине – ночные бабочки сатурнии, или павлиноглазки. У некоторых сатурний в процессе эволюции на задних крыльях образовались похожие на хвостики длинные выросты с перекрученными лепестками на концах. «Зачем бабочкам такие причудливые приспособления, которые, наверное, мешают им в полете?» – недоумевают зрители. Но это имеет рациональное объяснение. Когда бабочка летит, отrostки крыльев вращаются и трепещут в вихревых потоках. На хищников это действует как блесна на щуку. Видя приманку, преследователи, например рукокрылые, пытаются схватить бабочку за «хвост». Если это удастся, ломкий «хвост» остается в пасти врага, а бабочка улетает.

В коллекции Андрея Сочивко можно увидеть и бабочек-гигантов. Например, совку агриппину, занявшую центр одной из коробок. «Эту бабочку я ловил в верховьях Амазонки, в Перу, во время южноамериканской экспедиции 1997 года», – вспоминает Андрей. Девственный лес с величественными высокоствольными сейбами. Волнисто-крапчатый рисунок крыльев агриппины очень похож на кору этих деревьев. Днем бабочки спят с раскрытыми крыльями, как бы обнимая ствол, и полностью сливаются с ним.

Муравьиные
львы вылетают
на охоту
с наступлением
темноты,
преследуя
мелких
насекомых

Совка
агриппина –
чемпион мира
насекомых
по размаху
крыльев

Но опытный глаз энтомолога отмечает странные неровности коры, совкам не удастся обмануть специалиста. Подойти к спящей агриппине можно относительно спокойно. Затем медленно подвести к ней сачок на длинной палке и резким ударом обруча по стволу заставить бабочку спрыгнуть в мешок. Размах крыльев агриппины может достигать 30 сантиметров, и она бьется в сачке с силой пойманной птицы. В соседнем ящике расположены эффектные насекомые с разноцветными крыльями, но это вовсе не бабочки, а цикады. «Люди даже не представляют, что цикады могут быть такими разнообразными и экзотическими», – отмечает Андрей. А все потому, что цикады чрезвычайно скрытно живущие насекомые. Сочивко особенно запомнилась встреча с цикадами в Непале в 1996 году. В окрестностях Катманду энтомологи бродили по заповедному лесу и всё удивлялись: откуда под вечер доносится рев лесопилки? И только спустя некоторое время обнаружили, что неподалеку заливался хор цикад. При этом было полное ощущение, что где-то рядом пилят доски циркулярными пилами. Как оказалось, цикады, которых обнаружили путешественники, хотя и не относились к самым крупным представителям равнокрылых, обладали тимбальным аппаратом необычайной мощи. Так называется звуковоспроизводящее приспособление, состоящее из барабанных перепонки и полостей-резонаторов в теле насекомого.

Следующая витрина изливает на зрителей потоки голубого блеска. Там расположились бабочки морфо из Южной и Центральной Америки. Морфо знамениты тем, что крылья самцов обладают ярчайшими в мире оптическими окрасками. Это значит, что сила цвета зависит от силы падающего на

Сатурния
Сурака, как
многие ночные
бабочки, имеет
неброскую,
но очень
элегантную
окраску

Гигантская
цикада
срединная
с размахом
крыльев
17 сантиметров
возглавляет
зачинную
армаду своих
родственников

Жуки Юго-Восточной Азии отличаются огромным разнообразием форм и окрасок. Рогач Лоу, листоед Буке и златки

них света. Крылья морфо не светятся в темноте, но вспыхивают глубоким сиянием, как только появляется какой-нибудь слабый свет, будь то свет зари или свечи. Яркий цвет крыльев имеет демонстрационно-сигнальную функцию. Так самец закрепляет за собой территорию и изгоняет конкурентов. На выставке Андрея Сочивко внимание посетителей неизменно привлекает к себе витрина с представителями самого крупного отряда насекомых – жесткокрылых, или жуков. Есть здесь, напри-

мер, самые тяжелые жуки мира из рода мегасома, что означает «крупнотелы». Вес живых южноамериканских гигантов может достигать 150 граммов при длине тела 12–13 сантиметров – примерно как у некрупной птицы. Это медлительные черно-лаковые монстры с крепкими бивнеобразными выростами на голове. Почти в той же весовой категории находятся могучие центральноафриканские жуки-голиафы. Они прекрасные летуны и обладатели контрастных рисунков, напоминающих узоры на ритуальных масках аборигенов. Рядом с голиафами устрашающе раздвинула изогнутые челюсти мантикора – самый крупный жук-скакун родом из Малави. Скакуны – тигры мира членистоногих; они охотятся на всех, с кем способны справиться. Жесткокрылую армаду словно возглавляет знаменитый жук-арлекин, или усач длиннорукий. В XIX веке, когда активно шло освоение южноамериканского континента и европейцы привозили оттуда всевозможные диковины природы, жуки-арлекины произвели фурор среди коллекционеров Старого Света. Знаменитый французский энтомолог Эжен Ле Мульт в своей книге «Моя охота за бабочками» красочно описывал, как он начал разводить арлекинов и привез их в Европу, став законодателем моды на коллекционирование экзотических насекомых. Длинные усы есть у многих жуков, а вот таких длинных передних конечностей, как у жука-арлекина, ни у кого больше нет. Предполагают, что они помогают ему лазить по деревьям. С другой стороны, многие жуки так или иначе связаны с деревьями, но они почему-то обладают короткими ногами. А у арлекина возникло такое неожиданное приспособление.

В очередной витрине притаились богомолы. Из экспедиций этих немногочисленных насекомых привозят мало. Поиск богомола пре-

Праздничная окраска и необыкновенно длинные передние конечности этого жука-усача послужили его названию – «арлекин»

вращается в отдельное событие, за ними чрезвычайно интересно наблюдать. Охотятся богомолы обычно из засады. Занимают выгодную позицию у венчика цветка или на стебле растения и караулят, когда рядом появится добыча. Подавляющее число богомолов имеют хорошо развитые крылья и активно перемещаются. Но чтобы познакомиться с их специфическими повадками, нужно запастись терпением, объясняет Андрей и показывает тонкого и изящного богомола оцетиненного, которого он поймал на Борнео. Многие из богомолов напоминают подсохшие скрученные листики, побеги растений, палочки или щепочки.

Но еще более искусно умеют скрываться представители следующей витрины – палочники. Привиденьевые – так образно назвали их энтомологи – обладают невероятным сходством с частями растений и замечательно научились этим пользоваться. Они никогда не убегают от своих врагов, а стараются притвориться мертвыми. Если тронуть палочника, он замрет или упадет на землю, показывая вам, что вы ошиблись и берете не живое насекомое, а сухую веточку. Некоторые палочники, отпугивая врага, могут демонстрировать яркие, пестрые крылья, разворачивая их веером. Обнаружить палочника, даже очень крупного, чрезвычайно сложно.

Многих из перечисленных насекомых привлекают ночью на свет, содержащий долю ультрафиолета. Дело в том, что насекомые ночью ориентируются в пространстве по свету звезд, луны, по остаточному свечению неба. И когда на их пути возникает мощный перебивающий ис-

Жук-голиаф восточно-африканский обитает в саваннах Конго и Танзании

Богомол румяный с острова Борнео приспособился караулить добычу среди подсохшей листвы

точник, они летят к нему, а достигнув, ощущают его как конец пространства, рассаживаются вокруг лампы и словно впадают в кому. Тогда их можно спокойно рассмотреть, пофотографировать, выбрать самые интересные экземпляры. Если потом выключить свет, оставшиеся насекомые разлетятся...

Десяток витрин, пять сотен экземпляров насекомых. Любознательный зритель восхитится причудливыми формами, энтомолог оценит редкий вид, попавший в коллекцию. Но для Андрея Сочивко каждая прозрачная нитекрылка, причудливая бабочка или необычный жук – секретный код, который открывает ему доступ в драгоценный ларец, где хранятся истории, открытия, встречи, привезенные из путешествий.

Самцы южно-американских бабочек рода морфо обладают самой яркой, оптической окраской крыльев

ЗАПОВЕДНИК ПАРУСНИКОВ

Его сокровенный экспедиционный маршрут начался в 1992 году, когда он попал в высокогорья Средней Азии. И это определило его научную деятельность. В тех краях Андрей побывал 25 раз и утверждает, что сейчас знает Среднюю Азию лучше местных жителей. Его текущая работа посвящена кормовым предпочтениям бабочек-парусников в Среднеазиатском регионе.

«Я «заболел» этими местами. Высокогорный Таджикистан – настоящая жемчужина для энтомолога, очень удаленная и труднодоступная», – с нескрываемым восхищением говорит он. Горная страна, которая вызывает особый интерес моего собеседника, называется «Восточный Памир». Он отделен от Киргизии пограничным Заалайским хребтом. «Это колоссальная горная цепь фантастической красоты, – говорит Андрей. – Сначала кажется, что перед вами поверхность Луны. Но эти пустынные ландшафты скрывают разнообразный и специфический мир. Таких насекомых, как на Восточном Памире, не встретить нигде». Дело в том, что Восточный Памир и соседние Тибетское плато и Гималаи выделяются на фоне других районов Центральной Азии предельными высотами. Энтомологи на Восточном Памире работают на высоте от 3,5 тысячи до 5 тысяч метров, уточняет Андрей. Животные и растения, заселившие эти горы, создают богатейшую видовую мозаику. Андрей Сочивко и его коллеги изучают здесь изолированные популяции высокогорных парусников – белых с красными пятнами очень нарядных бабочек.

ПОГРАНИЧНИКИ – ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ ЭНТОМОЛОГОВ

Путь на Восточный Памир был освоен отечественными энтомологами в конце XIX века. Когда российские естествоиспытатели, такие как знаменитый ботаник Борис Алексеевич Федченко, начинали проникать вглубь Средней Азии, к Памиру, они шли знаменитым Памирским трактом. Он соединяет удаленные населенные пункты Таджикистана с такими центрами среднеазиатской цивилизации, как Ош, Хорог, Душанбе. По этой горной дороге из Киргизии в Таджикистан испокон веков двигались люди и грузы. Вслед за ними прошли и экспедиции Андрея Сочивко с товарищами.

Но в сложные 1990-е годы в Средней Азии, особенно в Таджикистане, было неспокойно. Поэтому в горы энтомологам приходилось добираться самыми неожиданными способами. Высокогорный Памир со всех сторон окружен не очень спокойными границами – с Афга-

Самка палочника Маклотта из Индонезии раскрывает свои небольшие веерные крылья скорее для отпугивания врага, чем для перелета

нистаном, Китаем, Киргизией. Ученые могли получить туда пропуск общего назначения, но выбрали более интересный и полезный не только для них способ.

Тогда по южным границам Средней Азии еще стояли российские погранзаставы. Энтомологи обратились к пограничникам за поддержкой, а в качестве ответного шага предложили поработать внештатными корреспондентами журнала «Пограничник», а затем его преемника, журнала «Пограничник Содружества». Андрей стал фотокорреспондентом, а его коллега, профессор-химик Леонид Каабак, писал статьи. Чтобы получить доступ в закрытые районы, они делали репортажи о командирах и рядовых служащих. «В каком-то смысле мы продолжали традиции наших предшественников XIX века. – Андрей улыбается, вспоминая давние похождения. – Тогда ученые – ботаники, энтомологи, этнографы – продвигались вглубь неизведанных территорий вместе с военными отрядами». Военные относились к работе энтомологов с тактом и пониманием, продолжает он: «Никто не говорил – что за ерундой вы занимаетесь! Наше уважение было взаимным». И так случилось, что именно военные, как не раз бывало в русской истории, спасли ученых жизнь.

ТРАГЕДИЯ ОША

В 2010 году они, как всегда, собрались в памирскую экспедицию. К тому времени в Оше, южной столице Киргизии, у них сформировалась собственная экспедиционная база. Ею стал жилой дом в центре города, где много лет назад им дала кров узбекская семья. Энтомологи сдружились с хозяевами дома, Рустамом и Мастурой, и ездили туда каждый год уже почти как родня. Здесь энтомологи хранили научное оборудование, походное снаряжение. К 2007 году обзавелись и машиной.

В начале июня 2010-го все было собрано для полуторамесячной экспедиции. На завтра предстояло выезжать, а ночью в Оше началась резня. Ошская трагедия 2010 года была одним из последствий затяжного межэтнического конфликта. Принадлежность приграничных территорий плодородной Ферганской долины, на востоке которой находится Ош, регулярно оспаривалась киргизами и узбеками. «Со стороны организаторов беспорядков хлынул чудовищный поток лжи, – описывает Андрей начало конфликта. – А тут народ горячий, договариваться не умеет. Одна обида за другую зацепилась, и уже невозможно разобрать, кто первый начал», – вспоминает он события той страшной ночи. Ничего не подозревая, путешественники легли спать. Ночью услышали крики. Решили: «Мало ли что – город восточный, шумный». Но постепенно напряжение достигло предела. «Выхожу из комнаты – семья нашего друга столпилась у дверей. Говорят: «У нас оружия нет, будем защищаться кухонными ножами». Случи-

У кобылки
беловершинной
из Южной
Америки задние
крылья имеют
необыкновенно
насыщенную
сигнальную
окраску

Кобылка
гребенчатая,
гигант отряда
прямокрылых,
имеет свыше
20 сантиметров
в размахе
крыльев

лось то же, что и двадцать лет назад. Конфликт медленно назревал, но прорвался стремительно. Энтомологи тут же созвонились со своим другом, начальником Управления погранвойск, и с командиром из Ошского погранотряда. «Заприте двери, никуда не выходите», – посоветовали им. Но узбекский дом посреди киргизского города был слишком явной мишенью. И когда соседние дома уже были разорены, пограничники вывезли русских ученых на территорию отряда. Семья Рустама тоже смогла покинуть город. Только через два дня спецназ из Бишкека навел в городе относительный порядок. Узбекский дом был разграблен, но в последующие годы ученые восстановили свою научную базу и возобновили исследования.

«СОМОС РУСОС»

«У меня нет чувства опасности, исходящей от дикой природы. Самые большие проблемы возникали в городах, откуда мы начинали маршруты», – признается Андрей и рассказывает об экспедиции в Венесуэлу в 2003 году. Тогда путешественники собирались посетить девственные леса в бассейне Ориноко. За несколько дней до вылета пришло сообщение из российского посольства в Венесуэле: «В Каракасе начались массовые забастовки, прилетать не следует. Транспорт не ходит, бензина нет, по улицам ходить небезопасно». Но билеты куплены, рюкзаки собраны, мысленно Андрей и профессор Леонид Каабак уже там. В Каракасе энтомологи не собирались задерживаться. В общем, они решили не отменять поездку.

Их все же встретили в аэропорту, отругали за самоуправство, но довели до отеля, посоветовав из него не выходить. Под окнами непрерывающимся потоком, трезвоня кухонной утварью, трубя и свистя, ходили митингующие. Ресторан при отеле не работал, кормить постояльцев никто не собирался. Что делать? Путешественникам пришлось ходить в расположенный неподалеку фастфуд. «Андрей, пойдем поужинаем», – неосторожно сказал коллега вечером. На улице уже темнело, на что Андрей тут же обратил внимание компаньона. «Да ладно, – опрометчиво ответил тот, – неужели два здоровых мужика не пройдут 300 метров?» «Мы вышли, – продолжает Андрей рассказ, – но вместо прямого пути выбрали круговой, более интересный. Вокруг нас цвела мелкая уличная торговля, было весело и шумно. Только время от времени кто-то подергивал нас за часы, руки, одежду, путался под ногами». В конце концов путешественники обнаружили, что окружены плотным кольцом подростков, которые злобно глядели на них и что-то кричали. Потом они начали доставать из-под рубашек мачете. В это время энтомологи уже стояли в боевых стойках. Дело принимало неприятный оборот. От крупной драки ученых спасла случайность. Пока летели в Венесуэлу, Андрей

Посетители выставки у витрины с древними насекомыми – стрекозами, тараканами, коридалами и проч.

Причудливые экспонаты выставки можно разглядывать часами

по разговорнику выучил несколько фраз по-испански. И когда кольцо нападавших уже начало сжиматься, Андрей – надо же было как-то ответить? – крикнул: «Somos rusos! Мы – русские». «Вы бы видели, как изменились их лица. У них вытянулись физиономии, и они, протягивая нам дрожащие руки, говорили: «Простите нас, пожалуйста. Мы думали, вы гринго, американцы. Русские – наши друзья!» Это теперь Андрей может рассказывать об этом происшествии с улыбкой, а тогда, признается, им было не до смеха. Юные хулиганы растворились в темных кварталах Каракаса, а энтомологи продолжили свой путь.

ДЖУНГЛИ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ УГРЫ

Путешествие вглубь венесуэльских лесов из колоритного периферийного городка Сьюдад-Боливар было одним из самых запоминающихся. Ландшафт быстро менялся по мере того, как джип уносил энтомологов от города. Затем был долгий путь на моторных лодках против течения по притоку Ориноко, живописной и коварной Кауре, дно которой сплошь уложено огромными валунами. Здесь началась индейская территория. В конце концов путешественники достигли дальнего лагеря.

Тропический рай на берегах Кауры скрывал свои опасности. Энтомологи не сразу обратили внимание на то, что, купаясь в реке, местные жители не отплывают от берега. Заходят по колено, присядут, поплескают на себя водой – и назад. «Ну не хотят люди купаться...» – удивлялись Андрей и его спутник и подолгу плавали в оливково-янтарной воде Кауры.

А потом увидели полуметровых электрических угрей, которыми кишела река! Электрический разряд такого угря оставляет пловцу мало шансов на выживание. Правда, смертельно опасные рыбы оказались в общении довольно доброжелательными. Андрей наблюдал за ними, сидя на камнях у воды, а электрические угри поднимались из глубин и с любопытством смотрели на него.

НЕЗНАКОМЕЦ ВО ТЬМЕ

«А хищники, ядовитые змеи вас не беспокоили?» – задаю я столь естественный в разговоре о первобытной сельве вопрос. «Змей в тропиках много только для герпетолога – у него на них чутье, – шутит Андрей. – А энтомолога интересуют другие живые существа. Наверное, поэтому ни в одной экспедиции я не видел большого количества змей, крокодилов, хищников».

А вот от чего действительно волосы шевелятся на голове – так это от прогулок по сельве ночью, признается мой собеседник. Когда начинаются сумерки, лес оживает волнообразно. Проснулись ночные животные, они все одновременно вылезли, запели, заорали. Затем все вдруг резко замолкает. Обитатели занялись едой, друг другом, кто-то спрятался, кто-то устроился в засаде. Вдруг среди ночи вышла луна, и все

заголосило снова. А под утро – новая мощная волна звуков: ночные животные поняли, что их время подходит к концу, и бросились наверстывать упущенное. Все снова заголосило, зашуршало, затрещало. Пугает в тропическом лесу мертвая тишина, говорит Андрей. Когда ночьюходишь в его таинственную черноту и слышно, как падает с листа капля. Обычно энтомолог ходил с налобным фонарем. Так легче находить объекты для фото- и видеосъемки: в луче фонаря у животных светятся глаза. Они не пугаются света, к ним можно подойти вплотную и даже дотронуться, что невозможно днем. Но направленный луч фонаря выхватывает в черноте только узкий сектор. Все остальное скрыто крошечной тьмой. Не разглядеть своей руки, ноги, фотосумки. В конце концов Андрей стал использовать довольно громоздкую газокалильную лампу. Она дает теплый круговой свет и хотя бы на 10 метров вокруг позволяет разглядеть стволы деревьев, лианы, корни. Крошечная темнота отступает, но недалеко. И в этой темноте происходят фантастические встречи.

Андрей вспоминает перуанскую экспедицию 1997 года. Он стоит ночью на лесной тропе и вдруг слышит, как что-то большое и мощное мчит сквозь заросли, ломая ветви, прямо на него. Он цепенеет от страха. В двух метрах неизвестное существо тоже внезапно замирает. Они оба стоят затаив дыхание в полной тишине. И так же, почти не дыша, Андрей по тропинке тихо пятится к лагерю. С чем ему пришлось тогда столкнуться, он не знает до сих пор.

ГОРОДСКИЕ СНЫ

«Скучаете в городе по таким экспедициям?» – сочувственно спрашиваю я, оценив накал эмоций. В городе есть условия для изучения собранных в экспедициях материалов, резонно замечает мой собеседник. «Сейчас моя задача – сохранить коллекцию, придать ей вид музейного объекта, чтобы люди могли увидеть красоту, которую довелось наблюдать мне», – говорит Андрей. Так сложилось, что у его коллекции нет единого места хранения. А пример уже ушедших из жизни коллег показывает: если вовремя не позаботиться о наследии, оно часто обречено на гибель. Коллекции распродаются или разрушаются. «Я не хочу такой судьбы для своей коллекции», – с горечью говорит энтомолог.

«Знаете, – признается он, – однажды мне приснилось, что меня пригласили в академическую экспедицию за насекомыми на Луну.

Я будто видел перед собой красочные пейзажи, плавные холмы, покрытые ковром цветов. Конечно, можно объяснить это впечатлениями от разных высокогорных стран, которые я посетил. Луна в моем сне напоминала крошечное высокогорное государство Лесото на юге Африки. Но главное, это был очень радостный сон – он предвещал удивительные открытия»...

«В Южном полушарии стояла весна, и, за исключением вечнозеленых пальм и островков леса, испещрявших равнины, вся природа вокруг пышно цвела. Никогда мне не приходилось видеть такое обилие цветов и такую красоту, которая в тот день щеголяла ослепительными желтыми, красными и пурпурными красками. Яркие бабочки, сами по себе еще более роскошные, чем цветы, дополняли всеобщее великолепие. Ни один художник не мог бы нарисовать такую картину. Никакое воображение не могло бы вызвать видение, равное по красоте этой сказочной реальности!» – записал свои впечатления от тропиков британский путешественник подполковник Персивал Харрисон Фосетт. В 1925 году при невыясненных обстоятельствах он пропадет во время очередной экспедиции вглубь бразильской сельвы, где искал затерянный город.

Человек, очарованный красотой бабочки, где бы она ни сидела – на стволе экзотического дерева или на бортике детской песочницы, – не в силах прекратить путешествие... ❷

Художник, ставший энтомологом. Андрея Сочивко привлекает в насекомых и красота, и их уникальное умение приспособляться к среде

Может быть, на выставке в Аптекарском огороде кто-то увидит бабочку, которая перевернет и его мир

ЛИХВИН КАК ОН ЕСТЬ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РАСКРОЕМ «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ» ПУШКИНА. НАЧИНАЕТСЯ ТАК: «...ИЗ МОСКВЫ ПОЕХАЛ Я НА КАЛУГУ, БЕЛЁВ И ОРЕЛ, И СДЕЛАЛ ТАКИМ ОБРАЗОМ 200 ВЕРСТ ЛИШНИХ, ЗАТО УВИДЕЛ ЕРМОЛОВА». ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ НА КАРТУ, ТО ПУТЬ ИЗ КАЛУГИ В БЕЛЁВ В ТЕ ВРЕМЕНА — А ЭТО 1829 ГОД — ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОЛЕГАЛ ЧЕРЕЗ НАШ ГОРОД, КОТОРЫЙ ТОГДА НОСИЛ ИМЯ ЛИХВИН.

ЭТОТ ФАКТ МЕНЯ ГРЕет. Пушкин мог видеть три церкви, которые уже существовали в то время, здание казначейства, торговые ряды, трактиры. В одном из трактиров наверняка отобедал – путь от Калуги до Лихвина на лошадах да при тех дорогах занимал не менее дня. Возможно, Александр Сергеевич обратил внимание на тюремный замок, который спроектировал и построил губернский архитектор Иван Ясныгин.

**«ПОКАЗУЮЩИЙ
БЛАГОРОДСТВО
И ХРАБРОСТЬ ЕГО
ЖИТЕЛЕЙ...»**

Городок наш достаточно стар, чтобы помнить многое – с времен Дмитрия Донского начиная. Заглядывали сюда знаменитости – не только Пушкин, но и боярыня Морозова, и граф Толстой, и Александр II.

Лихвин впервые упоминается в летописях в 1565 году как село. Оно входило в Засечную черту – систему оборонительных сооружений из деревянных засек, которые ставились с XIII века для защиты южных

и восточных границ от набегов кочевников. Защищали город естественные преграды: Ока с востока, с юга и с севера бездонные овраги, а с запада дремучие леса. Посад был окружен дубовой стеной и четырьмя башнями. Попробуй сунься. И не совались, нет сведений, чтобы кто-то из лиходеев взял Лихвин.

Иван Грозный причислил Лихвин к опричным укреплениям. Возможно, царь бывал в Лихвине. В 1566 году он осмотрел тульские поселения, которые составляли Засечную черту. Совершенно точно он был в Белёве, который в 30 километрах от Лихвина. О тех временах в нашем городе напоминает улица Стрелецкая – в той части города была Стрелецкая слобода.

При Петре I город получил регуляторство – то есть планировку. И оно сохранилось по сей день, улицы вычерчены как по линейке.

29 мая 1719 года Правительствующим сенатом был принят указ Петра I «Об устройстве Губерний и об определении в оныя Правителей». Именно этим указом была учреждена Калужская провин-

ция в составе Московской губернии. Провинция включала в себя уезды – Калужский, Медынский, Одоевский, Воротынский, Мещовский, Перемышльский, Мосальский, Козельский, Серпейский и Лихвинский.

В 1746 году Лихвин дорос до статуса города. Вскоре у городка появился герб, составленный начальником Геральдической конторы князем Щербатовым. Императрица Екатерина II утвердила его 10 марта 1777 года. На гербе горностаевый лев – не абы кто. В законе №14596 описание герба: «Обычай был Татарский давать зло знаменующия имена тем городам, которые сильно противу их защищались и знатный им вред причинили, от чего и наименование сего града произошло; и так в червленом пол, знаменующем кровопролитие, означается его герб, стоящий горностаевый лев с золотым языком и когтями, обращенный на право, в правой лапе он держит замахнутый золотой меч, а в левой серебряный щит с черным крестом, показующий благородство и храбрость тогдашних его жителей, и что защищение сие им несчастливым было».

На гербе
Чекалина-
Лихвина
горностаевый
лев – не абы кто

ГОРОД ИЛИ ПОСЕЛОК?

Постепенно Лихвин терял свои воинские черты, империя расширялась, и границы, которые надо было защищать, отодвинулись далеко на юг и восток. Город превратился в купеческий – все старинные дома построены в основном купцами. Последнее здание было возведено купцом Батоговым в 1916 году. Торговые операции были интенсивные – пристань на Оке, на которой в баржи грузили разнообразные товары. И плыли они в Москву, в Алексин, в Нижний Новгород и прочие города и веси.

На начало прошлого века в городе насчитывалось 266 домов, 4 храма, 25 торговых лавок, 7 трактиров. Как выразились бы сегодня, был развит малый бизнес – свыше 80 ремесленных заведений. Но было и солидное промышленное производство – лили пушки. Была Пушкарская слобода.

Было где учиться: три училища – мужское уездное, мужское приходское и женское двухклассное. Больница на 30 кроватей, построенная благодаря усилиям земского врача Лисицына. Со второй половины XIX века Лихвин постепенно приходил в упадок: подкосили его экономику железные дороги – обошли стороной, а без «железки» ни торговли, ни производства. В справочниках царских времен Лихвин числится как самый маленький город империи – тогда в нем жило чуть более 1200 человек. Сохранил он этот статус и в нынешнее время, сейчас жителей около тысячи. В хрущевские времена было повеление укрупнять административные единицы, вполне могли в угаре преобразований разжаловать древний городок в разряд поселков. Тем более что он потерял статус райцентра: районную власть перевели в город Суворов, в котором начали строить крупную ГРЭС. Суворов заодно прихватил и лихвинский герб.

Но спас звание города юный партизан Саша Чекалин. Его

Одно из замечательных зданий города – больница. Построено в начале прошлого века по проекту уездного врача Федора Ивановича Лисицына

схватили фашисты, пытались страшно: выдать расположение отряда! Не выдал Саша боевых друзей. 6 ноября 1941 года юного героя казнили. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. А в 1944 году Лихвин переименован в Чекалин. И некрасиво по отношению к памяти героя переводить поселение его имени

в более низкий статус. Так благодаря Чекалину город остался городом.

А в 1990-е годы вновь возникла идея перевести Чекалин в звание поселка. Кому-то показалось: а не слишком ли жирно населенный пункт с тысячей живых душ именовать городом? Вон есть села по 3 тысячи селян, и ничего, не претендуют на повышение статуса. Был проведен опрос жителей: согласны ли вы, чтобы Чекалин сделать сельским поселением? Ответ: нет! А, между прочим, стань Чекалин сельским поселением, его жители получили бы заметные преференции. Плата за электроэнергию, за газ, за воду заметно уменьшилась бы. А зарплаты медикам, учителям, социальным работникам, наоборот, возросли бы. И все равно жители не согласились. Это вызывает уважение. Гreet все же звание горожанина. Да и как это: такая древняя история, сама царица Екатерина утвердила Лихвин городом, а тут предлагают быть селом.

А вот вернуть Чекалину имя Лихвин жители не согласились. Саша Чекалин – святое имя для жителей, особенно для старшего поколения. Идея переименовать возникла в перестроечные годы, тогда хотелось стряхнуть с себя наследие опостылевшего режима, тогда улице Коммунистической вернули дореволюционное имя – Калужская, а Революционной –

Свято-Введенская церковь – единственная выжившая при советской власти

Спас-Введенская, она ведет к Свято-Введенскому храму, единственному спасшемуся при коммунистах церковному сооружению. Улица Урицкого, на которой я проживаю, стала Белёвской. Но Чекалин остался Чекалином. У меня двойственное отношение к этому. Да, города имеют право получать имена своих героев – справедливо, что Гжатск стал Гагарином, а город на Амуре – Хабаровском. Но, с другой стороны, несколько странно звучит – старинный город Чекалин. Как бы там ни было, имя у города Чекалин, хотя я часто употребляю старинное – Лихвин.

«ЭХ, ДУБИНУШКА, УХНЕМ!»

Город наш небогат на знаменитые имена. Не чета соседнему Белёву, в котором кто только не жил – от поэта Жуковского до футболиста Мамыкина. У нас самое известное имя – Саша Чекалин. Еще отсюда родом Василий Иванович Богданов, автор слов знаменитой песни «Дубинушка». В 1865 году журнал «Будильник» напечатал эти стихи, и «Дубинушка» на десятилетия стала гимном революционной молодежи. Всем известно мощное исполнение «Дубинушки» Федором Шалапиным. Богданов еще студентом был домашним учителем в семье вра-

ча Андрея Евстафьевича Берса. Его дочь Софья стала женой Льва Толстого. Студент стал в доме своим человеком. В своих воспоминаниях Софья Андреевна пишет о Богданове: «Это был живой, способный человек, интересовавшийся всем на свете, прекрасный студент, умелый учитель и ловкий стихотворец. <...> Он так умел интересно преподавать, что пристрастил прямо меня, ленивую девочку, например, к алгебре и русской литературе, особенно к писанию сочинений». Он пытался развивать сестер Берс, давал им читать Бюхнера и Фохта, читал им вслух роман Тургенева «Отцы и дети». Влюбился домашний учитель в Соню. Однажды, помогая ей переносить книги, он схватил ее руку и поцеловал. «Я страшно рассердилась, расплакалась и пошла сначала в свою комнату смыть одеколоном поцелуи Василия Ивановича с руки, – пишет Софья Андреевна, – а потом пошла к матери и пожаловалась на учителя. Она спокойно посмотрела на меня сквозь очки и сказала: «Ох, уж эти мне студенты». И когда пришел Василий Иванович сконфуженный и красный, она ему отказала и сказала мне,

Центр города – таким он был и сто лет назад, и двести

что больше русских учителей у меня не будет. Это очень меня огорчило».

Ну, и гордость Чекалина–Лихвина – род Лисицыных. Его представители проявили себя во многих сферах – в науке, в медицине, в театре, в юриспруденции. Замечательная семья, талант на таланте.

ДВА НАРОДА

Как ни захватывающа история Чекалина–Лихвина, все же больше интересует день сегодняшний – люди, события, явления. Бывал я в городе с 1996 года, а постоянно живу с 2006-го, так что набралось немало впечатлений. Пожалуй, вот что главное: в Чекалине я чувствую себя свободным. Я получил возможность управлять своей жизнью. Свободен в выборе занятия – могу сидеть за компьютером, а могу возиться в огороде, пройтись по лесу, посидеть на высоком берегу Оки. Свободен от политических страстей. В Москве при встрече со знакомыми и друзьями разговор обязательно съезжает на политические темы, а мне они скучны. А здесь о политике и не вспоминаешь. Здесь другая среда и другие темы при общении.

Меня поражают столичные публицисты, отважно навешивающие уничижительные ярлыки на тех, кто живет в маленьких городах. Быдло, ватники, стадные животные, запутинцы, пьянь, рабы и прочие хлесткие словечки. Вот некто Шендерович сформулировал откровение: «Нас очень и очень много, нормальных людей, способных на сочувствие, понимающих цену человеческому достоинству, посылно преодолевающих тоску и страх... Наша проблема в том, что нелюдей мы тоже числим людьми – и оцениваем их в человеческой номинации. Мы полагаем, что

относимся с ними к одному биологическому виду (нашему), в котором такое действительно невозможно, и вопим от возмущения. Мы по инерции числим их оппонентами, а они – окружающая среда...»

То есть все те, кто вокруг меня в Чекалине – окружающая среда. Смешно такое читать.

Начну с пьяни. Давно отметил: на улицах нашего городка редко встретишь пьяного. Подвыпившие встречаются, но чтобы пьяный – то есть человек не в состоянии держаться прямо, его кидают с одной стороны улицы на другую, у него мутный взгляд, путаная речь – такого уж дав-

Главная улица –
Калужская

В Лихвине
два магазина,
и выбор
продуктов в них
мало отличается
от того, что
предлагают
в больших
городах

Тишина, покой –
ясная примета
городка

До революции
в Лихвине было
семь трактиров,
сегодня один,
да и тот
обанкротился

но не припомню. А ведь еще в 1990-е годы труднее было встретить трезвого, нежели пьяного. Толпа жаждущих выпить у магазина с годами редела, редела, и наконец осталась лишь классическая группа «на троих». Два мужика и баба – красные испитые лица, мутный взгляд. Они с утра отирались на углу напротив магазина, дожидались двух часов, брали по пузырьку и считали, что день прошел не зря. А потом у магазина остались двое, потом один. Он продержался с месяц и перебрался в печальное место – на кладбище. Поинтересовался у владельцев наших магазинов: каковы цифры продаж спиртного? Точного учета по годам не ведут, но продажи за последние пятнадцать лет упали втрое. Факт этот оз-

начает: в жизни городка произошли крутые перемены. Люди изменились, общество стало другим – трезвым. Ну, или выражусь точнее: разумным в потреблении спиртного. Будем надеяться, что процесс необратимый.

ЧЕЛОВЕК НЕ БРЕВНО

Интереснейшие типы неожиданно проявляются. Вдруг блеснет мудростью человек, от которого ничего и не ждешь. Зашел как-то я на бульвар – так у нас в городке называют выступ к Оке, весь в липах – и сразу заметил фигуру вдали. Столик, две скамейки.

Подошел. На столе бутылка портвейна «555», наполовину пустая. Старик. Собака.

По своей глупой привычке обшаться задал дурацкий вопрос:

«Какие мысли приходят в голову над Окой?» Он будто ждал вопроса. «Детство вспоминаю. Берег вон там был песочный. Купались целыми днями. Хорошо было... А теперь вот думаю: зачем жил? Что от меня останется?»

Помолчал. И начал рассказывать про свою жизнь. Как в школе учился. Как бедно жили. Нищих много было. Постучат в окно, бабушка отрежет кусок от краюхи хлеба, подаст – это в начале 1950-х годов. А жили ввосемьмером на 36 квадратных метрах. «Я с бабушкой на печке, а в комнате вот так стояла кровать, и так, и так. Электричества не было. В клубе соберемся кино смотреть, при лампах. Аппарат крутили вручную. Хорошие были фильмы». Помолчал. «Вот прихожу сюда и думаю: зачем я жил?»

Рассказал, как работал на «железке» – так он назвал железную дорогу. Только и видел что поезда, локомотивы, вагоны, рельсы. Почти два десятка лет. А потом на лесопилке. «И вот сядешь в перекур на бревна, все думаешь, думаешь. И додумываешься: человек человеку бревно. Что бревну другое бревно? Ничего. Так и человек никому не нужен. Всем все равно, есть я, нет меня. Неизвестно, зачем человек на земле».

Много чего рассказал.

«Войну и мир» читал.

Я ушел. А старик остался. Вспоминает. Спрашивает неизвестно кого: «Зачем я жил?»

КАК НЕ ВЫЖИЛА «БАБА ШАНЕЛЬ»

Мне долго не удавалось стать в городе своим. Вхождение в социум давалось непросто. Люди в провинции не особо настроены принимать чужих. Есть известное утверждение: русские не улыбаются. Но они не улыбаются чужим, незнакомым, а со своими они очень даже не прочь пошутить, посмеяться. Но все же удалось встроиться в местное общество, мне стали улыбаться. Появилось множество знакомых, какие-то общие интересы. И хотелось что-то сделать для города, для людей. Да и себя за-

нять. В городе еще в советские времена был народный театр. Любили его лихвинцы. Театр даже на гастроли ездил. А потом – угар перестройки, стало не до театра. А три года назад в Доме культуры сменился директор, им стала Ирина Метасова. Энергичная, напористая. Звонит мне. Предлагает ставить спектакль. Отказался. Не верил, что получится. Но Ирина настойчивая. Уговорила встретиться. Встретились. И очень мне понравился разговор. Что больше всего понравилось: Ирина – человек действия. Пришли к согласию: будем ставить.

Взялся ставить «Бабу Шанель» – пьесу даровитого уральского драматурга Николая Коляды. Комедия – народ наш любит похохотать. Но важнее для нас другое – в пьесе шесть женских персонажей и один мужской. С женской частью труппы проблем почти не было – нашлись среди горожанок желающие выйти на сцену. А вот с актерами... Не хотят мужики идти в лицедеи. Точнее сказать – стесняются. Вот Андрей – ну идеально подходит на роль Сергея Сергеевича – отказывается. Как огня боится сцены. А в общении, в застолье остроумный, легкий – остается только слова выучить и готов персонаж. Нет. Так что одна роль повисла без исполнителя.

Собрались. Почтальон, воспитательница детского сада, косметолог, методист клуба, пенсионерка, еще одна пенсионерка. Прочитал пьесу. Труппе онаглянулась. Во многих местах смеялись.

Начались репетиции. Режиссер я никакой. Действую по интуиции, по наитию. Актрисы почти сразу схватывают тональность реплики, чувствуют своих героев. А Галина Константиновна так вжилась в образ, что ей и подсказывать ничего не надо – она и есть та, которую играет. Талант! Других надо доводить до образа, но знаю, как это надо делать. Все получится. Ольга Разумовская – ну слов нет! Органично вписалась в роль, тоже

Дом культуры, в котором автор статьи пытался возродить народный театр

Владимир Ильич уверенно смотрит в будущее

подсказывать ничего не надо – сама чувствует, как поступать, где говорить, а где паузу держать. С каждой репетицией становится все увлекательнее и увлекательнее. Я же вижу: их понес процесс творчества, им интересно. Они хотят, чтобы спектакль получился.

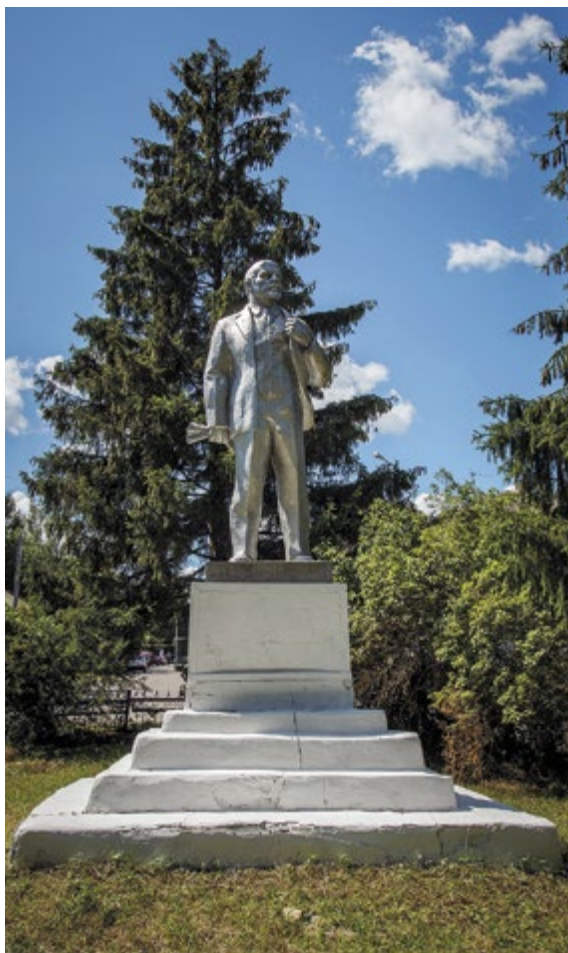
Но... Да, последует очень печальное «но». До премьеры дело

не дошло. По банальной причине – не хватило талантов. Репетиции остановились – на две роли нет артисток. Уж с кем только я не говорил: и вижу, что человек может органично войти в спектакль, и способности к сцене есть – но отказ, отказ, отказ. Долго надеялся, что все-таки удастся поднять спектакль, но... Жаль, очень жаль. И обидно. Городку нужен театр.

ОТКУДА У ЛЮДЕЙ ДЕНЬГИ?

У колонки сосед моет машину. «Субару». Подержанная, но выглядит привлекательно. Спрашиваю: «Кому это ты нанялся машину мыть?» Он с обидой: «Моя». Я удивился. Знаю, что у него есть «жигули» восьмерка, но не подозревал о «субару». Оказывается, держит он ее у тещи, которая живет на дальней улице. Работает он в автосервисе, не знаю, сколько получает, но не думаю, что больше 20 тысяч. Жена – воспитательница в детском саду, там тоже невелики ставки. Недавно он провел себе газ – это тысяча 100, не меньше.

У меня постоянно возникает этот вопрос: откуда у людей деньги? Машины почти в каждом доме. И не «жигули», а иномарки. Приезжаю в субботу на рынок – на стоянке сплошь иномарки. Есть, конечно, и «жигули», и «Лады», но теряются они в стаде «фольксвагенов», «рено» и прочих «корейцев» и «японцев». То тут, то там новый дом вырастает. А если не вырастает, то ре-

Незамысловатое
и веселое
народное
творчество

конструируется. Ремонтируется. К газу подключается. Почти на каждом доме тарелка ТВ. И телевизор не менее двух. И всякая техника. Мне бы вот надо новый дом возвести – старый совсем обветшал, а денег нет. А у односельчан есть деньги и на дом, и на машину, и на стиральную машину, и на много чего еще. Откуда? Никакого производства у нас нет. Когда я читаю о нищающем народе, то мою голову сверлит ноющий вопрос: откуда у людей деньги?

ЩУКА

Отзывчивый у нас народ. Вот случай в подтверждение. Сиж у соседки, разговоры о том, о сем. Заходит Костя, тоже сосед. Присоединился к разговору. Возникла тема рыбалки. Я говорю: вот бы щуку, котлет бы из нее надедал. И дальше потек разговор. А через день в магазине встречаю Костю. Он говорит: «Вот вас-то мне и надо!» И выбегает наружу. Возвращается с пакетом: «Вот! Вам. Утром поймал». А в пакете – щука. Килограмма два. Я растрогался.

МОГИЛЬЩИК ОБОЖАЕТ ФЛОРЕНЦИЮ

У Натальи О. умерла мать. В Твери. А Наталья живет в Лейпциге. В Чекалине из знакомых у Натальи только я. Вдвоем и хоронили Тамару Леонидовну. На кладбище предки Натальи заняли целый порядок – холмики могилок тянутся метров на 30. Копали могилу три мужика из похоронного бюро. Ну, к этому типу людей отношение известное – пьяницы. Нормальный человек не будет заниматься таким делом. А разговорились – такое раскрылось! Роман обожает Италию, особенно Флоренцию. Каждый год бывает там. Галерею Уффици знает досконально. Столько всего рассказал. И в Лувре он был. Теперь у него на очереди Прадо. Если в Москве какая громкая художественная выставка – он ее не пропустит. Мише по сердцу Германия. Любит он Мюнхен, маленькие городки. И Голландию любит. Как только есть возможность, он там. Третий, Петр, молчал. Но было ясно: в кармане у него авиабилет Москва–Токио. Он вылетит в Японию. Цветет сакура, а нет ничего божественнее этого явления. Как пропустить?

Автомобиль
не роскошь,
а средство
передвижения

СПАСТИ УЗБЕКА МУЗАФАРА!

Живет в нашем городке Музафар, его все зовут Миша-узбек. Точнее, не живет, а приезжает на заработки. Профессии никакой у него нет, потому зарабатывает, скажем так, разнорабочим. У меня он копал траншею, если надо разгрузить стройматериалы, то звонил ему: «Музафар, завтра час...» Безотказный. Спокойный. Неприятельный.

Семья его в Узбекистане. В России он зарабатывает на свадьбу сына, предстоят огромные расходы – на традиционный калым, на сотни гостей.

На соседней улице кто-то позвал Мишу разобрать дом. Надо было лезть на крышу, прицепить крюк лебедки – полез, конечно, Музафар. Крыша рухнула. Завалило Музафара. Вызывали МЧС – вызволить его из-под завалов. Раздробило ноги. Повезли в больницу в Тулу. Операция. Платная – у него же нет страховки. Мужик, который его нанимал, оплатил все, а это тысяч 70. Наши, которые живут в Туле, навещали его в больнице. Сейчас Миша в городе. На костылях. Три месяца нельзя на-

ступать на правую ногу, а значит, выходить из дома. И народ ему помогает. Кто еду принесет, кто просто приходит: чем тебе, Миша, помочь? Соседка говорит, что однажды пришла к нему, а у него – человек десять. Не уговариваясь, собрались те, кому он выполнял какие-то работы. Отзывчивые у нас люди. Всегда придут на помощь, кто бы и кем бы ты ни был.

ЧЕМ ПРИВЛЕЧЬ ТУРИСТОВ?

Логично закончить рассказ о Чекалине–Лихвине крепостью. Год назад возвели ее на Козьем острове – так в древно-

сти называли обширный выступ на высоком берегу Оки. Здесь было городище, стояли сторожевые башни, стены из частокола. В 2018 году проводили археологические раскопки – много чего интересного обнаружили, включая клад монет XVI века. Вот на этом месте и возвели крепость. Понятно, что это только образ крепости, настоящая была совсем другой.

Забавно, но я к этому имею прямое отношение. Я с самого первого дня, как осел в Чекалине, задумывался: чем можно привлечь в городок туристов? Обсуждал это с главой адми-

Возрожденное воинское укрепление. Таким оно было при Иване Грозном

Путь в крепость

Украшение
города – Ока.
Задумчивая,
невозмутимая

нистрации Ириной Усенковой. Оформил свои предложения и отдал ей – это было лет десять назад. Главных идей было три. В Лихвине родился Богданов, автор слов знаменитой «Дубинушки». А что если проводить в Чекалине (Лихвине) конкурс-фестиваль «Дубинушка»? Это могло стать уникальным брендом самого маленького города России. На «Дубинушке» проводить конкурс басов. Одновременно – провести фестиваль народных коллективов, ис-

полняющих старинные песни, и фестиваль фильмов-опер. Вторая идея – проект «Земская больница». Один из привлекаемых архитектурных объектов города – больница. Он неизменно вызывает интерес у гостей. А если учесть историю больницы, жизнь и судьбу земского врача Федора Ивановича Лисицына, то на базе этого объекта можно сделать весьма привлекательный музей «Земская больница». Реконструкция кабинета земского

врача – обстановка, инструменты, врачебные пособия – должна быть реальной. Также реконструкция операционной, зубо врачебного кабинета, палат для больных, аптеки.

И, наконец, третья идея – «Стрелецкая слобода». В мире, в России распространены туристические объекты, на которых реконструируется тот или иной период истории. По возможности точно воспроизводится внешний вид людей, здания, помещения, обстановка, детали быта, рабочие занятия, живность и так далее. В значительной степени крепость, которую возвели на Козьем острове, реализация этой идеи.

НА ОКЕ

Любимое мое место в городе – откос на высоком берегу Оки. Сядешь,мотришь на заокские дали. Чистый, искренний пейзаж. Мыслей никаких. Просто наслаждение покоем.

И злой восторг. Ощущаешь на откосе то несказанно прекрасное, манящее и таинственное, что называется – жизнь. Найти бы слова, чтобы предстала она твердо, выпукло, да не получается. Выразить бы всю ее красоту и боль. Я не знаю, что такое жизнь, что означает жить. Жизнь изумляет, пугает, возносит, а начнешь описывать – наивность, переходящая в пошлость. Чувствуешь себя поглупевшим, ограниченным. Да и черт с ним! Пока есть Ока, пока есть возможность выйти на откос и увидеть эти спокойные виды, я жив.

Газета «Русский курьер» напечатала в 2006 году материал о нашем городе. Заканчивался материал пророчеством: «...И когда через десять-пятнадцать лет здешние старики вымрут и Чекалин будет погребен под водами времени, оттуда будут раздаваться не церковные звоны, как во граде Китеже, а короткие военные радиосводки и постукивание азбуки Морзе...» Нет, не погребут воды времени Чекалин. Он жив. Он выживет. ♣

ДОМ, КОТОРЫЙ ЗАПОМНИЛ ВУЛЬФ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ТИХАЯ КОННАЯ УЛИЦА НАХОДИТСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ РАЙОНЕ ПЕТЕРБУРГА, МЕЖДУ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРОЙ И МОСКОВСКИМ ВОКЗАЛОМ. НАЗВАНИЕ СВОЕ ОНА ПОЛУЧИЛА ОТ КОННОГО РЫНКА, ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О КОТОРОМ ИЗЛОЖИЛ В СВОЕЙ КНИГЕ 74-ЛЕТНИЙ ПЕТЕРБУРЖЕЦ ЮРИЙ ИСААКОВИЧ ВУЛЬФ. КНИГА НАЗЫВАЕТСЯ ПРОСТО: «КОННАЯ, 10. ПАМЯТЬ И ИМЯ».

НАЗВАНИЕ БЫЛО ДАНО не случайно. Здесь, в этом доме, родился Юрий Вульф. В этом доме прожили почти семьдесят лет его родные. Книга «Конная, 10...» имеет посвящение: «Всем жителям дома

на Конной, 10, тем, кто ушел на фронт и был убит или пропал без вести в 1939–1945 годы; кто вернулся домой <...>; остался жить в доме и умер, не дожив до снятия блокады; перенес все тяготы войны и блокады и остал-

ся жив». Сегодня Юрий Вульф самый старший представитель своей семьи.

– В 2011-м я вышел на пенсию и захотел сделать доброе дело для своей семьи – собрать семейную историю, начиная с праде-

да, у которого было 10 детей, — объясняет Юрий Вульф.

В 2013 году Юрий Исаакович выполнил то, что задумал: издал книгу «Память и имя родных моих», в которой рассказывается история шести поколений его семьи. Когда Вульф задумал эту книгу, то сначала построил генеалогическое древо, а потом в архивах города, домовых книгах нашел записи почти о всех своих родных по отцовской и материнской линии. Он съездил в Литву на родину прадеда, побывал в Сольцах — городке, в котором родилась мать. В Подпорожье у далеких родственников нашел случайно сохранившуюся фотографию прадеда и прабабушки. Так шаг за шагом он начал восстанавливать историю — от личной семейной до общегородской.

В архивах жилконторы он впервые увидел записи не только о своих родных, но и о сотнях их соседей. Там хранятся списки жильцов дома на Конной, 10 с 1934 года. Через три года Юрий Исаакович вернулся вновь в этот архив, чтобы восстановить судьбы ленинградцев из этого дома, переживших блокаду и погибших в Великую Отечественную войну.

ДЕТСТВО

Детство Юрия Вульфа связано с Конной улицей. Когда ему было 2 года, родители переехали в квартиру неподалеку, но часто приходили на Конную, 10, к тетушке в гости — в коммунальную квартиру.

В книге возникает образ молочницы в ватнике, с бидоном и заплечным мешком, есть и продуктовый Конный рынок, каким его запомнил Юрий Вульф. Он был деревянным и не отапливался зимой. Самым интересным в детстве Юрию Исааковичу казалось то, что

В сквере на Конной, 10 установлен планшет, на котором рассказывается об истории семьи этого дома, погибшей в блокаду

Оборудование, обеспечивающее трансляцию на стене памяти, установлено в парадной дома, под лестницей

продавали в рядах на улице: семечки и самодельные игрушки. А по дворам ходили шарманчики — жильцы дома заворачивали монетки в бумажки и кидали их музыкантам в окно.

— Одним из развлечений для детей была покупка на рынке услуги «Птичке волю». За деньги, которые ребенок сам давал продавцу, тот открывал дверку, и ребенок мог выпустить на волю птичку, — вспоминает Юрий Вульф. — Все дворы вокруг были колодцами. Солнце в квартире на предпоследнем, четвертом этаже было не более двух часов в день. Во дворах после школы играли в прятки и классы. Дворы до середины 1950-х годов закрывались на ворота, а парадная, через которую дворник мог пустить запоздавших жильцов, была одна на несколько дворов. В этой парадной он сидел всю ночь.

Отец Юрия Исааковича, Исаак Вульф, в июле 1941 года вступил в народное ополчение. В 1942-м в госпитале он вел военный дневник, который чудом сохранился. Мать Юрия Вульфа со старшим сыном была эвакуирована в Вологодскую область и вернулась в Ленинград в 1944 году.

Когда книга о родных вышла, Юрий Исаакович раздарил ее всем родственникам. Они обрадовались, но многие поставили на полку, не читая. Юрия Исааковича это не смутило. Он рассуждает так:

— Я понимал, что если кому-то из моего поколения не восстановить историю семьи, то ее так и не будет. Живут тысячи семей без историй семейных — и нет никаких переживаний и сожалений. Но может, и поймут они важность этого, когда вырастят собственных детей. Когда я находил письма родных, мне все было важно и интересно. Я подумал, что мои внуки от меня особо ничем не будут отличаться и, возможно, захотят прочитать переписку дедушки и уж тем более архив прадеда. Я подарил книгу каждому родственнику, даже годовалому.

Домовые книги

В августе 2016-го Юрий Вульф услышал по радио выступление руководителя центра «Возвращенные имена» Анатолия Яковлева Разумова.

– Люди уходили на фронт, погибали. Страна не смогла тогда сбросить имена всех, кого потеряла. Через двадцать лет после Победы начали создавать Книги Памяти погибших на фронте. В Петербурге Книги Памяти погибших в блокаду начали издавать с 1998 года. Когда открывали Пискаревский мемориал в 1960 году, на камне высекли слова Ольги Берггольц: «Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем. // Так их много под вечной охраной граница...» И не потому, что их много, а потому, что их тогда еще не собрали. Последний том был издан только в 2006 году. Вот я петербуржец в четвертом поколении. А об этих книгах ничего не знал, – рассказывает Вульф.

Юрий Исаакович зашел на сайт «Возвращенные имена», где можно было узнать о записанных в Книги Памяти жильцах любого дома. Выяснилось, что по адресу Конная, 10 числилось более 100 имен. 8 сентября 2016 года в 19 часов, в день начала блокады, в сквере на Конной, 10 были зачитаны 109 имен жертв блокады этого дома.

Предварительно Юрий Вульф повесил в доме объявление. Собрались 10 человек. Приехали журналисты. Все было скромно и просто – без микрофона. Лишь цветы и свечи. Юрий Исаакович выпустил газету и повесил ее в парадной. Там он рассказал о себе и сообщил, что жил в этом доме и пообещал через год восстановить имена людей, ушедших на фронт и живших в блокаду в этом доме. Слово свое сдержал. В 2017-м вышла его книга «Конная, 10. Память и имя».

Стена говорит

Глухая грязная стена на Конной, 10 была типичным петербургским брандмауэром до 2017 года, когда Юрий Вульф убрал примыкавший к ней сарай. Сейчас на отремонтированном брандмауэре – три экрана и три динамика. На

Когда-то здесь был грязный брандмауэр

одном экране бегущей строкой идет весь список 630 тысяч человек из 35 томов Книги Памяти жертв блокады. Если подойти ближе, можно услышать и их имена из динамика. Все это Юрий Вульф создал сам, на свои деньги. «Информационная зона Конная, 10» оформлена как «проект благоустройства» и зарегистрирована в Комитете по градостроительству и архитектуре. Жильцы против этого благоустройства возражений не имели. Однако его приняли не все. Жительница Конной улицы написала жалобу губернатору Петербурга – ей мешает табло. Говорит, что не может... забременеть, поскольку видит перед

глазами этот экран, а там употребляется слово «смерть». Беглов на жалобу не ответил...

Экран со списком имен погибших работает без перерыва, вандалы стену памяти не трогают. На первом светодиодном экране – в алфавитном порядке список имен погибших в блокаду ленинградцев, чьи имена вписаны в Книгу Памяти «Блокада. 1941–1944. Ленинград». Второй экран отображает список имен ленинградских детей, погибших в блокаду. Его подготовили петербургские школьники. Руководил созданием этого списка внук Юрия Вульфа Олег. На третьем экране – видеоматериалы по теме блокады с интервью Юрия Вульфа. Тихий звук никому не мешает, но равнодушный прохожий остановится и услышит.

– Стена живет уже два года, – говорит Юрий Вульф. – Пока все держится без участия государства. Чиновники два года говорили: «Очень хорошее дело, но вы уж как-нибудь сами!» Одна из моих задач – закончить аудиозапись имен погибших в блокаду ленинградцев (в Книгу Памяти «Блокада. 1941–1944. Ленинград» сегодня занесено чуть более 630 тысяч имен. – Прим. авт.). А еще и передать мемориальную стену городу, чтобы она получила статус охраняемого объекта.

За этими стенами умерли в блокаду 125 человек

Часы на стене
ежедневно
замирают
на минуте
молчания,
в полдень

Похоже, дело с передачей мемориала городу сдвинулось с мертвой точки: в октябре 2020-го губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов направил Юрию Вульфу письмо о передаче «Информационной зоны Конная, 10» Музею обороны и блокады Ленинграда.

ОСТАЛИСЬ ТОЛЬКО ИМЕНА

Юрий Вульф подумал о большом экране, по которому непрерывно транслировались бы имена погибших. И 9 Мая 2018 года на брандмауэре Конной, 10 экран включили. Строки имен погибших не останавливаются никогда. Идут месяц по алфавиту – и снова повторяются.

– Там, наверху, ждут, что назовут их имена. Они, наверное, это чувствуют и ждут, когда же назовут имя каждого. Город должен и будет видеть и слышать имена тех, кого он потерял в блокаду, – говорит Юрий Вульф.

Он часто задается вопросом: «Что было бы, если бы мне никто не помог?» Если бы один человек не пустил в архив, а другой – не дал

бы команду электрикам подключить электричество. И книги бы не было, как не было бы и стены с информационной зоной.

– 8 сентября 2018-го на 40 площадках Петербурга читали имена. Всего в тот день прочитали 20 тысяч имен. Это очень мало! – сокрушается Юрий Вульф.

Через год в этот же день на Конной, 10 прошла минута молчания и школьники хором читали списки имен всех погибших в блокаду жителей Конной и Исполкомской улиц. Тогда Юрий Вульф решил записать аудиофайл со всеми именами жертв блокады. Первую часть подготовили профессиональные дикторы и волонтеры. Вторую часть списка Юрий Исакович раздал школьникам. К сегодняшнему дню запись практически закончена. Длительность записи и звучания – 5 месяцев. В записи участвовало более тысячи человек...

...Каждый полдень часы на мониторе напоминают о минуте молчания. Многие не верили в начинание, а тем более в реализацию

задуманного Юрием Вульфом. А он, воссоздав историю семьи собственного рода, затем отдельно взятого ленинградского дома, не побоялся взяться за увековечивание памяти всех погибших ленинградцев. Юрий Вульф проделал огромную работу и потратил более миллиона рублей собственных средств. В парадной под лестницей установлено оборудование, которое регулирует трансляцию.

– Моя задача – включить аудиофайл с именами погибших на всех кладбищах, где похоронены блокадники в безымянных могилах, – говорит Юрий Вульф. – Фразу «Никто не забыт, ничто не забыто» произносят. У этих незабытых есть имена. И пока они не названы, пока не похоронен последний солдат, война не закончена. Когда включат аудиозапись, безымянные могилы перестанут быть безымянными. Чтобы назвать имя, требуется 15 секунд. Память может и должна овеществляться. Память – отличительная особенность людей. Память цены не имеет. ❀

«ВЕЛИКАЯ СИБИРСКАЯ СТЕНА»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

«СЛЫША ЕРМАК ОТ МНОГИХ ЧЮСОВЛЯН ПРО СИБИРЬ, ЯКО ЦАРЬ ВЛАДЕЛЕЦ; ЗА КАМЕНЕМ РЕКИ ТЕКУТ НАДВОЕ, В РУСЬ И В СИБИРЬ...» – ТАК РЕМЕЗОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ РАССКАЗЫВАЕТ О ЗАМЫСЛЕ ПОХОДА ЕРМАКА В СИБИРЬ.

ЧИСЛЕННОСТЬ ДРУЖИНЫ, собравшейся под командой Ермака идти в Сибирь, достоверно неизвестна. То ли 540, то ли 840... Большинство историков сходятся на том, что их было около тысячи человек. Ясно, что Ермак вряд ли собирался завоевывать Сибирь такими скромными силами, к тому же каких-то точных сведений о воинстве Сибирского ханства на Руси не было. Скорее, задача состояла в том, чтобы показать сибирскому хану Кучуму, что на Руси есть сила, способная дать отпор набегам на пермские земли. Снарядили дружину купцы

и солепромышленники Строгановы – богатейшие пермские предприниматели. О самом Ермаке Тимофеевиче по прозвищу Токмак мало что известно. «Вельми мужествен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн бралою и власами прикудряв, возрастом средней, и плоск, и плечист» – так описывает покорителя Сибири Рemezовская летопись. Вероятнее всего, Ермак был участником Ливонской войны – так же как и большинство его атаманов и казаков. Вооружение для тех лет у казаков было вполне современное: ружья, пушки,

пищали, сабли, кольчуги. Разрозненные и разноплеменные отряды ханства поначалу не смели оказывать сопротивление такой боевой дружине.

Казаки шли по рекам на ладьях-стругах, перетаскивая их волоком через протоки и перешейки. Через «Камень», как тогда называли Уральские горы, струги тащили «на себе». Из реки Чусовой – в Тагил, из Тагила – в Туру... Так, наверное, сами того не ожидая, казаки весной 1582 года дошли до низовьев Туры и после первого серьезного сражения заняли Чинги-Туру – старую столицу Сибирского ханства, а до того – главный город Тюменского улуса Золотой Орды. Почти четыре века Чинги-Тура была торговым и культурным центром Западной Сибири. Теперь на ее месте стоит Тюмень. Предполагается, что во время похода Ермака Чинги-Тура лежала в руинах, хотя летопись рассказывает о богатствах города, доставшихся казакам...

Знамя дружины Ермака, хранящееся в Оружейной палате Московского Кремля

ЧЕРЕЗ ТУРУ В ИРТЫШ

Из Тюмени и началось мое путешествие по следам Ермака. Дорога извивалась сначала вдоль Туры, затем – Тобола. Реки прорезали желтеющие поля пшеницы и зеленые луга, подкрашенные малиновым иван-чаем; промелькнул длинный подвесной мостик через Тобол... По этим же рекам шли казаки Ермака из Чинги-Туры в столицу ханства – Искер. В те времена берега были малонаселенные, но близость ханской столицы сказывалась: казаков то и дело обстреливали с берега. Теперь деревни по берегу идут одна за другой... О великом походе ничего не напоминает. Зато попался Дом-музей Григория Распутина в селе Покровском. Известный «старец» вырос здесь, в 1914 году в родном доме его пытались убить Хиония Гусева, ударив ножом в живот. Впрочем, собственнно от дома Распутина сохранились одни наличники.

Напротив Тобольска Тобол впадает в Иртыш, который, в свою очередь, вливается в Обь. Левый берег Иртыша низкий и болотистый, а правый вздымается отвесным обрывом на несколько десятков метров – словно «Великая сибирская стена» петляет в обе стороны до горизонта. «Стена» желто-зеленая: по ее песчаному обрыву сползают

полоски травы. Незыблемо смотрятся на «стене» огромные буквы «Тобольск» у моста через реку. Согласно летописи, 23 октября 1582 года возле устья Тобола под крутым берегом Иртыша и произошла решающая битва дружины Ермака с сибирским ханом Кучумом. Потчеваш, Чувашский мыс, Чувашская гора, Чувашский городок – так это место называли в разные времена и в разных источниках. Находится он на восточной окраине Тобольска – в нижнем посаде. Добраться туда не составляет труда.

Портрет Ермака Тимофеевича работы неизвестного художника. Конец XVIII – начало XIX века

Михаил Степанович Знаменский, художник, археолог, этнограф, писатель, внесший огромный вклад в сохранение культурного наследия Сибири

ЗАГАДКА ЧУВАШЕЙ

Когда мы подкатили к «чувашскому» берегу, накрапывал дождь, а над Иртышом поднимался пар. Местность тут глухая: старая промзона, заборы исписаны граффити, а к Потчевашу хорошей дороги нет – нужно идти километр по берегу. На пустынном берегу мне встретился только мальчик, он выловил из реки кусок лески с яркой блесной и предлагал мне ее купить. Мыса в географическом понимании здесь никакого нет – видимо, он давным-давно обвалился в реку. А вот откуда взялись в Сибири чуваш?

На эту тему исследователи ломают голову не одну сотню лет. Одни считают, что «Потчеваш» на языке местных хантов означает «прибрежное селение». Первый археолог Тобольска, Михаил Степанович Знаменский, переводил это название как «олений городок», в качестве доказательства представляя множество оленьих рогов, найденных на берегу.

Согласно Ремезовской летописи, задолго до Ермака чувашей привез сюда из Казани сибирский хан. Переселенцы выстроили на берегу укрепленный городок, который, по всей видимости, и атаковали русские казаки.

Ремезовская летопись (она же краткая «Кунгурская» или «Тобольский летописец») – единственный подробный источник о походе Ермака. Тобольский энциклопедист Семен Ремезов составил ее в самом конце XVII века. В ней сообщается много сведений, которые отсутствуют в других, более ранних летописях. По этой причине историки относятся к сообщаемым в ней фактам осторожно. Ремезов щедро сдобрил книгу фольклором. То и дело на страницах появляются знамения о предстоящих событиях, видения перед сражениями, языческая жертва-гадание, проводимая татарами. Считается, что источником для Семена Ремезова послужили рассказы отца – казачьего сотника Ульяна Ремезова, лично знавшего участников похода Ермака.

БИЛИСЬ НЕОТСТУПНО

«И бысть брань великая октября в 23 день, – рассказывает летопись о решающей битве, – дрались врукопашную, секуще противников своих... Оружия же не было у кучумлян, только луки и стрелы, копья и сабли. У чувашей же было две пушки, казаки заставили их умолкнуть, и те сбросили их с горы в Иртыш. Кучум, стояше на Чувашской горе, и видя многое падение своих, зельно плакашеся сам и все неверные, повелел агунам и абызам своим взывать с мольбою к кумирам, но спали боги их. И оказался беспомощен и опозорен, тесним невидимою Божью силой, и задумал бежать. А бились три дня без сна неотступно».

Что касается истории с «чувашскими пушками», не одно поколение любителей старины пыталось их найти. Однако историки скептически относятся к этому. У татар не было огнестрельного оружия; стоило оно дорого, нужен был порох. Да и преимущество этого вида вооружения тогда не все понимали. Бытовала поговорка: пока русский из пищали выстрелит, татарин в него пять стрел пустит. Во времена Ермака, правда, уже была отработана тактика линейного боя – сражавшиеся отстреливались линия за линией, чтобы огонь велся непрерывно.

По преданию, в битве на Чувашском мысу погибло 107 казаков. О месте их захоронения никаких сведений нет. В дореволюционном Тобольске в память о погибших на первой неделе Великого поста ежегодно служили панихиды. Сейчас памятное место тоболяки не особо жалуют. Никаких информационных знаков нет. В свое время под горой была промзона и свалка. Не так давно один влюбленный выкопал на склоне лопатой гигантские буквы – имя своей возлюбленной. Ванда, правда, призвали к ответу – история получила большой резонанс в городе, и полиция «художника» нашла.

В 2014 году на вершине Чувашской горы установили 7-метро-

ФОТО АСТОРА

В.И. Суриков.
Покорение
Сибири Ермаком.
1895 год.
Великий
художник
сам побывал
на Чувашском
мысу и живо
изобразил
взятие
«Великой
сибирской
стены»

вый деревянный крест. Сначала показалось, что мне до него не добраться. И в сухую погоду, чтобы забраться на гору по крутой тропинке, нужна соответствующая обувь, а во время дождя вряд ли получится добраться хотя бы до половины холма. Но все-таки не зря я карабкался по грязи: с высоты видно, что под горой стоит... бревенчатый «городок», какие ставили казаки Ермака. Частоколом обнесены избы, сараи, мельница, небольшая церковь... Вид очень реалистичный, а сквозь щели бревенчатой стены непрерывно свистит ветер. Вот, оказывается, как поет частокол. Хотя, скорее, воет.

В «городке» не видно ни одного человека – везде трава по пояс. Все это декорации, сохранившиеся после съемок фильма «Тобол» в 2019 году. После съемок «городок» остался как туристическая достопримечательность и место проведения праздников.

ГДЕ-ТО НА РАВНИНЕ

Декорации декорациями, а что действительно встретил Ермак на Чувашском мысу? С этим вопросом я обратился к археологу Тобольского музея-заповедника кандидату исторических наук Игорю Балюнову.

«Первые археологические раскопки Потчеваша проводил в 1878 году Михаил Знаменский, – рассказывает Игорь Валерьевич. – Промышленник Сидоров выделил на это 2 тысячи рублей – огромную сумму. В те времена полагали, что на месте боя находилась ставка Кучума. Знаменский нашел следы поселения, сотни разных предметов, в том числе наконечники стрел. В дальнейшем коллекция была куплена Томским университетом и до сих пор там находится. Знаменский определил городок как татарский, что, конечно, было ошибкой – предметы относились к местным

Явление
«белого зверька»
перед боем на
Чувашском мысу
и само сражение.
Иллюстрация
из Ремезовской
летописи

ФОТО АСТОРА

ФОТО АВТОРА

Сад Ермака – любимое место отдыха тоболяков уже почти двести лет

угорским народам. Более поздние раскопки это подтвердили. Причем поселение там существовало в раннем Средневековье, а во времена похода Ермака уже давно пустовало. Следов боя русских с татарами никаких не найдено. Да это и очень непросто. Во-первых, берег осыпается в реку и городок частью находится под водой. Участников боя было немного: тысяча казаков и не более 2 тысяч воинов Кучума – ни о каких 15 тысячах, как значится в Ремезовской летописи, речь идти не может. И сражение вряд ли длилось долго. Доспехи были дорогие – на поле битвы ничего не оставляли.

Кроме того, там с самого появления Тобольска была переправа, склады, магазины, полигон у местного гарнизона, там распаивали землю. То есть место очень обжитое, потому ничего и не сохранилось. А если обратиться к военной стратегии, то принимать бой там было опасно – над казаками нависала высокая гора, делавшая их очень уязвимыми». Наша беседа проходила на высоком холме Тобольского кремля. На вопрос, где же тогда находится вероятное место битвы, Игорь Балюнов указал на простирающийся под холмом нижний посад: «Где-то здесь на равнине».

САД ЕРМАКА И «ЕРМАКОВО ПОЛЕ»

Получается, 16-метровый мраморный обелиск, посвященный Ермаку, на краю Чукманского мыса над нижним посадом по соседству с кремлем стоит вполне уместно. Посвящение на обелиске многословное: «Покорителю Сибири Ермаку. 1581. Воздвигнут в 1839 году». Если присмотреться, то можно заметить, что цифра «9» в последней дате выглядит как-то кривовато. Причиной тому не рука вандала. Изначально на обелиске стоял 1837 год. Но поставить его смогли только год спустя, а открыли – в 1839-м. Для исправления года предлагался целый проект по обтески граней обелиска. Губернатор Западной Сибири Петр Горчаков выбрал более легкий способ – «исправить надписи вставками»... Обелиск – единственный до-революционный памятник Тобольска. В советском городе ме-

Скульптура покорителя Сибири в парке «Ермаково поле». Под дождем атаман смотрится особенно неустрашимо

ФОТО АВТОРА

мориал Ермаку пришлось ко двору, его лишь дополнили захоронением «Комсомольцев Гражданской войны» и памятником с большой красной звездой на черном граните. Уже в наше время здесь благоустроили Сад Ермака, а под стелой на краю холма возвели... амфитеатр. На сцене заводной аниматор проводил гимнастические упражнения с детьми. Родители выступали в роли зрителей. Что ни говори, удачное место для концертов и представлений: заскучал – подними глаза выше сцены и любуйся панорамным видом на Иртыш и Старый город.

Совсем недавно в Тобольске появился и первый скульптурный памятник Ермаку. Находится он в парке «Ермаково поле», расположенном на том же высоком берегу, что и Потчеваш, в паре километров выше по течению Иртыша. Бронзовый Ермак стоит при входе в парк. В еще невиданном доселе образе, впрочем, вполне реалистичном: с ружьем наперевес. Больше ничего, несмотря на претензионное название, относящегося к Ермаку в парке обнаружить не удалось. Парк больше позиционируется как ботанический сад. Место очень тихое. Сюда приходят уединиться под соснами над обрывом, полюбоваться просторными видами на Иртыш. Хорошо просматривается и устье Тобола, можно пред- ставить, как казаки входили в

«Археологические поиски следов Ермака на Иртыше еще будут продолжаться», – уверен Игорь Балюнов

ФОТО АВТОРА

Иртыш, где могли остановиться, где могли дать бой.

В парке помимо сотен редких растений стоят арт-объекты на любой вкус: беседки, мостики, ангел над обрывом, памятники знаменитым тоболякам, целый «лес» скворечников, полуголая «баба плодородия», сидящая на тыкве с корзиной овощей... Имеется Дмитриевская церковь, где, как говорят, служат панихиды по Ермаку и его дружине. Посвящение храму дано со смыслом: Ермак победоносно вошел в Искер 26 октября, в День памяти великомученика Димитрия Солунского. Город также называли «Кашлык» и «Сибирь» – именно он дал имя восточным землям России, простирающимся далеко за Иртыш.

В отличие от места решающего сражения в местоположении Искера нет никаких сомнений: столица ханства стояла на высоком берегу Иртыша в 15 километрах вверх по течению от Чувакского мыса...

ГОРОДИЩЕ-КЛАДБИЩЕ

Дорога из Тобольска подходит почти к самому Искеру. Новенький указатель «Кучумово городище (Искер)» не даст ошибиться. От асфальтированной дороги по траве идти всего пару километров. Собственно древнего городища здесь почти не осталось: через несколько лет после похода Ермака Искер был покинут населением, он безудержно сползал в Иртыш – осыпи его окончательно уничтожили. Сейчас это место правильнее называть не городищем, а кладбищем. Уцелевший высокий берег, прилегающий к Искеру, занимает кладбище «Сибиряк». Обычный сельский погост с редкими крестами и множеством угловатых советских надгробий. Мусульманские активисты разбавили однообразие «мавзолеями почтенных шейхов» – почитаемых проповедников Сибирского ханства. А также построили большую мечеть с золоченым куполом и минаретами.

Мечеть
в Искерской
астане – одна
из крупнейших
в Сибири
в сельской
местности

ФОТО АВТОРА

Дмитриевская
церковь в парке
«Ермаково поле»
выстроена
на холме –
все здесь в духе
храма Покрова
на Нерли

ФОТО АВТОРА

Последние годы городище возрождают как мусульманскую святыню-астану. «Мавзолеи» – правильнее сказать «приземистые кирпичные обелиски» – символические, сделаны в память о мавзолеях Искера, где действительно покоились именитые шейхи. На праздники мусульманские общины приезжают сюда для совместных молитв. Традиция эта древняя. В 1675 году по пути в Китай русский посланник Николай Спафарий увидел Искер как «пу-

стой городок и шанцы Кучюма, царя Сибирского <...> толко тобольския татары для воспоминания нечистые их веры магмецкие обновили преж сего и ныне обновляют мечеть, в которой по их нечистой вере приходяще действуют». Два века спустя Михаил Знаменский стал свидетелем гибели Искерской астаны: «До 29-го мая 1881 года, – писал он, – там стояла небольшая молельня, но в этот день, по словам одних, от неосторожности – а по словам других, по злобе – загорелся Преображенский лес, и он, и памятники татарские уничтожились. Тяжелое чувство охватило нас при виде черных обгорелых стволов с поднятыми вверх ветвями, словно воздетые руки к небу с молитвой: да ниспшлет оно русскому человеку более бережливости к своему природному богатству».

Брошенную столицу Сибирского ханства, конечно, разграбили, но и археологам многое осталось. Найти следы Ермака в Искере пытались с начала XVIII века. Археологические исследования велись в основном на любительском уровне, но именно благодаря им удалось спасти тысячи артефактов. Первый план Искера составил Семен Ремезов в 1703 году. Вообще-то здесь он оказался в поисках места для строительства завода по производству селитры. Завод на городище он, слава богу, строить не предлагал, но забро-

ФОТО АВТОРА

шенный город подробно записал и зарисовал. Игорь Балюнов утверждает, что это была первая в России съемка археологического памятника. Записи экспедиций разных времен дают понять скорость, с какой Иртыш смывал Искер. В начале XVIII столетия ширина площадки городища составляла 107 метров, век спустя – 85 метров, в 1881 году – 32 метра, в 1915-м – 25 метров, в 1988-м – 10 метров. «Искер мы в последний раз раскапывали в 2008 году, – рассказывает Игорь Валерьевич, – там остался крохотный мыс, на котором уже опасно работать. Под обрывом порой и копать не надо – когда Иртыш мелеет, вода обнажает осыпавшийся культурный слой. В прошлом так часто и поступали собиратели древностей. Пер-

вые масштабные раскопки Искера провел в 1880–1881 годах все тот же Знаменский. Он собрал около 1500 предметов из различных металлов, керамики, стекла, кости. Но в коллекции нашего музея их нет. Часть его находок купили музеи Томска и Омска, а в самом конце XIX века, уже после смерти Знаменского, наследники продали основную коллекцию в хельсинкский музей, где они находятся до сих пор. Согласно описанию, это 2736 предметов, половина из которых имеет искерское происхождение. Знаменский был хорошим художником и многие предметы зарисовывал – по рисункам мы можем судить о некоторых находках, но серьезным исследованием финской коллекции до сих пор никто не занимался.

Наверное, примерно так выглядел легендарный Карачин-городок, возведенный покорителями Сибири. Декорации фильма «Тобол» у Чувашского мыса

ЯМА КОСТЕЙ И ЗНАК С КОЛЬЧУГИ

«Коллекция Тобольского музея начала складываться из частных коллекций, – продолжает Игорь Балюнов. – В частности, несколько раз дарил искерские предметы тобольский дворянин Иннокентий Бутаков. У него рядом с Искером была заимка, он жил там и в свое удовольствие археологией занимался. Правда, первую свою коллекцию в 1894 году Бутаков отправил не в музей, а цесаревичу Николаю Александровичу. Наследник престола вернул предметы в Тобольский музей и взял над ним свое покровительство. С того времени наша коллекция стремительно пополнялась. Раскопки 1915 года принесли в собрание музея около 300 предметов – это были первые официальные раскопки Искера, разрешенные Императорской археологической комиссией. Руководитель экспедиции, консерватор музея Василий Николаевич Пигнатти, по образованию был филолог. Раскопки проводились не самым профессиональным образом, но Василию Николаевичу благоволила удача. А в 1993 году археологи нашли в Искере от него «послание» – почти 7500 костей животных и каменные изделия, сваленные в одну яму. На дно Пигнатти положил бутылку с запиской. Василий Николаевич хоть и не был археологом, но понимал, что груда не нужных в его время костей может открыть новые горизонты для исследователей будущего. Поэтому он их не выбросил. Здесь мы имеем дело с самым ранним в России случаем захоронения костных предметов для археологов.

Пигнатти хорошо выделил русский комплекс своих находок. Это свинцовые пули, фрагмент ствола пищали, шомпола, оружейные кремни, нательные кресты, пулелейки, детали фитильных ружей. С учетом того, что русские после Ермака в Искере не жили, можно утверждать, что это следы именно покорителей Сибири. Дружина Ермака была, скорее всего, вооружена именно фитильными ружьями – крем-

План «Кучумова городища», снятый Семеном Ремезовым в конце XVII века

невые тогда только появлялись. Найдены были и русские серебряные монетки-чешуйки. Хотя они не все относятся к Ермаку. На монетах имеются отверстия, говорящие о том, что их носили женщины в качестве украшений. Тогда же появился и самый загадочный предмет – знак-бляшка с кольчуги Ермака. Согласно Ремезовской летописи, царь Иван Грозный прислал Ермаку кольчугу воеводы Петра Шуйского, погибшего в 1564 году. После смерти Ермака кольчуга попала к татарам, затем ее отбили русские казаки, и сейчас она хранится в Оружейной палате Московского Кремля. В советское время историк Сергей Бахрушин сопоставил знак на кольчуге с находкой в Искере и заключил, что они идентичны – бляшку мог обронить сам Ермак. История находки, надо сказать, темная. Пигнатти пишет, что знак ему отдал местный крестьянин. Мы, исследовав переписку, обнаружили, что этот предмет сдал в музей еще Бутаков...

Пигнатти также нашел предметы быта местных народов – глиняные пряслица и фигурки животных. Он предположил, что до Искера на этом месте стоял остяцкий городок. Была еще версия о чудском городке, жители которого скрылись под землей. Для науки того времени вполне нормально было так рассуждать: чужд белоглазая, узнав о татаро-монгольском нашествии, ушла под землю. На самом деле фигурки животных относятся к раннему железному веку.

Основная масса находок Искера, естественно, татарские предметы. Однако на вопрос о том, как жили в Искере, ответить очень сложно. Ни одной жилой постройки не сохранилось. Были раскопаны две полуземлянки – рыбака и ювелира. В одной найдены остатки глинобитного очага-чувала, множество рыбных костей и чешуи, грузила сетей; в другой – формы для литья, металлические шлаки и женские украшения. Надо сказать, в науке до сих пор идет дискуссия: был ли Искер по-настоящему городом и посто-

Высокий берег Иртыша притягателен всюду – вид на сибирские просторы меняется при каждом изгибе реки, при разном наклоне солнечных лучей

янным местом жительства хана Кучума? Есть предположение, что хан основное время проводил в степях, а сюда являлся только ясак (натуральный налог пушниной у народов Севера. – Прим. авт.) собирать. Археология показывает, что здесь жили женщины, дети; было производство: бронзолитейное, кожевенное, косторезное. Знаменский нашел кирпичи, вероятно, оставшиеся от мечети. То есть Искер можно считать вполне серьезным средневековым городом – в большей степени местом жительства знати. Сами татары в городах не нуждались – наверное, поэтому других городов здесь не найдено».

СИБИРЬ – ЭТО ПРОСТОР

Искер имел почти треугольную форму: с двух сторон он обрывался крутыми берегами рек, а с дороги город защищали несколько рядов валов и рвов. «Сибирская стена» делала Искер неприступным – попытки штурма города неизвестны. Сейчас идти туда, под осыпающийся берег, дело опасное – сам станешь «поисланием» для археологов. А кар-

тины, увиденные Ермаком с холма Сибири–Искера, доступны и отсюда. За высоким иван-чаем и тонкими березками уходят за горизонт дали заливных лугов, полей, лесов, изгибов реки... Широчайший простор. Сибирь – это простор!

Перезимовав в Искере, дружина Ермака отправилась покорять эти сибирские просторы. Ремезовская летопись сообщает, что летом 1583 года казаки шли на север – вниз по Иртышу до Оби, непрерывно сражаясь с татарами и хантами. Состоялся ли такой поход в реальности? Историки спорят до сих пор, к тому же некоторые летописи этого не подтверждают. Более того, Ремезов называет предводителем похода полусотника Богдана Брязгу. В других источниках говорится, что Брязга погиб в декабре 1582 года недалеко от Искера.

В верховьях Иртыша археологи пока не нашли следов присутствия казаков Ермака. Да и вообще они нигде не найдены, кроме Искера. Даже форпост казаков, Карачин-городок, где Ермак, вероятно, провел больше времени, чем в Искере, – загадка. В последний раз село Карачино недалеко от устья Тобола исследовали тюменские археологи в 2014 году, но раскопали лишь следы русской деревни XVIII века.

Все летописи единодушны в одном: Ермак ходил от Искера вверх по Иртышу. Туда я и отправился... ❀

Окончание следует.

Знак-бляшка с кольчуги Ермака. Надпись извещает: «Князя Петра Ивановича Шуйского»

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТОБОЛЬСКИМ МУЗЕЕМ-ЗАПОВЕДНИКОМ

ФОТО АВТОРА

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru